

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й   ж у р н а л

№ 1

Киров
2016

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент (г. Киров)

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 208-964 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **Л. А. Кислицына**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающий **М. А. Харунжева** (кандидат философских наук)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Моторина Л. Е.</i> Метафизика человеческого бытия: «непосредственное самобытие» Семена Франка и Dasein Мартина Хайдеггера.....	5
<i>Пилюгина Е. В.</i> Россия в пространстве Постмодерна.....	9
<i>Латышева Ж. В.</i> Экзистенциалистская парадигма трансцендирования в социальной философии	15
<i>Князев В. Н., Федорин В. В.</i> Предпосылки формирования биоэтики и конституирование ее предмета: философско-методологический анализ.....	19
<i>Беляев Д. А., Синицына У. П.</i> История восприятия философско-религиозных идей Л. Н. Толстого в Японии	25
<i>Пушкин С. А.</i> Экзистенциализм как квинтэссенция неонуара.....	29

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Печатнов В. В.</i> Богословие византийского иконоборческого кризиса: христологический и схоластический этапы богословских споров	36
<i>Ткачев Ал. Ал.</i> Культурно-историческая периодизация эпохи поздней бронзы Тоболо-Иртышья.....	48
<i>Бородулина С. Ф.</i> Особенности издательской деятельности общества любителей книги в советский период (на примере Удмуртии).....	53
<i>Титлянова-Чайкина Н. В.</i> К вопросу о традициях издательского дела в Вятке.....	57
<i>Гурьянов П. И.</i> Уголовный розыск РСФСР и Ярославской губернии в 1917–1920 гг. (историко-юридический аспект)	61

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Поляков О. Ю., Полякова М. О.</i> Лингвистические модели английских пословиц: структурно-типологический аспект.....	65
<i>Крапивкина О. А.</i> Языковые средства экспликации субъекта дискурса	71
<i>Зиновьева Е. С.</i> Современные аспекты изучения гендера в языкознании	74
<i>Лутфуллина Г. Ф.</i> Репрезентация частных значений многократности формой претерита французского языка.....	79
<i>Волова В. М.</i> Прецедентные имена собственные и их специфика в газетно-публицистическом тексте как составной части масс-медиального дискурса.....	82
<i>Кондакова И. А.</i> О традиции понимания метафоры как феномена мышления.....	87
<i>Динер Е. В.</i> Категориальный подход к изучению книги.....	91
Сведения об авторах	96
Information about authors	98

CONTENTS

Motorina L. E. Metaphysics of human being: “immediate self-being” by Simon Frank and “Dasein” by Martin Heidegger

Pilyugina E. V. Russia in the space of the Postmodernity

Latisheva Z. V. Existentialist paradigm of transcending in social philosophy

Knyazev V. N., Fedorin V. V. Preconditions of bioethics formations and constituting of its subject: philosophical and methodological analysis

Belyaev D. A., Sinitsyna U. P. History of Perception of L. N. Tolstoy's Philosophical-Religious Ideas in Japan

Pushkin S. A. Existentialism as quintessence of neo-noir

Pechatnov V. V. The Theology of the Iconoclastic Crisis in Byzantium: the Christological and the Scholastic Stages of the Theological Disputes

Tkachev Al. Al. Cultural and historical periodization late bronze age of Tobol-Irtysh Basin

Borodulina S. F. Peculiarities of publishing activities of the Udmurt Society of book lovers during the Soviet period

Titlyanova-Chaikina N. V. To a question about the traditions of publishing in Vyatka

Guryanov P. I. Criminal Investigation Department of the RSFSR and the Yaroslavl province in 1917–1920 (Historical and legal aspects)

Polyakov O. Yu., Polyakova M. O. Linguistic Models of English Proverbs: Structural-Typological Aspect

Krapivkina O. A. Linguistic Tools for Representing the Speaking Subject

Zinovieva Y. S. Modern aspects of the study of gender in linguistics

Lutfullina G. F. Representation of data points multiple forms preterite French

Volova V. M. Proper names and their specifics in the newspaper text as component of mass-medial discourse

Kondakova I. A. On tradition of treating metaphor as a phenomenon of human mind

Diener E. V. Categorical approach to studying the book

Метафизика человеческого бытия: «непосредственное самобытие» Семена Франка и Dasein Мартина Хайдеггера

Статья посвящена сравнительному анализу понятий «непосредственное самобытие» Семена Франка и Dasein Мартина Хайдеггера. Метафизика человеческого бытия открывается через отношения человека к себе как существу, человека к другим сущим, человека к реальности в целом (Франк). Показано радикальное изменение отношения человека к существу в Новое время в качестве метафизической предпосылки будущих антропологий всех типов и направлений (Хайдеггер). Обе концепции имеют существенное значение для новейшего понимания антропологического принципа в философии.

Подчеркивается необходимость более глубокого осмысления сущности антропологизма, играющего роль конституирующего принципа современной эпохи, когда власть человека над миром как механизм всеобъемлющего контроля над сущим достигает угрожающих размеров и человек становится проблемой для себя самого не только в теоретическом, но и в практическом измерениях.

The article is devoted to comparative analysis of the notions “immediate self-being” by Simon Frank and “Dasein” by Martin Heidegger. Metaphysics of human existence reveals through the attitudes: man to himself, man to others, man to the whole reality (Frank). The article describes a radical change in attitudes of man to being in modern times to be metaphysical premise for future anthropology of all kinds and directions (M. Heidegger). Both conceptions have an essential meaning for the newest understanding of anthropological principle in philosophy. The article underlines the need for deeper comprehension of the essence of anthropologism, which plays the role of a constitutive principle of the modern era, when the human power over the world as mechanism of comprehensive control over (things) the whole reality reaches threatening size, and man becomes a problem for himself not only in theoretical dimensions, but also in practical ones.

Ключевые слова: человек, мир, сущее, бытие, «непосредственное самобытие», Dasein, предметное бытие, антропологизм.

Keywords: human, the world, things, being, “immediate self-being”, “Dasein”, concrete being, anthropologism.

Углубление антропологического кризиса актуализирует проблематику человеческого существования. Однако всякий раз при попытке дать определение человеку в итоге обнаруживается принципиальная невозможность такого определения, все более выявляет себя непостижимость человека, постоянное ускользание его целостности как сущего. Вместе с тем на пути в эту принципиальную неопределенность человека постепенно раскрываются все новые грани в понимании человеческого бытия как существования сущего не только в форме наличных границ (т. е. тех форм бытия, в которых человек себя уже реализовал), но и в форме возможностей как бесконечного становления свой открытости другим сущим, и как «возвышающей повязанности себя в каком-то деле перед лицом всего мира» [1]. При этом все очевиднее становится, что открытость самого мира, его «прозрачность» возможны только в силу «присутствия» человека в нем, и мерой открытости мира становится вовлеченность человека в мировое бытие.

Утрата современным человеком непосредственного бытия, то есть бытия как «такового в первичности своего элементарного существа» [2], принципиальное изменение отношения человека к существу (исключительно как к объекту или предмету) и к себе как существу (исключительно как к субъекту) приводит его в конце концов к удручающим последствиям. Эти последствия, с одной стороны, проявляются в таком устройении жизни, какого совсем не предвидели и не ждали «устроители» (Франк), а с другой стороны – в мучительной тоске человека по неосуществленным возможностям, в ощущении того, что он как бы постоянно проходит мимо собственной жизни.

В этом контексте особую значимость в духовных поисках нашего времени обретают хайдеггеровская аналитика Dasein и понятие «непосредственного самобытия» С. Л. Франка. Эти по-

нения, несмотря на различные метафизические основания, обнаруживают удивительные аналогии в раскрытии существа человека в его становлении через выявление отношений к себе как существу и к другим сущим, сущему в целом. Сопоставим хотя бы схематично эти две концепции.

«Непосредственное самобытие» С. Л. Франк рассматривает как «внутренний мир» человека, который, совпадая по истокам своим, глубине и непостижимости с абсолютной реальностью (всеединством), тем самым не перестает быть самостоятельной формой бытия. В работе «Непостижимое» С. Л. Франк подчеркивает, что весь совокупный бесконечный мир представляется чем-то имеющим смысл и значение лишь в связи с этим потаенным внутренним миром, который есть единственное истинное средоточие бытия вообще, единственное, подлинное бытие в себе [3]. В «непосредственном самобытии» отсутствуют противопоставления бытия и сущего, объекта и субъекта, ибо «непосредственное самобытие» осуществляется в той мере, в какой человек способен выйти за пределы предметного бытия. «Непосредственное самобытие» – эта такая форма реальности, которая не ограничивается предметным бытием и не покрывается логическим содержанием, напротив, оно ускользает от сознания, руководимого критерием рациональности.

Вместе с тем абсолютная реальность как непостижимое в своей несказанности открывается в «непосредственном самобытии» как нечто совершенно явственное и очевидное. «Непостижимое было бы для нас действительно непостижимым, – писал С. Л. Франк, – если бы не имел места тот основополагающий факт, что оно *само* – именно в своей непостижимости – открыто или открывается себе самому и, тем самым, нам, поскольку мы в нем соучаствуем» [4]. Таким образом, С. Л. Франк рассматривает «непосредственное самобытие» как «сущее в форме самооткровения себе самому» [5]. Человек, по мнению Франка, «живет как бы попеременно в двух мирах – в общем для всех, открыто видимом всеми, как бы в “публичном” предметном мире, в составе которого его собственное бытие есть лишь малая, несущественная, подчиненная частная реальность, – и в “интимном”, извне невидимом внутреннем мире его мечтаний, радостей, страданий и желаний – в мире всего того, что образует истинное существо человеческой жизни, ее истинное, и по сравнению с чем <...> предназначенный “для всеобщего употребления” предметный мир имеет лишь производную, утилитарную, чисто относительную ценность» [6].

М. Хайдеггер в своей аналитике *Dasein* также раскрывает существо человека как некую меру присутствия и сущего через соразмерение и ограничение тем, что ему ближайшим образом открыто. Именно в непотаенном сущем и его круге находит опору в своем бытии человеческая самость, «человек есть то место в пространстве и времени, некоторое вот-здесь, в котором сосредоточено бытие во всех способах существования (курсив наш. – Л. М.). Он есть, если говорить словами Хайдеггера, просвет бытия в толще налично сущего. Поэтому человек есть *Dasein*, которое в нашей литературе переводится буквально как здесь-бытие или вот-бытие, или, если брать перевод В. В. Библихина, – присутствие. Присутствует, т. е. находится “при сути”» [7]. Во введении, предпосланном 5-му изданию лекции «Что такое метафизика?», М. Хайдеггер пишет: «Чтобы как отношение бытия к существу человека, так и сущностное отношение к открытости бытия как такового схватить одновременно в *одном* слове для сущностной области, в которой стоит человек как человек, было избрано имя “присутствие” (*Dasein*)» [8]. Сущность присутствия у Хайдеггера заключена в экзистенции. «Экзистенцией» он именуется «виды бытия, а именно бытие того сущего, которое стоит открытым для открытости бытия» [9].

Таким образом, мы видим, что в самих понятиях «непосредственное самобытие» и «присутствие» открывается много общего. Но нас интересуют здесь не аналогии сами по себе и несовпадение или не совпадение концепций Франка и Хайдеггера, а то, как они в своей дополнительно раскрывают отношения *бытия и сущего*, и то, каким образом *изменение отношения человека к сущему* проявляется в человеческом бытии.

Отождествление бытия сущего с бытием вообще, – пишет С. Л. Франк, – приводит к тому, что «бытие» и «предметное бытие» как бы совпадают между собой, и тогда «предметное бытие» захватывает наше сознание целиком и «представляется нам как бы единственным образцом подлинного, обоснованного, прочного, неустранимо “объективного” бытия вообще» [10]. Область или форма бытия, по словам Франка, «данная нам в лице непосредственного самобытия, лежит за пределами всякого предметного бытия <...> и именно потому, что непосредственное самобытие лежит ближе всего к нам – точнее: совпадает с нами самими, оно менее всего известно и чаще всего остается незамеченным» [11].

Таким образом, наше сознание почти абсолютно заполнено предметным бытием и приковано к нему. Все, что ему доступно и открывается, оно склонно воспринимать как составную часть предметного бытия, при этом и «внутренне бытие» не только не устраняется из этого предметного мира, напротив, оно помещается в него и оказывается небольшой, относительно незначительной его частью. На фоне всеохватной предметности бытия как *единственной формы*

существования всего сущего вообще «внутренне бытие» человека как бы сжимается в точку – «в чистый, бессодержательный субъект познания» [12]. Раскрывая взаимоотношения субъекта познания и «непосредственного самобытия», С. Л. Франк критикует декартовское «Cogito», считая его губительным заблуждением. Франк убежден, что «оно натворило безмерно много вреда не только в теоретическом самосознании философии, но и вообще в форме «интеллектуализма» – в духовной жизни европейского человечества» [13].

Понимание этого важнейшего момента истории, определившего Новую эпоху, в завершение которой вступает современное человечество, существенно углубляет М. Хайдеггер, показывая, каким образом *изменение отношения человека к сущему* принципиально изменило и само существо новоевропейского человека. Декартовское “Ego cogito (ergo) Sum”, подчеркивает М. Хайдеггер, ни в коей мере не означает, что сущее в его понимании является только представлением или истончается до воздушного образования «голого мышления». Ни Декарт, ни позднее Кант, далее замечает Хайдеггер, ни разу не усомнились в том, что сущее и установленное в качестве сущего в себе само по себе реально. *Изменяется отношение человека к сущему и в том числе к себе как сущему*. Раскрывая содержание новоевропейской субъективности как чего-то лежащего, лежащего-в-основе, М. Хайдеггер показывает, каким образом традиционный вопрос метафизики: «Что есть сущее?» заменяется здесь вопросом *о методе, о пути*, на котором самим человеком и для человека отыскивается абсолютно достоверная и надежная опора и очерчивается безусловное, непоколебимое основание истины» [14].

«Метод» здесь имеет метафизическое значение, «вывешанное» в самом существе субъективности. Превратившись в субъект, человек открывает для себя такую достоверность, «в силу которой и внутри которой он *сам удостоверяет себя как в сущем*, опирающимся таким путем на самого себя (курсив наш. – Л. М.)» [15]. Утверждение суверенитета мыслящего субъекта, ищущего опоры только в себе, несомненно, можно назвать поворотом к «новой философии». Понимая человека как «Я», существование которого определяется его мышлением, Декарт осуществил настоящую реформу, имеющую глубинный смысл для человека и его культуры. Сущность реформы заключается в том, что основные человеческие ценности теперь более тесно увязаны с активностью, свободой и самостоятельностью каждого отдельного человека, а «человеческую размерность» создаваемых им объектов начинают рассматривать в качестве главного критерия ценности знаний, практических действий, да и культуры в целом.

Показывая принципиальную новизну отношения новоевропейского человека к сущему и изменение роли человека внутри этого отношения, М. Хайдеггер сравнивает его с «человеком греческим» и «человеком средневековым». Греческий человек, пишет он, принадлежит бытию через его «присутствие», которое выражается в ограничении круга бытия, где «сущим правит непотаенность» [16]. Для средневекового человека «быть сущим значит принадлежать к определенной иерархической ступени сотворенного бытия и в таком подчинении отвечать первопричине...» [17].

Человек Нового времени становится репрезентантом сущего в смысле предметного. Оно должно теперь себя представлять, показывать, быть картиной. Именно с того момента, когда мир для человека превращается в картину, в объект, сам человек становится субъектом. М. Хайдеггер задается вопросом: что в этой новой ситуации означает слово «бытие», и как сущее должно обеспечиваться и достигаться человеком, превратившимся в субъект? Бытие тогда, согласно Хайдеггеру, есть «удостоверяемая рассчитывающим представлением представленность, посредством которой человеку повсюду обеспечивается движение среди сущего, исследование, завоевание, покорение и препарирование сущего» [18].

В качестве субъекта человек поднял свою жизнь до командного положения всеобщей точки отсчета. Человек все более становится мерой и средоточием сущего, что проявляется в развитии новоевропейской науки и техническом овладении действительностью. Все более и более человек замахивается и на формирование собственной сущности. Именно в Новое время, подчеркивает М. Хайдеггер, возникает такая вещь, как статус человека. Чем объективнее объект и субъективнее субъект, тем неудержимее становится преобразование мира, и наука о мире превращается в науку о человеке, в антропологию. Таким образом, по мнению Хайдеггера, открытие субъективности создает *метафизические предпосылки для будущей антропологии всех видов и направлений*.

Все более нарастающее «насилие» над сущим со стороны человека, укоренного в «предметное бытие», ведет постепенно к разрыву сущего и бытия, к утрате человеком своего подлинного существа. Образно передавая общее настроение эпохи, С. Л. Франк писал: «Мы висим в воздухе над бездной, ибо утратили внутреннюю связь нашего духа, нашей личности с бытием» [19]. Отсюда, наши идеалы вместо того чтобы поддерживать нас, «берут нас в плен, требуя от нас самоубийства, умаления и извращения всей нашей жизни во имя их» [20]. Способен ли человек сегодня вернуться к «присутствию» в мире и к «непосредственному самобытию»? Этот вопрос, к сожалению, остается открытым.

С. Л. Франк говорит о «непосредственном самобытии» как о сущем, включающим в себя абсолютную реальность (всеединство), сущее в целом. «Непосредственное самобытие», по Франку, есть одно из всеединств, «всеединство, взятое как единичное». Таким образом, все сущее характеризуется им как раздельность (инаковость) и как взаимопроникновение. Существовая одновременно как *самоопределение* и как *самопреодоление*, «непосредственное самобытие» имеет форму становления, стремления и осуществления. Отсюда, существенным признаком «непосредственного самобытия» является трансцендирование, выхождение за пределы самого себя.

Франк различает «идеальную» и «реальную» формы трансцендирования. Первая и самая общая форма есть трансцендирование в познавательной интенции. Она, по его мнению, не является существенной для «непосредственного бытия», хотя и является признаком его функционирования и действительности. Именно благодаря познавательной интенции человека действительность становится его «идеальным» достоянием и предметно осознается им. Хотя «идеальное» трансцендирование «непосредственного самобытия» и направлено на нечто внешнее, оно все же не выходит за пределы самого себя и не обретает подлинной почвы для себя в ином. Только совершая «реальное» трансцендирование в реальность, *сродную по существу ему самому*, «непосредственное самобытие» выходит за свои пределы и обретает подлинную связь с превосходящей его реальностью, на которую оно может опереться всем своим внутренним существом. «Реальное» трансцендирование, согласно Франку, осуществляется в двух измерениях: «во вне» как трансцендирование в другое «Я» и «во внутрь» как трансцендирование в истинную, прочную, актуальную основу самого «непосредственного самобытия», в реальность *духа* [21].

Сравнительный анализ понятий «непосредственное самобытие» Семена Франка и *Dasein* Мартина Хайдеггера позволяет отчасти прояснить вопрос о существовании *антропологизма* как способа мышления и мировоззренческого принципа современной эпохи. Антропологический принцип в философии имел и имеет различную смысловую нагруженность. Так, если антропологизм С. Л. Франка глубоко укоренен в его метафизике всеединства, то М. Хайдеггер рассматривает антропологию в качестве завершения метафизики вообще. Он считает, что антропология не способна преодолеть новоевропейскую метафизику, поскольку следствие не может пойти против причины, поэтому антропология в качестве мировоззрения может лишь «обеспечивать задним числом самообеспечение субъекта» [22]. Вместе с тем и С. Франк и М. Хайдеггер едины в осознании того, что власть человека над миром как механизм всеобъемлющего контроля над сущим достигла угрожающих размеров – и человек становится проблемой для себя самого не только в теоретическом, но и практическом измерениях.

Открытие субъективности, с одной стороны, явилось метафизической основой развертывания творческой деятельности человека, с другой – породило «*антропологическую проекцию на мир*», которая к концу XX в. возвратилась к человеку в незнакомых, чуждых ему и пугающих его образах мира. *Возникло глобальное противоречие между творческой сущностью человека и результатами его деятельности*, которые образуют особый мир объектов, функционирующих по своим собственным законам. Отсюда расширяется проблемное поле антропологического принципа в философии. В научный оборот начинают входить понятия антропологический стандарт, антропологический критерий, антропологические константы, антропологическая целостность и др. [23] В наше время с развитием гуманитарных технологий, содержанием которых является радикальное изменение не только сознания, но и телесности человека, данное противоречие лишь обостряется.

Каковы будут пути его разрешения: дальнейшее ли укоренение человека в предметном мире и «завоевание» им сущего или обретение своего подлинного существа посредством глубокого и о-духотворенного общения с Другим (природой, человеком, Богом)? Без уяснения сущности антропологизма его использование в качестве конституирующего принципа культуры может быть не только формальным и бессодержательным, но и весьма опасным.

Примечания

1. Мамардашвили М. Картезианские размышления. М., 1993. С. 12.
2. Франк С. Л. Соч. М., 1990. С. 325.
3. Там же. С. 321
4. Там же. С. 317.
5. Там же. С. 326
6. Там же. С. 321.
7. Ненашев М. И. Мартин Хайдеггер о бытии и сущем // Философское образование. 2010. № 2 (22). С. 7–8.
8. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 30–31.
9. Там же. С. 31.
10. Франк С. Л. Указ соч. С. 321.
11. Там же. С. 318.

12. Там же. С. 322.
13. Там же.
14. Хайдеггер М. Указ. соч. С. 118.
15. Там же.
16. Там же. С. 117.
17. Там же. С. 51.
18. Там же. С. 132.
19. Франк С. Л. Указ. соч. С. 163.
20. Там же. С. 167.
21. Там же. С. 346.
22. Хайдеггер М. Указ. соч. С. 61.
23. Моторина Л. Е. Философская антропология. М., 2009. С. 96–117.

Notes

1. M. Mamardashvili Kartezianskie razmyshleniya [Cartesian meditations]. М. 1993. P. 12.
2. Frank S. L. Soch. [Works]. М. 1990. P. 325.
3. Ibid. P. 321
4. Ibid. P. 317.
5. Ibid. P. 326
6. Ibid. P. 321.
7. Nenashev M. I. Martin Hajdegger o bytii i sushchem [Martin Heidegger about being and beings] // Philosophical education. 2010, No. 2 (22), p. 7–8.
8. Heidegger M. Vremya i bytie. [Time and being]. М. 1993. Pp. 30–31.
9. Ibid. P. 31.
10. Frank S. L. Op. cit. P. 321.
11. Ibid. P. 318.
12. Ibid. P. 322.
13. Ibid.
14. Heidegger M. Op.cit. P. 118.
15. Ibid.
16. Ibid. P. 117.
17. Ibid. P. 51.
18. Ibid. P. 132.
19. Frank S. L. Op. cit. P. 163.
20. Ibid. P. 167.
21. Ibid. P. 346.
22. Heidegger M. Op. cit. P. 61.
23. L. E. Motorina Filosofskaya antropologiya [Philosophical anthropology]. М. 2009. Pp. 96–117.

УДК 141-333

Е. В. Пилюгина

Россия в пространстве Постмодерна

В статье анализируются тенденции расширения пространства постмодерна, адекватность различных исторических методологий в качестве инструментов исследования процесса актуализации постмодерновой реальности, спецификации постмодерна в конкретных обществах. Обосновывается неизбежность в условиях глобализации вовлечения в постмодерновый мир мирового сообщества в целом и отдельных его культурно-исторических сегментов. При этом констатируется эклектичность постмодернового проекта в различных сообществах, реализуемого через наложение и конвергенцию, прежде всего, модернистской и постмодернистской моделей. Исследуется постмодерность российского общества: выявляется специфика российского варианта постмодерна как фрагментированной реальности, подразумевающей наложение постмодернистской по характеру политики на преимущественно индустриальную (модернистскую) экономику, а также диссонансы постмодерна-модерна в социальной и духовной сферах. Делается вывод, что характер и границы российского «проекта постмодерн», в основном, уже очерчены и в перспективе вряд ли будут серьезно изменены.

The article analyzes the trend of the expansion of the area of the postmodernity, the adequacy of different historical methodologies as tools for studying the process of the actualization of the postmodern reality, postmodern specifications in certain communities. The Inevitability of the involvement in the post-modern world of the

world community in general and its separate cultural and historical segments locates. Thus eclecticism of the post-modern project in various communities realized through imposing and convergence, first of all, of modernist and post-modernist models is stated. Is investigated the postmodern type of Russian society; it revealed the specifics of Russian version of the postmodernity as the fragmented reality, implying the imposition of postmodern politics at a predominantly industrial (modernist) economy, dissonances postmodern-modern in the social sphere and cultural, including, education.

Ключевые слова: постмодерн, постмодернити, постмодернизм, постиндустриальное общество, модерн, индустриальное общество, фрагментированная реальность, симулякры, сингулярность.

Keywords: postmodern, postmodernity, postmodernism, post-industrial society, modern, industrial society, fragmented reality, simulacrum, singularity.

Представление о современном мире как находящемся на перепутье, в предощущении грядущих и уже происходящих масштабных социальных изменений стало общим местом гуманитарной науки и публицистики. Чаще всего аналитики маркируют это своеобразное состояние междувременья «обществом постмодерна» (“postmodernity”). Зафиксированное в исторической науке как Новейшее, наше время также обозначается обществоведами постиндустриальным, информационным обществом, постмодернистской реальностью, Новым средневековьем и т. д. Эти и подобные маркировки не тождественны, но синхронны по времени, позволяют акцентировать те или иные аспекты современного мира.

Наиболее общим понятием можно считать дефиницию «мир постмодерна», но не в интерпретации французского философа Ж. Лиотара, обеспечившего, во многом, популяризацию данного термина, а в том смысле «пост-модерна», который задал английский историк А. Тойнби [1], обозначая современный этап исторического развития и тип общества, пришедший на смену индустриальному обществу Нового времени. Семантически аморфный термин «постмодерн», лишь указывающий на наступающее некое «пост», но не фиксирующий его признаки, подобно «плавающему означающему» Ж. Делеза [2], стал той принципиально неопределенной, а значит емкой вербальной формой, которая способна вместить какое угодно содержание. Иные обозначения и характеристики вкладываются в эту вербальную форму, насыщая ее; наслаиваясь друг на друга, все дефиниции вместе создают образ современной калейдоскопической реальности. Последнюю четверть XX в., особенно после выхода в 1979 г. знаменитой работы Жана Лиотара «Состояние постмодерна», и первое десятилетие нашего столетия представители гуманитарных наук занимались, прежде всего, семантическими изысканиями, пытались о-предел-ить неопределенное изначально «пост», и, попутно, социальными исследованиями, призванными «обналичить» черты постмодерна в современном мире.

Последние годы наметилась новая тенденция: маркировка «общество постмодерна» касательно современности уже мало кем оспаривается, хотя проблема аморфности/полиморфности концепта «постмодерн» так и не разрешена; но теперь обществоведы вовлечены в процесс выявления признаков, свидетельствующих о включении конкретных обществ в пространство и «состояние постмодерна» [3]. Остановимся и мы на актуальной проблеме включения в постмодерновую реальность российского сообщества. Предварительно обозначим некоторые «реперные точки» исследования, семантически и логически ограничив заявленную тему.

Прежде всего, отметим, что в условиях глобализации остаться «на обочине» происходящих в мире изменений невозможно. Вовлечение в глобальные экономические и политические процессы стран и народов началось в Новое время, а в наше – лишь резко интенсифицировалось. Процесс модернизации шел неравномерно, охватывая последовательно, но непреклонно сначала Европу, затем ментально близкие европейскому духу страны, частично европейские общества, в том числе Россию и т. д. Также постепенно втягивает в себя страны и народы постмодернистско-постиндустриальная реальность, и правомерно утверждать, что, рано или поздно, специфический постмодерновый формат актуализируется во всех уголках мирового сообщества, желаем мы этого или нет.

Между тем следует отметить некоторые нюансы включения человечества в «состояние постмодерна» и осознания этого включения. Во-первых, индустриальный мир, при всех его, в том числе, отрицательных проявлениях в виде экологических проблем, насаждения чуждой для многих народов западной культуры, масштабных войн за новые рынки, воспринимался большей частью положительно. Классические атрибуты Нового времени – индустриализация, свободный рынок и либеральная демократия – длительное время трактовались как перспективное будущее всего человечества, возможность сохранить и упрочить национальные государства в условиях жесткой конкуренции и, даже, как собственно «цивилизованность».

С постмодернистской реальностью дело обстоит иначе: изначальная трактовка постмодернизма и постмодернити была представлена в негативном ключе. Постмодернизм вообще выглядит как квинтэссенция радикально критического взгляда на окружающее и происходящее. В нем нет веры в прогресс, так характерной для эпохи модернити; да и вообще, нет никакой масштабной, скрепляющей массы, системы идей, призванной придать устойчивость социальной действительности и обеспечить психологическую устойчивость индивидов в условиях непрерывных социальных изменений; напротив, борьба со всякого рода тотальностью, в том числе идеологической (метанарративами), «разрыв шаблонов», преодоление любых границ (трансгрессия) поставлены во главу угла. Индивидуализм и, одновременно, массовость модернистского мировоззрения трансформируются в постмодернистскую сингулярность, когда обособленный субъект проникается иллюзией включения в социальность через разнообразные виртуальные сети. И вот в этих сетях, как в собственных сконструированных «мирках», он и существует, устанавливает или принимает установленные другими каноны, в том числе веры (в виде отдельных, слабо связанных друг с другом и с реальностью, фрагментов восприятия мира и себя – мифологем, повсеместно заменивших прежние целостные модернистские идеологии, традиционные мифологии).

Так происходит партикуляризация веры, как и общества в целом. В условиях социальной трансгрессии и транспарентности актуализируется странная сетевая реальность, в которой значимы уже не сами коллективы или индивиды, не государства и этносы, а их связи, взаимодействия. Постепенно в «паутине интеракций» теряются собственно взаимодействующие субъекты, или, по крайней мере, низводится их значимость – субъектность. Точнее, субъектность представляется исключительно как интерактивность: «пока мы взаимодействуем – мы существуем». Интеракция сингулярных социальных субъектов осуществляется в процессе включения в единое информационное пространство, в котором субъекты обмениваются «пакетами информации», да и сами предстают как «сгустки информации» – нарративы.

Цивилизационная модель истории уже не может быть взята сегодня на вооружение, так как в глобализирующемся мире границы между цивилизациями (государствами, культурами) стираются. При ближайшем рассмотрении социальные конфликты выглядят уже не противостояниями между государствами и нациями, как в индустриальном мире, даже не этническими или религиозными конфликтами, как могло бы показаться на первый взгляд. Это убеждение легко развеивается при упоминании, скажем, тех европейцев и россиян, которые отправляются сражаться на стороне ИГИЛ. В качестве полноценных участников конфликтов выступают сегодня симулякры, о которых так много писал в свое время Ж. Бодрийяр: симулякры наций и этносов, цивилизаций (например, весьма условный «Запад», или «американская нация», или даже культивирующийся сегодня в российской политике мем «русский мир», который не следует путать с реальной исторической общностью, актуальной примерно в период XVI–XIX вв.). По Бодрийяру, симуляция – порождение моделей реального «без оригинала и реальности – гиперреального» [4]. Симулякры не взаимодействуют друг с другом, представляя собой «параллельные» виртуальные реальности.

В постмодерновой ризоморфной социальной реальности, несмотря на общее «корневище», взаимодействие, да и просто соприкосновение ветвлений не обязательно, и даже нежелательно. Наиболее адекватны в качестве методологий постижения такой социальной реальности концепции современного естествознания: синергетическая теория и набирающая популярность «теория суперструн», конечно, с оглядкой на специфику социальной среды. В социальном аспекте в качестве таких «суперструн», непрерывно меняющихся очертания, как и параметры измерения, в результате взаимодействия с социальной «мембраной» – конкретной средой, могут выступать любые социальные субъекты, точнее, их культивируемые образы.

Теперь ни линейная, ни какая иная последовательность уже не действуют, или могут действовать одновременно множество переплетающихся последовательностей; какие-то через некоторое время угасают, какие-то развиваются и доминируют, причем прогнозировать, какие последовательности – ветвления реальности – окажутся перспективными, едва ли возможно. А это значит, что постмодерновый мир со всеми его атрибутами в виде радикализации плюрализма, стирания любых границ, в том числе между истиной и ложью, реальностью и ирреальностью, симуляции реальности, в том числе экономической (постиндустриализация – перенесение акцента с производственной сферы в финансовую), политической (выборы как шоу, президенты как «макетены власти» и «менеджеры транснациональных корпораций» [5]), может проявиться, да и проявляется уже, где угодно: в Японии, Китае, России, на Украине, в арабском мире и т. д.

Европейский вариант постмодерна, так подробно описанный французскими философиями-постмодернистами (Ж. Лиотар, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр), американский вариант постмодерна, который Жан Бодрийяр колоритно окрестил «дайджемом» европейского, «диснейлендовской реальностью» [6], японский постмодерн в стиле анимэ, китайское явно постмо-

дерновое общество с фрагментарным наложением стилизованной марксистской идеологии на глубинную конфуцианскую ментальность и современные интернет-технологии, – это не одно и то же, но все же это ветвления общества постмодерна, в отношении которых бессмысленно утверждать, какое из них «более постмодерновое». В какой-то момент времени некоторый «отросток» мира-ризома может доминировать, но это временный эпизод. Ведь полноценная структуризация горизонтальной системы ризома привела бы к ее трансформации иерархическую. Общество постмодерна, в этом случае, вышло бы, наконец, из междувременья, определив себя содержательно, а не апофатически; но тогда завершился бы постмодерн. Сегодня же мы продолжаем являться свидетелями растекающейся по миру постмодернистской реальности. Например, как ИГ – то ли террористическая организация, то ли альтернативное государство, то ли антиамериканское, то ли созданное под эгидой США, то ли реально убивает на камеру представителей заявленных символических противников, то ли демонстрирует красочное шоу в стиле голливудского «ужасника» – классический пример постмодерна, только с арабским штрих-кодом. Подобные и многие другие примеры свидетельствуют, что окончание нынешнего переходного периода, наступление постпостреальности вряд ли возможно в ближайшем будущем, даже несмотря на ускорение исторического развития. Скорее, следует констатировать, что человечество вступило в «развитой», зрелый постмодерн.

В связи с этим встает вопрос о постмодернистской реальности в России и ее проявлениях. Обратим внимание на упреки ее геополитических соперников: российские власти и массмедиа сегодня обвиняются в переформатировании и симуляции истории, эффективном маркетинге и мерчандайзинге вбрасываемых идей, создании альтернативных образов реальности, участии в информационных и так называемых «гибридных» войнах. То есть во всем том, что философ Ж. Бодрийяр, социолог З. Бауман [7] и их единомышленники еще лет пятнадцать назад объявили признаками постмодерна, обнаружив эти явления в западном мире. «Ризома растет из середины», любил повторять Ж. Делез; это делает постмодернистское инфицирование современного человечества особенно непредсказуемым и эпидемиологическим, так как невозможно предсказать, где и в чем проявится постмодернистская реальность завтра.

К сожалению, некоторые отечественные исследователи еще высказывают сомнения по поводу адекватности определения «постмодернистский мир» в отношении российского общества [8], выстраивая даже проекты «недопущения» скатывания России в постмодерн (активизировавшиеся в последнее время в связи с геополитическим противостоянием с США, которые ассоциируются ныне с доминирующим «проектом постмодерна»). Фактически, это мышление в категориях формационной концепции истории, рецидивы модернистской ментальности. Сегодняшние геополитические успехи России и уже обозначенная выше паника в западных СМИ, вызванная осознанием неожиданной конкурентоспособности российских массмедиа в осуществлении постмодернистских практик, заставляют сделать вывод об адекватности российской политики существующему моменту, то есть о ее постмодернистском, по сути, характере.

Подчеркнем, что успешной российская внешняя политика может быть признана именно с позиций постмодерна, а не старых модернистских методик с их однозначными определениями и четкой иерархией «победителей» и «побежденных». «Текучее» распространение российского влияния в ответ на «таран» Рах Americana; гибкая фрагментация внешних взаимодействий, позволяющая в отдельных областях строить отношения с теми же США как «партнерами»; диверсификация политических и экономических интересов; семантическая размытость и неоднозначность политических формулировок и заявлений, побуждающая политиков, публицистов, рядовых граждан непрерывно их интерпретировать; политическое имиджмейкерство, производящее популистские имиджи-образы политиков; «регионально-сетевой (матричный)» тип политических организаций [9]; завязанность их деятельности не на программы, а на культивируемый образ-симулякр лидера; привлечение мифологически фрагментированного «исторического опыта» (ремейки истории) для объяснения происходящего обывателям; участие в войнах нового типа, которые «то ли есть, то ли нет», и суть которых состоит не в том, чтобы выиграть, победив соперника, а в том, чтобы его переформатировать; условность и обратимость соперников (не вполне ясно, кто с кем воюет), в результате чего противостояния часто приобретают вид символической «игры на публику» – эти и многие другие атрибуты постмодернистской реальности не должны оставлять сомнений.

Притом, и здесь следует согласиться с аналитиками-экономистами [10], традиционно ресурсная российская экономика и некоторые иные исторические реалии вряд ли позволят осуществить постмодернистско-постиндустриальный проект в том варианте, в котором он был осуществлен в США или в Европе, а низкая удельная плотность населения – постиндустриальный китайский или японский экономические проекты. Более того, сырьевая база экономики, огромные

территории и практически неисчерпаемые ресурсы, неизбежный акцент на экстенсивность развития, – все эти «минусы» и «плюсы» российской экономической действительности обеспечивают продление индустриальной фазы сколь угодно долго, может быть, вообще не вступая в полной мере в область «классического постиндустриализма». То есть на индустриальную, по сути, российскую экономику накладывается явно постмодернистская политика.

Что касается двух других ключевых сфер общества, выделенных в свое время Т. Парсонсом (социальной в узком смысле и духовной), то здесь наблюдается парадоксальное смешение как модернистских, так и постмодернистских черт. Тем не менее акцент на традиционную семью, продолжающаяся активная фаза урбанизации, социально-политическая активность населения позволяют предположить тяготение социальной сферы к модернистскому варианту общества. Такие признаки социальной структуры постмодерна, как клановость на основе характеристик «свой-чужой» [11], «вьетнамизация территории» [12], под которой понимается прогрессирующее образование частных военных образований, призванных защищать интересы «новых феодалов» – ключевых акционеров ТНК, также пока не явственны. Напротив, продолжает влиять импульс мобильности, полученный российским обществом в Перестройку, но и усиливается административная роль государственных структур, стремящихся как раз ограничить «неофеодальную» вольницу, сформировавшуюся в «лихие 90-е». В то же время растет число офисных работников, особенно в крупных городах, в которых наблюдается также постепенное перетекание населения из центра на окраины, что характерно для постмодернового типа общества. Тем не менее «смерть рабочего класса» в обозримом будущем российскому обществу не грозит в силу его ресурсной экономики. Таким образом, в социальной сфере сложился диссонанс: в крупных городах, особенно в столице, преобладают признаки постмодерности; в большей же части российского общества все еще актуальна модернистская модель.

Куда более вовлечена в пространство постмодерна сфера культуры, и прежде всего образование, особенно после реформы высшего образования, взявшей за образец западную бакалаврскую модель. Символизация дипломов, не эквивалентных знаниям, «циркулирующих, подобно плавающим курсам валют» [13], акцент на широту, а не глубину информации, тестирование, а не устный опрос – оттенки постмодернистской реальности в российском образовании. Это вполне объяснимо: общество, назвавшее себя информационным, акцентировало значение сферы производства и распространения информации. Информационные средства были объявлены «четвертой» и «пятой» властью. Отсюда, сфера культуры неизбежно оказалась завязана на политику, а борьба за власть включила борьбу за контроль над СМИ. Образование же в связи этим стало инструментом манипуляции влиятельных политических сил общественным мнением в наиболее подвижной и перспективной молодежной среде. Таким образом, и СМИ, и образование сегодня четко завязаны на власть; наблюдается также стремление власти манипулировать религиозными движениями и организациями.

Но, учитывая диссонанс между постмодернистской по сути политической практикой и преимущественно индустриальной экономикой, в российской образовательной сфере сложилась проблемная ситуация: тенденция на выпуск не столько знающего человека, сколько мыслящего в категориях актуальной, то есть постмодернистской реальности, и, тем самым, лояльного к власти, вступила в противоречие с производственной необходимостью. Заточенная на тяжелую промышленность российская экономика все еще нуждается в профессионалах – инженерах, а не менеджерах; ликвидация же начального профессионального образования и серьезное ограничение выпуска специалистов обеспечили нехватку эффективных инженерных кадров и просто рабочих рук. С реформистскими казусами теперь пытаются справиться усилением контроля над образовательными учреждениями, что фактически противоречит самой идее взятого за образец широкого, «мировоззренческого» образования современного западного типа, целью которого является производство «свободной креативной личности», а не профессионала в какой-то конкретной области. Таким образом, в современной российской системе образования наличествуют одновременно две тенденции: установка на постмодернистское гуманитарное образование «вширь» и сохранение ростков традиционного со времен Петра I специального образования «вглубь». Это выливается в перманентно провозглашаемую борьбу административных ресурсов «за качество образования» без какого-либо очевидного результата – в силу неопределенности и размытости самого концепта «качественного образования».

Тем не менее заявлять, что в текущий исторический момент Россия – на перепутье, на заре «постмодерна», не совсем верно. Ведь само общество постмодерна трактуется как фрагментированная, эклектическая реальность, включающая осколки самых разных социальных структур, вкладывающихся в общую «картину», как пазлы. Более того, как такового «чистого» постмодерна нет даже на Западе; так, политолог В. Видеман правомерно трактует активное «педалирование»

Белым домом проекта новой американской империи как «глобальный апофеоз социально-политического модернизма», отмечая также, что на «родине» постмодерна, в Западной Европе, все еще сильна идеологически классовая модернистская политическая культура масс [14], вступающая ныне в диссонанс с постмодернистской политической практикой элит.

Отсюда, правомерно утверждать лишь особенность российского постмодерна, для которого характерны более определенные границы между слоями и фрагментами реальности, чем, скажем, в западном варианте постмодерна с акцентом на прозрачность и преодолимость границ. Это, в свою очередь, является отражением евразийской сущности российского общества и исторических реалий, в которых оно формировалось. Вероятно, с течением времени в каких-то областях постмодернистский формат будет проявляться более выразительно, но вряд тот вариант постмодерна, который уже сформировался в России, претерпит серьезные изменения.

Примечания

1. Toynbee A. J. Study of History. Oxford University Press, Thames and Hudson Ltd. L., 1972.
2. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Раритет, 1998. С. 77.
3. Видеман В. Итоги выборов: победили постмодернисты // Постмодерн: глобальное переформатирование. URL: <http://www.imperativ.net/imp12/el2003.html>; Хазин М. Постмодерн: реальность или фантазия? // URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/170860>; Adib-moghaddam A. Postmodern Islam and the Arab revolts // Open Democracy. URL: <https://www.opendemocracy.net/arshin-adib-moghaddam/postmodern-islam-and-arab-revolts>; Dirlik A., Xudong D. Postmodernism and China. University press. Durham and London, 2000.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. URL: <http://exsistencia.livejournal.com>
5. Видеман В. Указ. соч.
6. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.
7. Там же.
8. Хазин М. Указ. соч.
9. Видеман В. Указ. соч.
10. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267.
11. Бауман З. Указ. соч. С. 83.
12. Эко У. Указ. соч. С. 258–267.
13. Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 89.
14. Видеман В. Указ. соч.

Notes

1. Toynbee A. J. Study of History. Oxford University Press, Thames and Hudson Ltd. L., 1972.
2. Deleuze J. Logika smysla [Logic of sense]. M. Raritet. 1998. P. 77.
3. Wiedemann V. Itogi vyborov: pobedili postmodernisty [Election results: postmodernists won] / Postmodern: global'noe pereformatirovanie – Postmodern: a global reformat. Available at: <http://www.imperativ.net/imp12/el2003.html>; Khazin M. Postmodern: real'nost' ili fantaziya? [Postmodern: reality or fantasy?] // Available at: <http://worldcrisis.ru/crisis/170860>; Adib-moghaddam A. Postmodern Islam and the Arab revolts // Open Democracy. Available at: <https://www.opendemocracy.net/arshin-adib-moghaddam/postmodern-islam-and-arab-revolts>; A. Dirlik, Xudong D. Postmodernism and China. University press. Durham and London. 2000.
4. Baudriyard J. Simulyakry i simulyaciya [Simulacra and simulation]. Available at: <http://exsistencia.livejournal.com>
5. Wiedemann V. Op. cit.
6. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]. M. 2005.
7. Ibid.
8. Khazin M. Op. cit.
9. Wiedemann V. Op. cit.
10. Eco U. Srednie veka uzhe nachalis' [Middle ages have already begun] // Inostrannaya literatura Foreign literature. 1994, No. 4, pp. 258–267.
11. Bauman Z. Op. cit. P. 83.
12. Eco U. Op. cit. Pp. 258–267.
13. Baudrillard J. Op. cit. P. 89.
14. Wiedemann V. Op. cit.

Экзистенциалистская парадигма трансцендирования в социальной философии

В статье рассматриваются некоторые особенности экзистенциалистской парадигмы трансцендирования с целью раскрытия влияния экзистенциального уровня личностного бытия на создание и существование социальной реальности. В ходе анализа некоторых позиций экзистенциальной философии Н. А. Бердяева показывается диапазон мнений экзистенциалистов относительно трансцендентного, человека, экзистенциального субъекта, личности, трансцендирования. Заостряется внимание на противопоставлении Бердяевым объективации и субъективации, Шестовым – «необходимости» и «произвола». Отмечается, что познавательная активность и творчество человека являются подлинным трансцендированием, возможным только на основе субъективации и осуществляемым свободной творческой личностью. Делается вывод о том, что трансцендирующий характер человеческого бытия необходимо учитывать в социально-философских исследованиях, особенно связанных с выявлением источников и механизмов социокультурного развития. Конструктивное трансцендирование, с одной стороны, укореняет индивида в социокультурном мире, а с другой – связано с творением содержания этого мира посредством созидательной деятельности в различных областях культуры и социума.

The article views some features in existentialist paradigm of transcending in order to reveal the influence of existential level of personal being on creating and existence of social reality. In the course of analysis of some positions in N. A. Berdyaev's existential philosophy a diapason of existentialists' opinions regarding the transcendent, human, existential subject, personality, transcending, is shown. An attention is focused on N. A. Berdyaev's opposition of objectivation and subjectivation, L. Shestov's opposition of "necessity" and "arbitrariness" (voluntarism). It is marked that learning (cognitive) activity and human creativity are a transcending process possible only on basis of subjectivation and carried out by a free creative personality. A summary is made that it is necessary to take into account the transcending character of human existence in socio-philosophic researches, especially those connected with detecting sociocultural development sources and mechanisms. On the one hand, constructive transcending implants an individual in the sociocultural world, and on the other hand, it is connected with creating the contents of this world by means of creative activity in different areas of culture and socium.

Ключевые слова: трансцендирование, общество, личность, творчество, социальная философия.

Keywords: transcending, society, personality, creativity, social philosophy.

П. А. Сорокин, констатируя продолжающийся распад чувственного (секулярного) социокультурного типа, заявляет о зарождении и постепенном развитии интегрального типа общества, в котором будут творчески взаимодействовать сверхчувственное, логико-рациональное и чувственное начала [1]. Это такой тип общества, в котором, по нашему мнению, сформируется потребность (не актуальная, к сожалению, сегодня) систематической связи человека и общества с уровнем «вечных» констант бытия, «сверхценностей». Ибо, как справедливо отмечает профессор М. В. Силантьева, именно на этом уровне «следует искать источник смысложизненных ориентиров, и, как следствие, конкретных ценностных ориентаций личности, способных маркировать аксиологические приоритеты сравнительно больших социальных групп» [2]. Организация и существование интегрального общества предполагает, следовательно, и намного большую востребованность способности *трансцендирования* человека, благодаря которой реализуется аутентичный способ актуализации бытия Абсолютных значений, их интернализации.

Вышесказанное подтверждает необходимость тщательного изучения феномена трансцендирования в рамках социально-философского дискурса. Необходимость такого изучения еще более усиливает то, что именно трансцендирование олицетворяет духовно-творческий потенциал человеческой активности, выступает системообразующим принципом аутопойезиса и творческого развития человека и общества как открытых систем высокой сложности [3]. Важно, в связи с этим, уделить внимание особенностям экзистенциалистского подхода к данному способу самосо осуществления, выяснению того, в какой мере экзистенциальный уровень личностного бытия «ответствен» за формирование социального мира и развертывание социальной жизни.

В экзистенциалистской парадигме (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов и др.) концепт экзистенции, по сути, противопоставлен концепту трансцендентальной

субъективности в его гуссерлевском, восходящем к Декарту, понимании. Согласно Э. Гуссерлю, трансцендентальная субъективность – это «*абсолютное его*», данное как сущее «в себе» и «для себя» (и рассмотренное вне аспекта существования), а феноменология – не что иное, как самоизучение, самоистолкование, самоконституция этого его, которая, будучи проведена коренным образом, может дать исчерпывающий результат. Иными словами, трансцендирование трансцендентального его осуществляется в конституирующей самотождественности сознания, в совпадении, и как совпадение с самим собой (когда, например, обнаруживается, что трансцендентное бытие мира неотторжимо от трансцендентальной субъективности, а истиной становится «... некое структурное разделение, проводимое внутри бесконечных многообразий действительных и возможных *cogitationes...*») [4]. Экзистенция, напротив, – это сущее, *отнесенное* к своему существованию, это постоянное становление, несовпадение с собой, связь с иным, поиск нетождественного.

Весьма показательна, в связи с этим, позиция Н. А. Бердяева. Своеобразие его подхода, в сравнении с подходами Хайдеггера, Сартра и даже Ясперса, состоит в том, что он выстраивает свою экзистенциальную метафизику не по канонам систематической философии, не в рамках «отвлеченных начал» (В. С. Соловьев), а в их преодолении, исходя из собственных интуиций, переживания духовного, ощущения истины, тяготения к свободе. Именно благодаря нежеланию создавать и множить рационализированные мыслительные конструкции, он оказывается как бы внутри, по эту сторону существования, и познает бытие собственной экзистенциальностью. Это дает неожиданный положительный эффект, когда экзистенция вдруг обнажает свою подлинность, когда проливается свет на её невыразимые глубины.

Н. А. Бердяев, по собственному признанию, осуществляет принципиальный выбор такой философии, в которой устанавливается «приматъ свободы надъ бытиемъ, приматъ экзистенціального субъекта надъ объективированнымъ міромъ, дуализмъ, волюнтаризмъ, динамизмъ, творческій активизмъ, персонализмъ, антропологизмъ, философія духа» [5]. И во многом эта философская программа реализуется благодаря Канту и Шопенгауэру. Сам Бердяев отмечает, что у Канта ему импонируют именно дуализм и волюнтаризм, различие мира свободы и мира необходимости, теория свободы и разделение мира явлений и истинного мира (вещей в себе). В то же время русский мыслитель сетует, что великий кенигсбергский философ перекрыл возможность постижения «подлинного мира существования», а также практически не использует категорию духа [6].

Бердяев уверен в наличии трансцендентного, которое, однако, считает не внешним по отношению к человеку, а имманентным его существованию, *внутренним опытом тайны*, так как человек, будучи изначально *единством*, укоренен в бытии, погружен в его таинственность. Интересно отметить, что загадочность бытия подчеркивает и Л. Шестов, согласно которому быстрое развитие наук и приращение знаний не только не способно рассеять завесу «первозданной тайны», но еще больше уплотняет её. Люди навечно погружены в таинственность бытия, «навсегда отрезаны от истоков и начал жизни» [7].

Но, возвращаясь к Бердяеву, человек и сам изначально есть «бытие в себе», внутреннее существование, *экзистенциальность*; реальность же его как объекта природы или социума – вторична. В сравнении с Хайдеггером, рассматривающим человека сквозь призму повседневности, Бердяев высвечивает в человеке, в первую очередь, высшие характеристики – его божественность, духовность, огромные творческие возможности, экзатичность, напряженную устремленность к свету, смыслу, свободе.

Познавательная активность человека как экзистенциального субъекта есть, согласно Бердяеву, трансцендирование «внутри бытия и с бытием», есть выход за пределы наличного бытия во все большие его глубины. Это возможно, только если понимать познание не как *объективацию*, движение к объекту, общему и общественному, а как *субъективацию*, стремление к субъекту, к личности, к «ты», как общение. В этой своей позиции Бердяев оказывается более близким С. Франку, М. Буберу, К. Ясперсу, Г. Марселю (говорящим об отношениях «я» – «ты», экзистенциальной коммуникации), чем М. Хайдеггеру, который изначально направляет своё внимание на бытие снаружи, бытие-в-мире, а не на внутреннее «бытие в себе».

Важно, что в качестве экзистенциального ядра человека русский философ полагает личность. Выдвижением личности в центр философии, признанием её единичности, неповторимости Бердяев подчеркивает антропологичность своего подхода, обнажает генетические связи с русской философией. В этом он разнится с Хайдеггером, который дистанцируется от ориентации на личность, от создания антропологического учения [8]. Личность, по Бердяеву, через субъективацию прорывается к транссубъективному, к сверхличному, к истине [9], и этот прорыв творит свободу, создает возможность общения с Богом, с другими, с миром. Личность как орган трансцендирования при этом сохраняет свою целостность, независимость, самоценность, дух, творческую активность; она созидает смыслы и постигает бытие [10].

Личность, являющаяся инстанцией духа, многогранна и противоречива: она организует душу и тело, творит надличностные ценности и коренится в бессознательном, страдает и радуется, стремится к самореализации и общению и др., но важнейшее в её бытии, согласно Бердяеву, – это свобода и готовность идти наперекор обстоятельствам, смелость быть собой: личность «есть причиняющая боль судьба, антиномическое сопряжение свободы и предназначения, неотвратимости» [11]. Только свободная, дерзновенная, творческая личность противостоит объективации, только она может преодолеть предметное, вещественное, разрозненное мира.

Объективированный мир – это мир не только природы и общества, но и, хотя и в меньшей степени, культуры. Философия, наука, искусство, мораль, право, теология есть, по Бердяеву, господство «закона», а не «благодати». В полной мере это относится и к исторической религии, религии как социальному институту. Но, в то же время, субъективное религиозное отношение, как отношение творческое, прорывает объективированный мир, освобождает от него, приобщает к тайне; религия, так же как и искусство, не может существовать без творчества личности. И, важно отметить, именно творческий характер субъективной религиозности, показанный Бердяевым, объясняет отмечаемую М. В. Силантьевой и другими исследователями особенность религиозно-идеологического уровня организации социума. Данная особенность состоит в том, что только религиозное, сакральное, выступая одним из интегрирующих начал общества и обладая сильным иммунитетом по отношению к социальным манипуляциям, способно проникать в такие глубины личности, которых не могут достичь иные психосоциальные программы (например, основанные на экономико-социальном измерении общества) [12].

У Л. Шестова мы наблюдаем схожее с бердяевской оппозицией объективного-субъективного противопоставление «необходимости» и «произвола». Под «необходимостью» мыслитель понимает понуждающую власть, засилье научной истины, якобы объективно существующей закономерности, а под произволом – прорыв через данную несомненность и обязательность, пробуждение от догматических грёз, переживание того, что мир не так однозначен, что в нем возможно всё. И переживание это так же, как у Бердяева, неотделимо от веры и от творчества как скачка к неизведанному [13].

Творчество как Шестовым, так и Бердяевым истолковывается как одно из проявлений подлинного человеческого существования. Бердяев видит в творчестве трансцендирование, «прорыв в бесконечность», «богообщение», когда творец обращен к высшему, сосредотачивается, в первую очередь, не на предметно-эстетическом или ином выражении своих идей, а на «преображении» существующего. Широта, универсальность творческого отношения к миру превосходит конечную форму художественных произведений и других культурных артефактов, замысел творца никогда не может быть воплощен сполна [14].

Линия развития трансцендирования, идущая от философии Канта к философии Гуссерля и от него к нетрансцендентальной социальной феноменологии Шюца, Бергера и Лукмана, открывает всеобщие базовые характеристики «выходящего за пределы» сознания в его трансцендентальной и естественной установках. Экзистенциальная же философия сосредотачивается на рассмотрении индивидуально-личностных характеристик трансцензуса, выявляя глубинный уровень такового – экзистенциальный. Экзистенция как сфера аутентичного бытия человека понимается в данной философии как источник и центр стремления «прорываться через границы». При этом экзистенциальная философия вносит свой особый вклад в традицию философского постижения трансцендирования, который заключается, в чем мы согласны с Н. Бердяевым, в «человечивании» разума, соединении с человеком оторванных от него рациональных начал, понимании того, что акт трансцендирования захватывает *всю* «просветленную человечность» [15].

Рассмотрение трансцендирования, представленного в экзистенциалистской парадигме, показывает, кроме того, что в социально-философских исследованиях, особенно связанных с выявлением источников и механизмов социокультурного развития, важно учитывать «превосходящий», «прорывающийся», «преодолевающий» характер человеческого бытия. Конструктивное трансцендирование, с одной стороны, укореняет индивида в повседневном, социокультурном мире, а с другой – всегда связано с творением в этом мире значимого для человека содержания, с развитием и обогащением это содержания посредством созидательной деятельности в различных областях культуры и социума. Трансцендирование формирует широту, ясность и обоснованность мышления и видения мира, выступает универсальным методом реализации человеческой свободы. Экзистенциальная философия показывает, что значительную роль в формировании социального мира и развертывании социальной жизни играет экзистенциальный уровень человеческого бытия – экзистенциальные переживания и экзистенциальная коммуникация. Экзистенциальные переживания индивидуального и социокультурного миров предстают причинами и источниками трансцендирования во всех его проявлениях. В экзистенциальной коммуникации

не только формируется «Я», но и раскрывается самоценность другой экзистенции, рождаются добро, верность, ответственность, другие ценности Человеческого мира.

Примечания

1. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. Главы из книги / пер. с англ. Т. С. Васильевой // Партнерство цивилизаций. 2014. № 1–2. С. 287–289.
2. Силантьева М. В. Проблема «культурных границ» в современном мире: ценностный аспект // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 236.
3. Николаева Е. М. Эвристический потенциал синергетики в исследовании процесса социализации // Ученые записки Казанского государственного университета. 2004. Т. 146 (Философские науки). С. 66–68.
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления. С. 141. См. подробнее: Там же. С. 139–150.
5. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Париж: Ymka-Press, 1934. С. 25.
6. См.: Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н. А. Царство Духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 7.
7. Шестов Л. И. Афины и Иерусалим // Шестов Л. И. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 339.
8. См.: Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 200.
9. См.: Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической метафизики // Бердяев Н. А. Царство Духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 188–189.
10. См.: Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. С. 11–35; Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. С. 145–187.
11. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. С. 149.
12. Силантьева М. В. Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ: глобальные следствия модернизационных процессов // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6 (27). С. 208.
13. См., например: Сенчихина Ю. Б. Апология неизвестности: концепция творчества Льва Шестова // Вестник МГУ. Сер. «Философия». 2009. № 3. С. 26–37; Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности // Шестов Л. И. Соч.: в 2 т. Томск: «Водолей», 1996. Т. 2. С. 22, 41; Шестов Л. И. Философия трагедии. М.: «Изд-во АСТ»; Харьков: «Фолио», 2001. С. 361; Шестов Л. И. На весах Иова. М.: «Изд-во АСТ»; Харьков: «Фолио», 2001. С. 158, 160.
14. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. С. 208–223; Бердяев Н. А. Философия свободы. М.: Моск. филиал «Интерпартнер-МКС» СП «МКС Плюс», 1990. С. 251–252. См. об этом также: Силантьева М. В. Экзистенциальные проблемы этики творчества Николая Бердяева: монография / Гос. акад. славян. культуры. М., 2002. С. 99–112.
15. См.: Бердяев Н. А. Истина и откровение: Прологомены к критике откровения. URL: http://rumagic.com/ru_zar/religion/berdyaev/0/j1.html (дата обращения 18.08.2015).

Notes

1. Sorokin P. A. Glavnye tendencii nashego vremeni [Major tendencies of our time.] Chapters from the book / translated from English. T. S. Vasilyeva // Partnership of civilizations. 2014, No. 1–2, pp. 287–289.
2. Silantyeva M. V. Problema «kul'turnyh granic» v sovremennom mire: cennostnyj aspekt [Problem of "cultural boundaries" in the modern world: value aspect] // Vestnik MGIMO-Universiteta – Herald of MGIMO-University. 2014, No. 2, p. 236.
3. Nikolaeva E. M. EHvrsticheskij potencial sinergetiki v issledovanii processa socializacii [Heuristic potential of synergy in the study of socialization process] // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of Kazan State University. 2004. Vol. 146 (Philosophical Sciences). Pp. 66–68.
4. Husserl E. Kartezianskiye razmyshleniya [Cartesian meditations]. P. 141. See more: ibid. Pp. 139–150.
5. Berdyaev N. A. O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoy filosofii [Me and world of objects. The experience of philosophy of solitude and communion]. Paris: Ymka Press. 1934. P. 25.
6. See: Berdyaev N. A. O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoy filosofii [About slavery and freedom of man. The experience of personalistic philosophy] // Berdyaev N. A. Carstvo Duha i Carstvo Kesarya [The spirit Realm and the Realm of Caesar]. M. Respublika. 1995. P.7.
7. Shestov L.I. Afiny i Ierusalim [Athens and Jerusalem]// Shestov L. I. Works: in 2 vol. M. Nauka. 1993. Vol. 1. P. 339.
8. See: M. Heidegger Pis'mo o gumanizme [Letter on humanism] // Heidegger M. Time and being. M. Respublika. 1993. P. 200.
9. See: Berdyaev N. A. Opyt ehskhatologicheskoy metafiziki [Experience of eschatological metaphysics] // Berdyaev N. A. Carstvo Duha i Carstvo Kesarya [The spirit Realm and the Realm of Caesar]. M. Respublika. 1995. Pp. 188–189.
10. See: Berdyaev N. A. O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoy filosofii [About slavery and freedom of man. The experience of personalistic philosophy]. Pp. 11–35; Berdyaev N. A. YA i mir ob"ektov. Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya [Me and world objects. The experience of philosophy of solitude and communion]. Pp. 145–187.
11. Berdyaev N. A. YA i mir ob"ektov. Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya [Me and world objects. The experience of philosophy of solitude and communion]. P. 149.
12. Silantieva M. V. Metamorfozy social'nyh organizmov v svete transformacii kul'turnyh granic: global'nye sledstviya modernizacionnyh processov [Metamorphosis of social organisms in light of transformation of cultural boundaries: global investigation of modernization processes] // Vestnik MGIMO Universiteta – Herald of MGIMO-University. 2012, No. 6 (27), p. 208.

13. See, for example: Senchihina J. B. Apologiya neizvestnosti: koncepciya tvorchestva L'va Shestova [Apology for the obscurity: the concept of creativity of Lev Shestov] // Vestnik MGU. Ser. «Filosofiya»- Herald of MSU. Ser. "Philosophy". 2009, No. 3, pp. 26–37; L. I. Shestov Apofeoz bespochvennosti [Apotheosis of groundlessness] // Shestov L. I. Works: in 2 vol. Tomsk. Vodoley. 1996. Vol. 2. Pp. 22, 41; L. I. Shestov Filosofiya tragedii [Philosophy of tragedy]. M. "Publishing house AST"; Kharkov: Folio. 2001. P. 361; Shestov L.I. Na vesah Iova [On the scales of Iov]. M. "Publishing house AST"; Kharkov. Folio. 2001. Pp. 158, 160.

14. Berdyaev N. A. Samopoznanie (Opyt filosofskoj avtobiografii) [Self-knowledge (Experience of philosophical autobiography)]. M. Kniga. 1991. Pp. 208–223; Berdyaev N. A. Filosofiya svobody [Philosophy of freedom]. M. Mosk. branch of "InterPartner-ISS" SP "MKS Plus". 1990. Pp. 251–252. See also: Silantyeva M. V. EHkzistencial'nye problemy ehiki tvorchestva Nikolaya Berdyaeva: monografiya [Existential problems of the ethics of Nikolai Berdyaev's creativity: monograph] / State. Acad. of Slavs. culture. M. 2002. Pp. 99–112.

15. See: Berdyaev N. A. Istina i otkrovenie: Prolegomeny k kritike otkroveniia [Truth and revelation: the Prolegomena to the critique of revelation]. Available at: [http:// rumagic.com/ru_zar/religion/berdyaev/0/j1.html](http://rumagic.com/ru_zar/religion/berdyaev/0/j1.html) (18.08.2015).

УДК 167

В. Н. Князев, В. В. Федорин

Предпосылки формирования биоэтики и конституирование ее предмета: философско-методологический анализ

В статье выявлены предпосылки формирования биоэтики и проанализирован комплекс трактовок предмета биоэтики. Показано, что она рассматривается как область философского знания, имеющая междисциплинарный характер и нацеленная на исследование этических и социальных проблем, возникающих в ходе применения достижений биологии к человеку.

Установлено, что развитие биоэтики взаимосвязано с разработкой правового регулирования применения биотехнологий. На основе анализа «Конвенции Совета Европы о правах человека в биомедицине» и «Всеобщей Декларации о геноме человека и о правах человека» выявлены ценности, на основе которых осуществляется регуляция исследований, связанных с вмешательством в геном человека. К их числу отнесены права, свободы и достоинства личности, единства человеческого рода и равенства людей, а также ценности генофонда человечества и индивидуального генома каждого человека.

Actuality of this research theme is due to the significance of ideological and methodological analysis of bioethics. In this article revealed preconditions of formation bioethics.

The complex of interpretations of the article of bioethics is analysed and shown that it is regarded (a) as an area of philosophical knowledge that has (b) an interdisciplinary character and aimed (c) to study the ethical and social issues arising from the application of biology to humans.

It was found that the development of bioethics is interrelated with the development of legal regulation of biotechnology. On the basis of analysis of "Council of Europe Convention on Human Rights in Biomedicine" and "Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights" revealed the values upon which research regulation is based on, related to the intervention in the human genome. To their number attributed values of human rights, freedoms and dignity of the individual and the unity of the human race and equality of people, as well as the value of the gene pool of humanity and every human individual genome.

Ключевые слова: биоэтика, предпосылки формирования науки, междисциплинарность, мировоззренческие установки.

Keywords: Bioethics, prerequisites for the formation of science, interdisciplinary, worldviews.

Успехи биологии создают огромные возможности в решении продовольственных и медицинских проблем. Но применение этих достижений чревато серьезными опасностями, это требует их этического, нравственного осмысления. В силу этого большое значение приобретает мировоззренческий анализ биоэтической проблематики.

Представляется возможным выделить следующие *предпосылки* формирования биоэтики:

1. Успехи биологической науки во второй половине XX – начале XXI вв.: открытие структуры ДНК (1953); клонирование овечки Долли (1996); обнаружение прионов (1997); публикация предварительного проекта полной последовательности ДНК человека (2000); создание группой амери-

канских биологов искусственных белков на не имеющей природных аналогов ДНК (2011). Существенное значение придается работам в области продления жизни с помощью генной инженерии и нейрофармакологии, оцениваемым как «пути в будущее», поскольку они могут «в корне изменить природу человека» [1]. Важно отметить и проект “The Autism Genome Project” [2], разработку технологии «подмены» генов с целью коррекции наследственных заболеваний, разработку методики лечения рака с помощью переноса малых РНК на наночастицах. В наши дни стали известны генетические причины многих заболеваний человека. В этой ситуации использование достижений биологии и биомедицины может стать своего рода механизмом защиты человека от сложностей, угроз и рисков современного века высоких технологий. Но также может создать и новые опасности.

2. Ускоренное развитие междисциплинарных исследований человека, начиная с последней трети XX в. Это проявилось в формировании социальной, психологической, возрастной и других форм антропологии, в становлении биоэтики. По мнению А. Хеллегерса, биоэтика обретает смысл только при условии диалога философии, медицины и этики. А. Хеллегерс «первым в университетской среде ввел термин "биоэтика", разработал академическую структуру для нее как дисциплины, способствовал ее введению в областях биомедицинских наук, политики, СМИ» [3]. Биоэтика как учебная дисциплина в наши дни изучается на медицинских и философских факультетах многих стран мира. С 2000 г. и в России биоэтика является обязательной частью медицинского образования.

3. Изменение характера развития науки, выражающееся в том, что теоретические достижения в кратчайшие сроки становятся основой новых технологий, а сами научные исследования нередко финансируются со стороны организаций, ориентированных на практическую деятельность. Примером может послужить создание интерферона с помощью методов генной инженерии в середине 80-х гг. Это ознаменовало начало нового этапа в создании биопрепаратов. Позднее была изучена структура интерфероновых генов в клетках, выявлена роль интерферона в различных патологиях. В более широком контексте важно иметь в виду, что использование достижений биологии открывает огромные возможности в решении глобальных проблем (здоровья населения, демографической, экологической, продовольственной).

4. Осознание масштабности воздействия новых технологий на человека, а в перспективе – и на социальные отношения. Это обуславливает необходимость проведения социальных, гуманитарных, антропологических экспертиз проектов, связанных с разработкой современных биотехнологий. «Экспертное заключение содержит факты, комментарии, объяснения: носит доказательный характер, – отмечает Г. А. Тульчинский, – используемая в нём аргументация должна быть рационально выраженной в интересующей, т. е. доступной общественности форме» [4]. Отметим, что требования к экспертным заключениям оговорены юридически (ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

5. Существенное изменение ценностно-мировоззренческих установок. Подчеркнем, что на формирование биоэтики и отношение к ней влияют доминирующие ценности конкретных культур. Так, считается, что биоэтика не случайно зародилась в Северной Америке. «Уважение к автономии индивида, или самодетерминации, = ...ценность, которая является центральной в США. Каждый человек заинтересован в том, чтобы принимать важные решения, влияющие на его жизнь, включая выбор медицинского лечения, самостоятельно, а это требует, чтобы этот выбор уважался врачом. Самоопределение индивида есть высшая ценность всей американской жизни, и медицинское обслуживание не является исключением» [5], – пишет Д. Уиклер в своём очерке о биоэтике в США. Столь высокая оценка автономии индивида, безусловно, становится фактором, способствующим развитию биоэтических исследований.

С другой стороны, однако, в обществе достаточно широко представлены антисциентистские настроения. Фиксируя это обстоятельство, П. Д. Тищенко отмечает: «Биоэтика возникает в ситуации децентрализации ценностного мира, которая во многом связана с подрывом авторитета науки в решении мировоззренческих проблем... К середине XX в. наука теряет авторитетное право различения истинного и ложного, которое в своё время было ей получено в результате идеологически поставленной власти научной (естественнонаучной) рациональности» [6]. Иными словами, наступили времена, когда утрачена вера в Бога, но уже нет прежней веры в науку, а ее достижения воспринимаются как реальная угроза.

В связи с этим многие исследователи характеризуют отношение к биоэтике как отражение человеческих страхов перед наукой и техникой, ведь «новые биотехнологии создали новую экзистенциальную угрозу для жизни, чести и достоинства пациентов» [7]. Всё это, далее, выявило сложнейшие моральные проблемы в самопознании человека.

На форуме Academy of Medical Sciences британские исследователи предлагают ввести строжайшие запреты на эксперименты по созданию животных, «слишком похожих на человека». При

этом они указывают на возможность размывания границ между человеком и животными и, как следствие этого, возникновение страха совместного существования. Дело в том, что методами генной инженерии могут быть преодолены генетические межвидовые барьеры. «Но не открываем ли мы ящик Пандоры? Не открываем ли путь болезням, которыми болеют животные, к человечеству?» [8].

В таком контексте американский онколог Ванн Рассел Поттер характеризует формирование биоэтики следующим образом: «Она рождается из тревоги и критической озабоченности перед лицом научного и общественного прогресса» [9]. На этом основании Поттер считает необходимым объединить усилия биологических и гуманитарных наук для эффективного решения задач сохранения здоровья людей. Иными словами, по его мысли, биоэтические проблемы приобретают первостепенное значение, а их анализ необходим для обеспечения продолжения самого существования человечества и, шире, жизни на Земле.

Из сказанного следует, что в мировоззренческом плане важнейшей предпосылкой формирования биоэтики стало осознание противоречия между практическим значением применения результатов биологических исследований для борьбы с болезнями, для повышения уровня здоровья людей и – теми угрозами, которыми сопровождается этот процесс, предполагающий вмешательство в генетический аппарат человека.

Развитие биоэтики как междисциплинарной области знания предполагает, далее, решение целого ряда методологических вопросов, включая вопрос о ее предмете. Единого мнения по этому вопросу до сих пор не сложилось. Рассмотрим наиболее репрезентативные *трактовки предмета биоэтики*.

Энциклопедия по биоэтике в издании 1978 г. утверждает, что «биоэтика – это систематическое исследование человеческого поведения в науках о жизни и здоровье, проводимое в свете моральных ценностей и принципов» [10]. Однако в издании 1995 г. эта же энциклопедия трактует предмет биоэтики как «систематическое исследование нравственных параметров, включая моральную оценку, решения, поведение, ориентиры в других науках о жизни и медицинском лечении с привлечением разнообразных этических методологий к межпредметным формулировкам» [11].

Таким образом, за 17 лет в трактовку предмета биоэтики были внесены изменения. Суть их заключается в детализации «нравственных параметров», а также расширении круга наук, которые в междисциплинарных взаимодействиях обращаются к изучению человека и коррекции его здоровья.

Для американских исследователей Т. Бочамп и Дж. Чилдрес «биоэтика является приложением общих этических теорий, принципов и правил к решению проблем терапевтической практики, оказания медицинской помощи, проблем медицинских и биологических исследований» [12]. В этом определении акцентируется определяющее значение этической составляющей биоэтики, кроме того, данная составляющая применяется, в первую очередь, к практической медицине.

В отечественной исследовательской литературе также представлены разные точки зрения по анализируемому вопросу. И. В. Силюянова считает, что «биоэтика – это современная форма традиционной профессиональной био-медицинской этики, в которой регулирование человеческих отношений подчинено сверхзадаче сохранения жизни рода человеческого» [13]. Автор исходит из положения о том, что биоэтика есть результат развития медицинской этики, причем внимание фиксируется не на решении медицинских проблем людей, страдающих теми или иными заболеваниями, и даже не на повышении уровня здоровья, а – гораздо шире – на выживании человеческого рода.

Далее, по мнению С. В. Пустовит, «биоэтика – междисциплинарная область знания и человеческой практики, цель которой – сохранение и развитие жизни с помощью нравственных механизмов и принципов» [14]. Здесь подчеркивается не только теоретическая, но и практическая ориентации биоэтики, а нравственные ценности рассматриваются как механизмы сохранения жизни.

Общими чертами рассмотренных определений являются: (а) усмотрение *целей биоэтики* в совершенствовании лечения и повышении уровня здоровья людей, (б) *акцентирование этической (ценностной) компоненты* соответствующих исследований; (в) трактовка биоэтики как *междисциплинарной области знания*, интегрирующей философию, медицину, биологию и другие науки о человеке. Кроме того, анализ этих определений показывает, что понятия «биомедицинская этика» и «биоэтика» в той или иной степени сближаются. В связи с этим отметим, что, на наш взгляд, предметная область биоэтики уже, чем у биомедицинской этики (включающей в качестве ключевого звена этические проблемы отношений врача и пациента, выполнения медицинского долга и др.).

Особый интерес вызывает определение, предложенное П. Д. Тищенко: «Биоэтика – междисциплинарная область знаний, которая охватывает широкий круг философских и этических про-

блем, возникающих в связи с бурным развитием медицины, биологических наук и их использованием в сфере здравоохранения и высоких технологий» [15]. В этом определении лаконично сформулированы и целевые ориентации биоэтики, и роль ее этической компоненты, и междисциплинарность данной области знания. Кроме того, в этом определении четко зафиксировано, что *проблематика биоэтики имеет философский характер*.

Вместе с тем уже в процессе формирования биоэтики стало очевидным, что применение новых биотехнологий к человеку нуждается не только в моральном, но и в *правовом регулировании*. Еще в 1964 г. Всемирная Медицинская Ассоциация приняла «Хельсинкскую декларацию», в которой содержались правила и запреты по проведению медико-биологических исследований. В последующем данная декларация дополнялась и уточнялась. Во многих странах – лидерах в области биоэтики – создавались национальные организации, призванные осуществлять контроль над соответствующими исследованиями. В нашей стране Российский национальный комитет по биоэтике РАН был создан в 1992 г., а в 2011 г. ему был присвоен статус Российского комитета по биоэтике при комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. В 1993 г. был принят закон «Закон Российской Федерации об охране здоровья граждан» и на основании ст. 16 этого закона появилась правовая база для создания комиссий по вопросам этики.

В 1997 г. опубликована «Конвенция Совета Европы о правах человека в биомедицине». Это означало, что проведение этического контроля за медико-биологическими исследованиями стало законом, обязательным к исполнению в государствах, ратифицировавших эту конвенцию. Биоэтическая экспертиза проводится независимыми комитетами (организованными сначала в США, а после 1975 г. – и в других странах).

Особое значение имело принятие «Всеобщей Декларации о геноме человека и о правах человека» на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1997 г. Рассмотрим те статьи этого документа, которые наиболее важны в контексте темы статьи.

Первый раздел Декларации «Человеческое достоинство и геном человека» начинается со статьи, которая гласит: «Геном человека лежит в основе изначальной общности всех представителей человеческого рода, а также признания их неотъемлемого достоинства и разнообразия. Геном человека знаменует собой достояние человечества» [16]. Философский и социальный смысл этой статьи связан с утверждением равенства людей во всём мире. В самом деле, все расы, все народы имеют единые гены, которые «переливались в нисходящем ряду поколений, формируя бесконечное многообразие» [17]. Бесчисленные комбинации вариантов этих генов (аллелей) создавали всё человеческое многообразие. Поэтому не только генофонд человечества, но и геном отдельно взятого человека есть особая ценность. В связи с этим обратим внимание также на ст. 4, согласно которой «Геном человека в его естественном состоянии не должен служить источником извлечения доходов» [18]. Иными словами, исследование генома человека и использование полученных результатов должно определяться исключительно гуманистическими целями.

Далее, в разделе Декларации «Права соответствующих лиц» специально оговаривается следующее: «Конфиденциальность генетических данных, которые касаются человека, личность которого может быть установлена, и которые хранятся или подвергаются обработке в научных или любых других целях, должна охраняться в соответствии с законом» [19]. Это свидетельствует о том, что защита традиционной «медицинской тайны» и конфиденциальности медицинской информации дополняется принципиально новым аспектом – закрытостью информации о геноме конкретного человека.

В разделе «Исследования, касающиеся генома человека» фиксируются права исследуемого: «Никакие исследования, касающиеся генома человека, равно как и никакие прикладные исследования в этой области... не должны превалировать над уважением прав человека, основных свобод и человеческого достоинства отдельных людей или, в соответствующих случаях, групп людей. Не допускается практика, противоречащая человеческому достоинству, такая, как практика клонирования в целях воспроизводства человеческой особи». Иными словами, соблюдение прав и свобод личности оценивается выше, чем любые исследования, какие бы результаты ни планировалось получить в результате их проведения.

Подчеркнем, что особый запрет накладывается на клонирование человека как практику, несовместимую с достоинством человека. Этот запрет получил отражение в национальных законодательствах. Так, в России был принят Федеральный закон «О временном запрете на клонирование человека» от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ. Закон запрещал эксперименты по клонированию человека в течение пяти лет, «исходя из принципов уважения человека, признания ценности личности, необходимости защиты прав и свобод человека и учитывая недостаточно изученные биологические и социальные последствия клонирования человека». При этом предусматривалась возможность продления этого запрета или его отмена в связи с накоплением научных зна-

ний и «определения моральных, социальных и этических норм при использовании технологий клонирования человека» [20]. В марте 2009 г. запрет на клонирование человека в России был продлён на неопределённое время.

Открытым остается вопрос о клонировании стволовых клеток человеческих эмбрионов. Однако в Великобритании, например, такие работы узаконены [21]. Клонирование тканей и органов человека является менее сложной проблемой биоэтики, но и здесь требуется дальнейшая этическая и правовая проработка проблемы.

Степень правового регулирования и контроля исследований, предполагающих вмешательство в геном, в разных странах мира неодинакова. Например, в США для проведения такого рода исследований необходимо только разрешение государства (что нередко имеет формальный характер). В Китае, несмотря на запрет на генное редактирование эмбрионов, такие методы были разработаны применительно к приматам.

Сформулируем выводы. Во-первых, формирование биоэтики было обусловлено революционными открытиями в сфере познания жизни; изменением характера развития науки, выразившимся в ускоренном внедрении ее достижений в технологии, включая биотехнологии; развитии междисциплинарных и комплексных исследований человека; ценностными трансформациями в культуре. Мировоззренческим фактором развития этой области знания стало осознание необходимости разрешения противоречия между значимостью использования достижений биологии и угрозами неконтролируемого (или слабо контролируемого) применения новых биотехнологий к человеку.

Во-вторых, в методологическом плане особое значение имеет анализ взаимодействия разнотипного (естественнонаучного, гуманитарного, философского) знания в биоэтических исследованиях, а значит и исследование специфики ее предмета. Анализ его трактовок показывает, что биоэтика рассматривается как область философского знания, имеющая междисциплинарный характер и нацеленная на исследование этических и социальных проблем, возникающих в результате применения открытий биологии к человеку.

В-третьих, развитие биоэтики взаимосвязано с разработкой правового регулирования биотехнологий воздействия на человека. В соответствующих документах международных организаций зафиксированы ценности, имеющие основополагающее значение для решения биоэтических проблем. К их числу можно отнести ценности соблюдения прав, свобод и достоинства личности, единства человеческого рода и, следовательно, равенства людей, ценность генофонда человечества и индивидуального генома каждого человека. Этими ценностями определяются требования и запреты, применяемые к исследованиям, которые предполагают вмешательство в генетический аппарат человека.

Примечания

1. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ: Люкс. 2004 С. 13.
2. Петров В. И., Седова Н. И. Практическая биоэтика. Этические комитеты в России. М.: Триумф, 2002. С. 12.
3. Уоррен Т. Рэйч. Слово «биоэтика»: Борьба за ее изначальное значение // Журнал по этике института Кеннеди. 1995. № 5 (1). С. 19–34.
4. Тульчинский Г. А. Гуманитарная экспертиза как социальная технология. URL: <http://hpsy.ru/public/x2871.htm> (дата обращения 01.06.2015).
5. Уиклер Д. и др. На грани жизни и смерти (Краткий очерк современной биоэтики в США). М.: Знание, 1989. С. 62.
6. Тищенко П. Д. Биоэтика как теоретическое основание образования членов этических комитетов // Национальные и локальные комитеты по биоэтике: Опыт Центральной и Восточной Европы: материалы междунар. конф. по биоэтике / под ред. Т. В. Мишаткинской, Я. С. Яскевич, Г. В. Годовальникова, Д. С. Денисова. Минск, 2006. С. 30.
7. Пустовит С. В. Глобальная биоэтика: становление теории и практики (философский анализ). М.: Арктур, 2009. С. 77.
8. Программа Подробности-ТВ. Учёные исследуют возможность пересадки органов животных человеку. URL: <http://podrobnosti.ua/862330-uchenye-issledujut-vozmozhnost-peresadki-organov-zhivotnyh-cheloveku.html> (дата обращения 01.06.2015)
9. Поттер Ванн Р. Биоэтика: мост в будущее / под ред. С. В. Вековшишиной, В. Л. Кудиниченко. Киев: Изд-во Вадима Карпенко, 2002. С. 216.
10. Энциклопедия биоэтики. Нью-Йорк: Свободная Пресса, 1978. С. 19.
11. Энциклопедия Биоэтики Уоррена Т. Рэйч. Нью-Йорк: Свободная Пресса, 1995. С. 21.
12. Бошамп Т. Л., Чайлдресс Дж. Ф. Принципы биомедицинской этики. Изд-во Оксфордского университета, 1994. С. 546.

13. Силуянова И. В. Биоэтика в России: ценности и законы М.: Грантъ, 2001. С. 19.
14. Пустовит С. В. Глобальная биоэтика: становление теории и практики (философский анализ). М.: Арктур, 2009. С. 77.
15. Тищенко П. Д. Биоэтика. М.: Этика-Гардарика, 2001. С. 39.
16. Всеобщая декларация о геноме человека и о правах человека. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901818154> (дата обращения 01.06.2015)
17. Петров В. И., Седова Н. И. Практическая биоэтика. Этические комитеты в России. М.: Триумф, 2002. С. 12.
18. Всеобщая декларация о геноме человека и о правах человека. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901818154> (дата обращения 01.06.2015)
19. Там же.
20. Госдума продлила мораторий на клонирование человека. URL: <http://www.newsru.com/russia/26feb2010/noclones.html> (дата обращения 01.06.2015).
21. Энциклопедия биоэтики. Нью-Йорк: Свободная Пресса, 1978. С. 19.

Notes

1. Fukuyama F. Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyucii [Our posthuman future: Consequences of the biotechnology revolution]. M. AST; Lux. 2004. P. 13.
2. Petrov V., Sedova N. I. Prakticheskaya bioehtika. Ehticheskie komitety v Rossii [Practical bioethics. Ethical committees in Russia]. M. Triumph. 2002. P. 12.
3. Warren T. Rach. Slovo «bioehtika»: Bor'ba za ee iznachal'noe znachenie [The word "bioethics": Struggle for its original meaning] // Zhurnal po ehtike instituta Kennedi – Journal of ethics of the Kennedy Institute. 1995, No. 5 (1), pp. 19–34.
4. Tulchinsky G. A. Gumanitarnaya ehkspertiza kak social'naya tekhnologiya [Humanitarian expertise as a social technology]. Available at: <http://hpsy.ru/public/x2871.htm> (01.06.2015).
5. Wikler D. and others Na grani zhizni i smerti (Kratkij ocherk sovremennoj bioehtiki v SSHA) [On the verge of life and death (Brief outline of modern bioethics in the USA)]. M. Znanie. 1989. P. 62.
6. Tishchenko P. D. Bioehtika kak teoreticheskoe osnovanie obrazovaniya chlenov ehticheskikh komitetov [Bioethics as a theoretical base of education of members of ethics committees] // Nacional'nye i lokal'nye komitety po bioehtike: Opyt Central'noj i Vostochnoj Evropy: materialy mezhdunar. konferencij po bioehtike – National and local bioethics committees: Experience of Central and Eastern Europe: proceedings of the international conference on bioethics / edited by T. V. Mishatkinskaya, Ya. S. Yaskevich, V. G. Godovalnikov, D. S. Denisov. Minsk. 2006. P. 30.
7. Pustovit S. V. Global'naya bioehtika: stanovlenie teorii i praktiki (filosofskij analiz) [Global bioethics: the formation of theory and practice (philosophical analysis)]. M. Arctur. 2009. P. 77.
8. Program Details-TV. Scientists are exploring the possibility of transplantation of animal organs to man. Available at: <http://podrobnosti.ua/862330-uchenye-issledujut-vozmozhnost-peresadki-organov-zhivotnyh-cheloveku.html> (Access date: 01.06.2015) (in Russ.)
9. Potter Bath R. Bioehtika: most v budushchee [Bioethics: bridge to the future] / ed. by S. V. Vekovshishina, V. L. Kudinichenko. Kiev. Publishing house of Vadim Karpenko. 2002. P. 216.
10. EHnciklopediya Bioehtiki – Encyclopedia of bioethics. New York. Free Press. 1978. P. 19.
11. EHnciklopediya Bioehtiki Uorrena T. Rehjh – Encyclopedia Of Bioethics by Warren T. Rach. New York. Free Press. 1995. P. 21.
12. Beauchamp T. L., Childress J. F. Principy biomedicinskoj ehtiki [Principles of biomedical ethics]. Publishing house of the University of Oxford. 1994. P. 546.
13. Siluyanov I. V. Bioehtika v Rossii: cennosti i zakony [Bioethics in Russia: values and laws]. M. Grant. 2001. P. 19.
14. Pustovit S. V. Global'naya bioehtika: stanovlenie teorii i praktiki (filosofskij analiz) [Global bioethics: the formation of theory and practice (philosophical analysis)]. M. Arctur. 2009. P. 77.
15. Tishchenko P. D. Bioehtika [Bioethics]. M. Ethics-Gardarika. 2001. P. 39.
16. Universal Declaration on the human genome and human rights. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901818154> (Access date 01.06.2015)
17. Petrov V.I., Sedova N. I. Prakticheskaya bioehtika. Ehticheskie komitety v Rossii [Practical bioethics. Ethical committees in Russia]. M. Triumph. 2002. P. 12.
18. Universal Declaration on the human genome and human rights. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901818154> (Access date 01.06.2015)
19. Ibid.
20. The State Duma extended the moratorium on human cloning. Available at: <http://www.newsru.com/russia/26feb2010/noclones.html> (Access date 01.06.2015).
21. Encyclopedia of bioethics. New York. Free Press. 1978. P. 19.

История восприятия философско-религиозных идей Л. Н. Толстого в Японии

В статье реконструируется история рецепций философско-религиозных воззрений Л. Н. Толстого в общественной мысли Японии. Основываясь на методе историко-философской и компаративно-семантической аналитики, авторы рассматривают совокупность как комплементарных, так и критических отзывов на философско-религиозную концепцию русского философа. Фиксируется противоречивость теоретического и практического модусов восприятия идеи непротивленчества Льва Николаевича.

Отдельно воспроизводится прямой диалог Толстого с его японскими последователями-социалистами. Выявляются христианская, буддистская и социалистическая модальности интерпретации толстовства. Делается вывод, что, с одной стороны, многими японскими мыслителями признавалась правота этического посыла Толстого как целевого жизненного абсолюта, с другой стороны, как руководящий принцип в непосредственной жизненной практике толстовство воспринималось весьма избирательно, а иногда и вообще признавалось нежизнеспособным.

The article reconstructs the history of receptions of philosophical-religious beliefs of Tolstoy L. N. in the space of social thought of Japan. Based on the method of the historical-philosophy and comparative-semantic analytics, the whole range of both complementary and critical reviews on the philosophical-religious concept of the Russian philosopher is examined. Taking comments of Japanese authors as example, we can commit divergence of theoretical and practical moduses of perception of Tolstoy's ideas of non-resistance. Separately a direct dialogue of Tolstoy and his Japanese followers-socialists is replayed. Christian, Buddhist and socialist modality of tolstovstvo's interpretation are revealed. It concludes that, on the one hand, many Japanese thinkers recognized the rightness of the ethical thoughts of Tolstoy as the target of the life's absolute, on the other hand, as a leading principle in the immediate practical life tolstovstvo is perceived very selective, and sometimes even recognized as unlivable.

Ключевые слова: Толстой, толстовство, непротивленчество, Япония, морализм, христианство, социалистическая идея, буддизм.

Keywords: Tolstoy, Tolstoyism, nonresistance, Japan, moralism, Christianity, socialist idea, Buddhism.

Л. Н. Толстой широко известен как писатель-романист, однако его философско-религиозные идеи оставили ничуть не меньший след в мировой культуре. Одной из стран, где идеи Толстого получили живой отклик и распространение, стала Япония. Существует стереотипное представление о японской национальной культуре как воинственной и милитаристской, а японская нация видится более склонной к «прагматическому действию, нежели к метафизическому размышлению об истине» [1]. Соответственно, кажется, что философские идеи Льва Николаевича с их идеалом непротивленчества, этикой ненасилия и христианского смирения вряд ли могут найти понимание и получить развитие в пространстве японской культуры. Между тем история восприятия философских воззрений русского мыслителя в Стране восходящего солнца многообразна и диалогична. Ее экспликация позволяет сформировать новый фокус виденья японского общественного дискурса и по-новому, через призму традиционной японской ментальности взглянуть на философию толстовства.

Нашей целью является системная реконструкция истории рецепций и интерпретаций философско-религиозных идей Л. Н. Толстого в пространстве общественной мысли Японии конца XIX–XX вв.

Первое знакомство Страны восходящего солнца с Толстым произошло в период реформ Мэйдзи. Они открыли страну не только для политического и экономического реформирования по западному типу, но и позволили начать культурный диалог, узнать о наиболее популярных духовных системах, порожденных европейской интеллектуальной традицией. Примечательно, что наряду с выходом в Японии в 1886 г. первого перевода романа Льва Николаевича «Война и мир» издается целый ряд философских работ мыслителя. Последние получили даже большее распространение, нежели художественные произведения. Можно сказать, что японское общество изначально больше узнало Толстого именно как религиозного философа-этика, а не писателя-романиста.

Особый дискуссионный интерес в японской интеллектуальной среде вызвала статья Льва Николаевича «Одумайтесь!», ставшая реакцией мыслителя на начавшуюся русско-японскую войну. В ней Толстой излагает основы своей философии непротивленчества, транслируя их на конкретный военный конфликт [2]. Этой работой, появившейся в столь резонансный исторический момент, русскому мыслителю удалось привлечь внимание к своему учению широкие общественные круги Японии. Оно было воспринято полемично, вызвав дискуссию и неоднозначную оценку.

В большинстве официозных газет критика Льва Николаевича в адрес России была полностью поддержана, однако его одновременное осуждение Японии было оценено как несправедливое. В социалистически ориентированных изданиях полностью приняли критику Толстого, в том числе и в адрес Японии, надеясь, что призыв русского «Колосса мысли» сможет оживить «парализованную совесть людей» [3]. Одновременно многие социалисты полагали, что фундаментальные причины войны кроются отнюдь не в утрате религиозного чувства и общего нравственного оскудения среди людей, как полагает Толстой, а обусловлены экономическими факторами. Поэтому благой по своей сути призыв русского мыслителя явно недостаточен, так как он не может быть осуществлен без устранения социально-экономических предпосылок войны.

Этот заочный диалог между японскими социалистами и Толстым имел яркое продолжение. Христиански ориентированный социалист Изо-Абэ в 1904 г. направил Льву Николаевичу письмо с рядом своих работ. Здесь необходимо пояснить, что сам Изо-Абэ был давним поклонником русского мыслителя и еще в 1895 г. написал статью «Религия графа Толстого», в которой пытался донести суть религиозной позиции философа до японской общественности. Более того, японский мыслитель прямо отмечает, что его принятие христианства стало возможно только через Толстого, его интерпретацию евангелистских заветов [4]. Толстой в ответном письме Изо-Абэ категорически отмежевался от социалистической интерпретации его учения [5]. Лев Николаевич выразил свое негативное отношение к социализму, который, по его мнению, эксплуатирует потребности «ничтожной стороны человеческой природы», уводит людей от подлинной цели – духовного обогащения, которое возможно исключительно религиозным, нравственным способом [6].

Помимо расхождений во взглядах на социализм, Изо-Абэ не соглашался с призывом русского мыслителя открыто пропагандировать полный отказ от воинской повинности, так как в рамках идеи непротивленчества более естественно неизбежное подчинение человека внешней силе, и любое другое поведение будет внутренне подрывать саму непротивленческую установку [7].

Между тем религиозно-философская критика Львом Николаевичем социализма оказала влияние на ряд общественных деятелей Японии. Например, известный левак Киносито Наоэ именно под влиянием позиции Толстого, выраженной в ответном письме Изо-Абе, отходит от социализма [8]. Для Киносито оказалось невозможно сочетать христианскую веру, которую он воспринял от русского писателя, и социализм с его ориентацией на необходимость революции, которая неизбежно сопровождается насилием.

Вообще эта единая связка «Толстой – христианство» позволяет понять специфику восприятия в японской культуре как феномена толстовства, так и христианства. Несмотря на то что первые христиане проникают в Японию еще в XVI в., массовое знакомство с христианством начинается лишь с 1873 г., когда с него снимается государственный запрет. Собственно, узнавание христианства в Японии шло отчасти через философию русского мыслителя, его интерпретацию евангелистских заветов. Одной из первых японских работ о Толстом стало исследование Уэмуры Масахиса, в котором, с опорой на толстовскую «Исповедь», описывается духовная эволюция писателя и его приход в лоно христианской веры [9]. И именно религиозный опыт Толстого стал ключом к пониманию христианства в Японии.

Однако русско-японская война, помимо прочего, внесла раскол в ряды японских христиан, разделив их на два лагеря – противников и сторонников войны. Соответственно, поменялось отношение части христиан и к Толстому. В частности, условные «милитаристы» упрекнули его в языческом отходе от подлинных оснований христианства с претензией на роль нового пророка [10].

Христиан-японцев, полностью поддержавших пацифистский радикализм Льва Николаевича, оказалось немного. В их числе особо выделяется Утимура Кандзо – христианин и убежденный пацифист, считавший невозможным сочетание исповедования христианства и милитаризма. Не случайны слова Котоко Сюсуй: «Если поискать среди японцев тех, кто целиком разделяет мнение Толстого, пожалуй, можно назвать только одного Утимура» [11]. Он полностью и без оговорок принял идею о непротивлении злу силой. Утимура призывает свое правительство попробовать применить к государственным делам Нагорную проповедь Иисуса, так как убежден, подобно Толстому, в превосходстве силы непротивления над силой противления. При этом позиция японского христианина не означала потворства злу, напротив, он настаивает на необходимости его выявления, которое и будет способствовать его разумному избеганию, а значит и борьбе с ним.

Однако непротивленчество и пацифизм Утимура Кандзо не проходят в полной мере проверку временем. Столкнувшись с реалиями уже начавшейся войны, японский мыслитель приходит к выводу, что современное общество не готово принять призыв к миру. В этой ситуации, считает Утимура, необходимо способствовать скорейшему миру, а это может допускать локальную интенсификацию ведения самой войны.

Сам Толстой подверг резкой критике такую позицию: «Война начата, и потому надо ее продолжать. Так это представляется самым простым, заблудшим, неученым людям, действующим под влиянием мелких страстей и одурения, которому они подверглись» [12]. Русский мыслитель не принимал возможность подобного нравственного компромисса с реальностью.

В свою очередь Утимура приходит к выводу, что Толстой сам совершил роковую ошибку в трактовке Евангелия, когда абсолютизировал моральную заповедь Нагорной проповеди, которая была дана, по мысли японского автора, не всему народу, а лишь избранным ученикам [13]. Этот христианский морализм – стратегическая цель, но тактика ее достижения в реальной жизни не может полностью исходить из «радикального морализма». Поэтому, по мнению Утимура, учение Льва Николаевича является скорее телеологическим законом истины, но никак не практическим руководством к действию.

Другим христианином-пацифистом и приверженцем непротивленческой идеи Толстого был Касиваги Гиен. Японский мыслитель вовсе не считает идеи Льва Николаевича радикальными и практически нереализуемыми. Они могут и в идеале должны быть применимы для всего человечества. Касиваги полагал, что именно этическая доктрина русского философа может превратить идею всеобщего мира из неисполнимой мечты в реальность [14]. Также он считает возможным сочетать учение Толстого, отвечающее за духовное перерождение общества, с социалистической доктриной, нацеленной на формально институционально-структурное переустройство социального бытия. Их единство позволит наиболее эффективно способствовать «искоренению зла войны» и достижению общественного благоденствия.

Кроме названных отдельных последователей Толстого необходимо упомянуть о возникновении в Японии толстовских общин, в которых усвоение идей мыслителя обрело новое практическое измерение. В 1905 г. Нисида Тэнко, находясь под мистическим влиянием от знакомства с работой Льва Николаевича «В чем моя вера?», создает первую в Японии общину толстовского типа. Несколько позднее под влиянием идей Толстого на сходных общинно-социалистических принципах была создана коммуна «Новая деревня».

В 1897 г. в Японии за авторством Токутоми Рока появляется одна из первых в мире биографий Толстого, в которой, помимо описания основных жизненных событий русского писателя, присутствовал, пусть и весьма краткий, обзор его философских воззрений. Японский мыслитель высоко оценивает Льва Николаевича, считая его уникальной личностью мирового масштаба [15], сочетающей в своем мировоззрении непротивленчество квакеров, государственно-политический нигилизм, социалистическое отрицание частной собственности и дзэн-буддистское вегетарианство. При этом Токутоми признает, что формально-догматически религиозные идеи Толстого сравнительно легко опровергаемы, но от этого они не становятся менее истинными. Однако, возможно, полагает японский исследователь, Лев Николаевич ошибался в модусе «применения истины к жизни» [16].

Интересен и по-своему характерен формат принятия толстовского учения Мусянокодзи Санзацу. Мыслитель, с одной стороны, проникается философией непротивления Льва Николаевича и желает стать ее последователем, с другой стороны, понимает свою неспособность реализовать принципы толстовства во всей их бескомпромиссной полноте в реальной жизненной практике. Мусянокодзи решает следовать толстовству в той мере, в которой оно не нарушает его духовного равновесия и не подавляет собственного достоинства [17].

В конце 10-х гг. XX в. в Японии намечается смена фокуса заинтересованности Толстым. Акценты смещаются с учения о непротивлении как теоретической концепции и практического руководства к социальному действию, на психологические аспекты толстовства. Больше внимания уделяется личности Льва Николаевича и узловым точкам его духовного проживания. Этот интерес к психологическому измерению толстовства затрудняет выявление конкретной проявленности идей Толстого в японской культуре, так как оно обретает эмоциональный характер личностного прорезживания, которое зачастую не транслируется вовне. Русский мыслитель ранее больше выступал как духовная опора для внешне выраженной жизненной позиции-действия, но теперь он становится инициатором глубинных переживаний экзистенциального порядка.

Одновременно в среде японских интеллектуалов появляются и критические отзывы на толстовство. В частности, Като Асатори полагает, что идея непротивления в действительности является формой признания и социального конституирования слабости. Ее реализация на прак-

тике потворствует злу, а значит и приводит к его умножению. Между тем упреки Като больше адресованы не самому русскому философу, а его японским сподвижникам, которые, по его мнению, «не до конца переварили толстовское учение» [18].

В 20–40-е гг. XX в. интенсивность говорения о философии Толстого в Японии снижется. Это связано с курсом на форсированную милитаризацию государства и идеологическим подавлением инакомыслия. Толстовская идея непротivления была принципиально чужда экспансионистски настроенному японскому правительству. Соответственно оно способствовало ее «вымыванию» из общественного сознания.

После Второй мировой войны в Японии начинается период профессионально-академического изучения творческого наследия Толстого. Теперь работами Льва Николаевича по преимуществу занимаются исследователи-русисты. Это привело к повышению уровня исследовательской достоверности толстовских идей, более качественным переводам его работ и применению строгой научной методологии. Одновременно философско-религиозные воззрения Толстого уходят из пространства актуальной социальной действительности, перестают быть частью повседневного общественного дискурса. Учение русского мыслителя превращается из субъекта духовной социально-философской и религиозной реальности японской культуры в академический объект исследований, оторванный от опыта непосредственного проживания людей [19].

В заключение можно сделать вывод, что философско-религиозные воззрения Толстого стали заметным явлением в общественной мысли Японии. Идеи русского мыслителя стали частью как теоретического дискурса, так и непосредственной жизненной практики.

Несмотря на то что сам Толстой отрицательно относился к социалистической идее, толстовство стало особенно популярным именно в среде японских социалистов. Они увидели в концепции русского мыслителя нравственно-духовное обрамление теории социализма, способное дополнить его материалистически-экономическую ограниченность. Также Толстой стал одним из проводников христианской религии в Японии. Именно его интерпретация христианства оказалась понятна и близка японскому религиозному сознанию. Одновременно Лев Николаевич был понят и как продолжатель буддистской традиции, что вызвало к нему дополнительный интерес в связи с распространением в Стране восходящего солнца дзен-буддизма [20].

Между тем необходимо отметить, что принятие толстовства в Японии зачастую носило компромиссный характер, приводящий к усеченному и избирательному его применению в жизненной практике. Последователи русского мыслителя, с одной стороны, признавали истинность его нравственного посыла непротivленчества, понимая его как «высокую жизненную цель», с другой стороны, констатировали невозможность в повседневной реальности жизненно практически воплощать его этический императив. Соответственно, он корректировался исходя из внешних условий социальной действительности и личных духовных предпочтений человека.

Примечания

1. Эгути М. Учение Л. Н. Толстого о непротivлении злу и его влияние на общественную мысль Японии: дис. ... канд. филос. наук. М., 2001. С. 46.
2. Толстой Л. Н. Одумайтесь! // Полн. собр. соч. Т. 36. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. С. 100–148.
3. Цит. по: Эгути М. Указ. соч. С. 54.
4. Хоккио К. Толстой в Японии // Месячный бюллетень к Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. 1973. № 15. С. 6.
5. Сеницына У. П. «Я Лев Толстой, а не толстовец»: к истории взаимоотношений Л. Н. Толстого и толстовства // Материалы XXXIV Междунар. Толстовских чтений. Тула: Тульский гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2014. С. 303–307.
6. Толстой Л. Н. Письмо Абэ-Изо // Полн. собр. соч. Т. 75. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. С. 177.
7. Хоккио К. Указ. соч. С. 8–9.
8. Янаги Т. Толстой в Японии. Токио, 1998. С. 30.
9. Там же. С. 15.
10. Хоккио К. Указ. соч. С. 7.
11. Цит. по: Эгути М. Указ. соч. С. 58.
12. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 34. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. С. 110.
13. Хоккио К. Толстой в Японии // Месячный бюллетень к Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. 1972. № 7. С. 8.
14. Японские последователи христианства Л. Н. Толстого // Русская литература XIX века и христианство. М.: МГУ, 1993. С. 311–315.
15. Токутоми Р. Полное собрание сочинений. Т. 1. Токио, 1999. С. 20–21.
16. Цит. по: Эгути М. Указ. соч. С. 68.
17. См.: Эгути М. Указ. соч. С. 73.
18. Като А. Освобождение зла и переломный момент г-на Толстого // Исследования Толстого. 1918. №1. С. 5.
19. Беляев Д. А. Мультикультурализм как стратегия создания дискретного «сверхобщества» в контексте постмодернистской культуры: теория и практика // Исторические, философские, политические и юри-

дические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22). Ч. 1. С. 46–50.

20. Синицына У. П. Образ «чистой религии» в произведениях Л. Н. Толстого, на примере отношения к христианству и буддизму // Система ценностей современного общества. Новосибирск, 2010. С. 111–115.

Notes

1. Eguti M. Uchenie L. N. Tolstogo o neprotivlenii zlu i ego vliyanie na obshchestvennyuyu mysl' Yaponii: dis. ... kand. filos. nauk [L. N. Tolstoy's doctrine about non-resistance to evil and its influence on public opinion in Japan: dis. ... Cand. Philosophy] M. 2001. P. 46.

2. Tolstoy L. N. Odumajtes'! [Think again!] // Full. coll. Vol. 36. M. State Publ. of fiction. 1956. Pp. 100–148.

3. Cit. by: Eguchi M. Op. cit. P. 54.

4. Hakkyo K. Tolstoj v Yaponii [Tolstoy in Japan] // Mesyachnyj byulleten' k Poln. sobr. soch. L. N. Tolstogo – Monthly bulletin to Full coll. of Tolstoy's works. 1973, No. 15, p.6.

5. U. P. Sinitsyna «YA Lev Tolstoj, a ne tolstovec»: k istorii vzaimootnoshenij L. N. Tolstogo i tolstovstva [“I am Lev Tolstoy, but not the tolstovets”: the history of relations of L. N. Tolstoy and the Tolstoyship] // Materialy XXXIV Mezhdunar. Tolstovskih chtenij – Proceedings of XXXIV Int. Tolstoy readings. Tula. Tula State Ped. Univ. named after L. N. Tolstoy. 2014. Pp. 303–307.

6. Tolstoy L. N. Pis'mo Abeh-Izo [Letter to Abe-Izo] // Full coll. Vol. 75. M. State Publ. of fiction. 1956. P. 177.

7. Hakkyo K. Op. cit. Pp. 8–9.

8. Yanagi T. Tolstoj v Yaponii [Tolstoy in Japan]. Tokyo. 1998. P. 30.

9. Ibid. P. 15.

10. Hakkyo K. Op. cit. P. 7.

11. Cit. by: Eguchi M. Op. cit. P. 58.

12. Tolstoy L. N. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. Vol. 34. M. State Publ. of fiction. 1952. P. 110.

13. Hakkyo K. Tolstoj v Yaponii [Tolstoy in Japan] // Mesyachnyj byulleten' k Poln. sobr. soch. L. N. Tolstogo – Monthly Bulletin to Full coll. of Tolstoy's works. 1972, No. 7, p. 8.

14. YAponskie posledovateli hristianstva L. N. Tolstogo – Japanese adherents of Christianity of L. N. Tolstoy // Russkaya literatura XIX veka i hristianstvo – Russian literature of the XIX century and Christianity. M. Moscow State University. 1993. Pp. 311–315.

15. Tokutomi R. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. Vol. 1. Tokyo. 1999. Pp.20–21.

16. Cit. by: Eguchi M. Op. cit. P. 68.

17. See: Eguchi M. Op. cit. P. 73.

18. Kato A. Osvozhdenie zla i perelomnyj moment g-na Tolstogo [Release of evil and the turning point of Mr. Tolstoy] / Issledovaniya Tolstogo – Tolstoy Studies. 1918, No. 1, p. 5.

19. Belyaev D. A. Mul'tikul'turalizm kak strategiya sozdaniya diskretnogo «sverhobshchestva» v kontekste postmodernistskoj kul'tury: teoriya i praktika [Multiculturalism as a strategy to create discrete "overholdelse" in the context of postmodern culture: theory and practice // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and law sciences, Culturology and study of art. Issues of theory and practice. Tambov. Gramota. 2012, No. 8 (22), part 1, pp. 46–50.

20. Sinitsyna P. W. Образ «чистой религии» в произведениях Л. Н. Толстого, на примере отношения к христианству и буддизму [Image of the "pure religion" in the works of L. N. Tolstoy, for example, the relationship of Christianity and Buddhism] // Sistema cennostej sovremennogo obshchestva – System of values of modern society. Novosibirsk. 2010. Pp. 111–115.

УДК 141.2

С. А. Пушкин

Экзистенциализм как квинтэссенция неонуара

Статья посвящена проблеме философского осмысления комиксов, принадлежащих к литературно-му жанру нуар. Утверждается, что такие спорные и дискуссионные вопросы философской школы экзистенциализма как интерпретация понятий «существование» и «сущность», описание процесса обретения сущности (Ж.-П. Сартр), размышления о взаимосвязи личности и общества, феномене общества “map” (М. Хайдеггер), рассуждения о теории «пограничных ситуаций» (К. Ясперс) находят отражение в нуар комиксах. Анализ сюжетов и персонажей комиксов раскрывает сущность содержания парадокса, сочетающего в себе абсолютную свободу действий и бремя ответственности за совершаемые личностью поступки. Автор считает, что основные тезисы философии экзистенциализма направляются в сознание реальных и потенциальных потребителей комикс-продукции жанра нуар подспудно под прикрытием увлекательных сюжетов комиксов.

The article is devoted to the problem of understanding the philosophy of comics belonging to the literary genre of noir. It is stated that such arguable and debatable items of the philosophical school of existentialism as interpreting the concepts of existence and essence, describing the process of essence discovery (J.-P. Sartre), speculating on individual and society interrelation, the phenomenon of "man" society (M. Heidegger), reflecting on the theory of border situations (K. Jaspers) are to be found in noir comics. The plots and the characters analysis of comics reveal the contents of the paradox resulting in combining absolute freedom for actions and the burden of responsibility of the individual for the actions taken by him. The author is of the opinion that the basic theses of the philosophy of existentialism are channeled into the minds of real and potential consumers of noir comics implicitly veiled by intriguing plots.

Ключевые слова: неонуар, экзистенциализм, сущность, существование, пограничная ситуация, моральная амбивалентность.

Keywords: neo-noir, existentialism, essence, existence, border situation, moral ambivalence.

Слово *нуар*, заимствованное из французского языка (*noir* – черный), первоначально претендовало не более чем на литературный термин. Это обусловлено тем, что в 1945 г. французское издательство Gallimard опубликовало переводы американских и британских криминальных новелл в серии книг под обобщающим названием "Serie Noire" («Черная серия»).

В кинематограф термин пришел в 1955 г. после выхода в свет книги Р. Борде и Э. Шаметона «Панорама американских кинонуаров», ставшая, по мнению А. А. Артюх, «киноведческим бестселлером» [1]. Вместе с тем следует отметить, что первые нуар фильмы появились задолго до нуар комиксов. Так, если нуар фильмы начали снимать уже в начале 40-х гг. XX в. – "Maltese Falcon" («Мальтийский сокол», 1941), "Double indemnity" («Двойная страховка», 1944), – то первые нуар комиксы появились лишь в середине 80-х гг. Наиболее известными из первых нуар комиксов являются комиксы серии "Watchmen" («Хранители», 1986–1987). Рассматривая содержание большинства известных нуар комиксов, можно говорить о том, что они близки по форме не к классическим нуар фильмам, а к фильмам жанра «неонуар» или, как еще его называют, «постнуар». Несмотря на данный факт, термин «неонуар комикс» практически не закрепился в речевом обиходе специалистов. В комикс-индустрии предпочтение отдается термину «нуар комикс». Чаще всего нуар комиксы являются симбиозом комиксов о супергероях и классических произведений жанра нуар, например, "Marvel: Noir" («Марвел: Нуар», 2009–2010), "V for Vendetta" («V значит Вендетта», 1982–1989).

Современные нуар комиксы могут отходить от ряда классических канонов жанра нуар. Так, в комиксе "Anti-Venom: New ways to live" («Антивенном: Новые пути к жизни», 2009) действие происходит не только в ночном городе, но и в прериях Мексики [2]. Следует отметить, что комиксы также отходят от правила повествования лишь от одного лица. В комиксе Punisher / Batman: Deadly Knights («Каратель / Бэтмен: Рыцари Смерти», 1994) повествование ведется от лица двух героев – Карателя и Бэтмена [3]. Это связано с тем, что данный комикс является «кроссовером», в котором в качестве героев представлены персонажи разных издательств. В вышеупомянутом комиксе, в частности, задействованы герои издательств Marvel и DC.

Характерным является ярко выраженная моральная амбивалентность главного героя нуар комиксов, при этом грань между отрицательными и положительными героями практически полностью оказывается стертой. Так, антигерой Антивенном является жесточайшим убийцей, но вместе с тем обладает способностью к регенерации, возможностью лечить других людей. Антивенном говорит о себе так: «У каждого на плечах сидит ангел и дьявол. Значение имеет лишь, кого слушать. Дженна мой ангел. Я должен слушать ее. Или дьявол снова заговорит» [4]. Узнав, что его девушку накачали наркотиками, он в ярости жестоко убивает всех окружающих его врагов и заявляет: «Я старался быть хорошим, действительно старался. Но... мой ангел. Он забрал моего ангела. Он заставляет ее заниматься вещами. Вещами, которые она не должна была больше делать. Я думаю об этом, и это вынуждает меня делать с человеческими телами то, что они не должны делать... Раз они не хотят обратиться к добру, то я покажу им старого себя» [5].

В серии комиксов «Пингвин. Боль и Предубеждение» главным героем является злодей. Повествование ведется от лица Пингвина. С одной стороны, мы узнаем, что Пингвин испытывает глубокие чувства к матери и к слепой девушке, которая полюбила его, с другой стороны, мы видим, как жестоко он убивал остальных членов своей семьи в прошлом и убивает близких людей своих обидчиков [6]. Особенно ярко это продемонстрировано в третьем номере комикса, где параллельно изображено, как он уничтожает всех, кто был близок случайному обидчику, и дарит целое состояние служанке своей матери [4].

Исследователи, изучающие нуар, часто говорят о влиянии философии экзистенциализма, однако практически отсутствуют работы, говорящие о связи экзистенциализма и нуар комиксов. Целью статьи является выявление элементов экзистенциализма в содержании и форме неонуар комиксов. Вследствие споров о характере влияния массовой культуры на сознание проблема исследования комиксов становится актуальной как никогда. Представляется необходимым решить следующие задачи: сопоставить дату возникновения и предпосылки формирования экзистенциализма и нуара; выявить основные тезисы философской школы экзистенциализма на основе таких известных неонуар комиксов, как «Город Грехов», «Хранители», «Хранители: Пролог: Роршах», «V значит Вендетта», «Марвел: Нуар», «Антивеном – новые пути к жизни».

Назвать точную дату формирования философской школы экзистенциализма проблематично, хотя условной датой считается первая половина XX в. В России идеи экзистенциализма возникли до Первой мировой войны, а в Германии экзистенциализм как философское направление было популярно в послевоенные годы. Более приемлемо говорить о событиях, послуживших толчком для развития философии экзистенциализма в отдельно взятых странах. Е. Брейсах характеризовал XX в. как век «кризиса» и «тревоги» [7]. В статье «Введение в современный экзистенциализм», говоря о предпосылках формирования экзистенциализма, он отмечал, что экзистенциализм являлся «отражением в философии «века гибели иллюзий» [8]. Можно проследить любопытную тенденцию, что и экзистенциализм, и нуар пользовались наибольшей популярностью в период кризисов, когда в обществе были сильны депрессивные настроения, и человек, «уходя в себя», пытался найти смысл своей жизни. Так, неонуар возник в Америке в 70-е гг. на фоне вьетнамской войны и других социальных потрясений.

Приведем основные постулаты экзистенциализма: отличие сущности от существования (экзистенции) и возможность перехода первой во второе, пограничные ситуации К. Ясперса, свобода и ответственность человека, взаимоотношение индивида и общества, общество “man”.

Теоретики экзистенциализма не рассматривают бытие (окружающий мир) вне человека. Ж.-П. Сартр, описывая процесс обретения индивидом своей сущности, утверждает, что Бога как такового нет, существует одно бытие, у которого существование предшествует сущности. Этим бытием является человек. Человек сначала существует, встречается, появляется в мире и только потом определяется [9]. Человек сам творит свою сущность каждым своим действием. Существование, по мнению экзистенциалистов, иррационально и не подлежит познанию. Сущность человека можно познать лишь в определенный момент на основе определенных совершаемых действий. Такой момент назван К. Ясперсом «пограничной ситуацией».

Пограничная ситуация является пусковым механизмом, помогающим экзистенции проявить себя, актуализироваться в действиях и поведении человека. За осознанием ситуации следует изменение собственной жизни. Человек перестает быть слепым, ибо в переживании пограничной ситуации ему открывается подлинное бытие, таким образом, человек обретает свою сущность [10].

Свобода в понимании экзистенциалистов представляет собой возможность выбирать, как ему поступать в том или ином случае. Лишиться свободы человек может только по собственному желанию и по причине того, что свобода является тяжелейшим бременем. Поэтому на человека возлагается ответственность за все результаты его действий. Отказ от свободы, по мнению экзистенциалистов, гораздо легче, так как человек отказывается от ответственности как за себя, так и за все общество. Однако данный отказ является прямой дорогой в общество конформистов (по М. Хайдеггеру – общество “man”, Н. А. Бердяев называет это объектным обществом). Главная черта общества “man” – обезличенность. Призвание личности – бороться с обществом “man”. Но это не предполагает борьбу с социальными институтами. Борьба индивида с “man” – это борьба индивидуальности как с принудительным, так и с добровольным обезличиванием.

Именно данная идея прослеживается в действиях главного героя из комикса «V – значит Вендетта». V борется с тоталитарным государством, руководителя которого зовут не по имени, а обезличенным титулом «Лидер». Монологи V и Лидера – это обозначение мировоззрения личности и обезличенного члена общества “man”.

Персонаж V, стоя у статуи, символизирующей Правосудие, заявляет, что Анархия научила его, что «правосудие невозможно без свободы». Правосудие обезличенного общества “man” он сравнивает с библейской героиней – Иезавиль (символ всего аморального, бесчестного). Свобода для V превыше счастья. V обвиняет массы в том, что к власти приходят такие диктаторы, как Муссолини и Гитлер. Он обвиняет их в том, что в угоду своему счастью и покою они отказываются от ответственности, обвиняет их в трусости, отсутствии гордости, нежелании сказать «нет» внутреннему стремлению стать членами общества «man». В завершение своего монолога он взрывает статую.

Позиция Лидера сформулирована следующим образом: «Я не потерплю болтовни о свободе. Я не потерплю трепотни о свободе личности. Это роскошь. В роскошь я не верю». Лидер верит в «силу и единство». Ради силы и единства Лидер допускает «единство мысли, слова и дела». Особо следует отметить, что Лидер, отказывая в свободе остальным, отказывается от своей свободы. По собственному признанию он «словно сидит в клетке». Он «слуга, но повелевает всем, чем видит, ему принадлежит все, но не принадлежит ничего». Он называет себя «Рабом судьбы» [11].

Говоря о связи экзистенциализма и нуара, можно утверждать, что экзистенциализм есть квинтэссенция нуара. Нуар комикс становится тем, что он есть, не благодаря наличию персонажа роковой женщины, главного героя детектива и набора визуальных эффектов. Все это либо создает атмосферу, либо является отображением атрибутики экзистенциализма.

Отсутствие бытия вне человека демонстрируется способом повествования. Комикс «Хранители: Пролог: Роршах» представляет собой дневник главного героя [12]. Композиционно он выполнен в форме воспоминаний. Так, комикс, раскрывающий сущность Роршаха, «Хранители. № 6. Бездна смотрит в тебя», выполнен в форме заметок тюремного психолога. Повествование в комиксах «Город Грехов» и “Marvel: Noir” представляет собой сочетание воспоминаний, эмоций и мыслей главного героя относительно окружающей его реальности.

Главный герой нуара, будь то обыкновенный человек (персонажи комиксов «Город Грехов») либо супергерой-вигилант, балансируя на грани между добром и злом, ищет себя в данном мире. Не случаен выбор образа «копа»-одиночки, хорошего бандита или частного детектива. Все эти герои обречены на одиночество и на духовные поиски «себя», поиски смысла своего «существования». Они вынуждены сталкиваться с соблазном уйти в сторону и «поплыть по течению», так как дальнейший путь грозит им неминуемой гибелью, но они отказываются от такой возможности, выбирая «путь Сизифа». Полицейский Хартиган и бандит Марв из цикла комиксов борются с семейством Рорков, являющихся «хозяевами города». Оба героя понимают, что продолжение борьбы неминуемо повлечет смерть, но не прекращают борьбы в силу жизненных принципов. Оба героя ничего не должны. У Хартигана последний день до пенсии, но он едет спасать девочку от рук сына высокопоставленного чиновника [13]. С убитой девушкой Марв провел всего одну ночь, но мстит за ее смерть [14]. Оба в итоге умирают. Но оба удовлетворены содеянным и не испытывают сожалений. Супергерой Роршах умирает от рук доктора Манхэттена, так как не желает скрывать правду о планах Озимондии. Лозунг Роршаха – «никаких компромиссов даже перед лицом Армагеддона».

Визуальные эффекты нуар комиксов призваны доказать иррациональность и эфемерность существования человека. Это показывается практически полным растворением человека в тенях окружающего мира, его отражениями в зеркале, стекле или лужах воды, искажением силуэтов под дождем. В некоторых картинах мы видим не самих людей, а лишь их тени. Один из главных героев нуар комикса «Хранители» супергерой Роршах в разговоре с тюремным психологом своими словами повторяет один из основных постулатов Ж.-П. Сартра: «Человек есть лишь то, что сам из себя делает» [15]. В своей последней беседе с тюремным психологом Роршах говорит, что «Смысл не прилагается к жизни. Нет иной системы, кроме той, которую мы придумываем сами, когда слишком много думаем об этом. Нет иного смысла, кроме придуманного» [16]. В конце комикса можно наблюдать коренное изменение мировоззрения психолога. Он глядит на картинку с черными пятнами, пытаясь увидеть дерево, но видит дохлую кошку, в которой копошатся черви. Но даже представление кошки есть попытка избежать настоящего ужаса, заключающегося в том, что на картинке изображена бессмысленная и пустая чернота [17].

На примере комикса «Хранители: Пролог: Роршах» мы видим четкую разницу между существованием и сущностью, между человеком, выбравшим путь общества “man”, и человеком, поставившим цель разрушить “man”. Уолтер Ковач, человек, скрывающий воплощение существования, безличный неудачник с невзрачной, даже отталкивающей внешностью, символизирует существование, общество “man”. Антигерой Роршах – сущность Уолтера Ковача, является пусть своеобразной, циничной и порой неоправданно жестокой, но личностью, имеющей смысл жизни [18].

Пограничные ситуации отражаются в содержании нуар комиксов и создают многих супергероев: Бэтмена, Карателя, Дардрэвэла, Человека-Паука и др. Пограничные ситуации в других комиксах даны в предыстории, просто объясняя появление героя. Ярким и наглядным является пример перехода от существования к сущности супергероя Роршаха, чье настоящее имя – Уолтер Джозеф Ковач. На вопрос психолога, стал ли Роршах Роршахом после того, как он надел маску, Роршах говорит, что тогда он был Ковачем, притворявшимся Роршахом, для того чтобы стать Роршахом, было необходимо озарение. Далее Роршах рассказывает о том, как он расследовал убийство шестилетней девочки, и, видя, как собаки гложут кости, он берет нож и рассекает соба-

кам черепа. Роршах говорит: «Ковач под латексом пробормотал "мамочки" и закрыл глаза. А открыл их уже Роршах». После этого Роршах убивает убийцу девочки, сжигая его заживо, и, глядя на пожар, «очищается».

В данном примере жизнь Ковача и его пребывание в роли Роршаха до расследования убийства девочки – существование, убийство собак и преступника – пограничная ситуация, после чего Роршах обретает свою сущность [19]. Еще один пример пограничной ситуации и обретения сущности – это «перерождение» Иви, героини комикса «V значит Вендетта». V объясняет, что счастливый мир является самой коварной тюрьмой, и, только оказавшись в условиях реальной тюрьмы, испытав несвободу, можно осознать данную ситуацию и, перерождаясь, обрести самого себя. Нахождение обнаженной героини на крыше является символом перехода от существования к сущности [20].

В комиксах “Marvel: Noir” демонстрируется то, что пограничная ситуация не всегда влечет за собой смерть. Герой узнает, что девушка, которую герой любил, на самом деле является жестокой убийцей по кличке Бычий Глаз. Его сознание переживает ломку. Герой потрясен, что его впервые в жизни обманули, при этом обманула девушка, которую он полюбил. Свои переживания он передает следующими чувствами: «Что я чувствовал тогда? Как будто кто-то не давал мне усвоить урок, прежде чем я понимал, нужен ли он мне. Как будто аплодисменты прекращались, и я понимал, что сейчас отправлюсь спать среди крыс. Как будто кто-то все время смеялся надо мной, потому что мой отец был слишком глуп, раз пошел против правил. Как будто ты стоишь на берегу, и чувствуешь нахлынувшую волну, разрывающую песок под твоими ногами, представляя тот момент, когда вся земля развернется и поглотит тебя. Как будто ты все время доверял, зная, что тебя могут предать» [21]. Через данные ощущения герой понимает такую простую вещь, что он не идеален, а может ошибаться.

Рассмотрение формы и содержания нуар комиксов в связке с философской школой экзистенциализма позволяет взглянуть на проблему влияния на сознание данной категории комиксов с новой стороны. Обычно критикуют нуар комиксы и фильмы, созданные по их мотивам, как произведения, содержащие сцены жестокости, и вследствие этого считают, что данная категория комиксов может повлиять на формирование девиантного сознания.

Однако эти же исследователи не являются столь яркими критиками философской школы экзистенциализма. Они не считают кощунственными предположения философов-экзистенциалистов, что «только такие пограничные ситуации, как боль и даже смерть позволяют понять сущность человека»; приемлемым считается идея «разрушения общества “man”». Нейтральное отношение вызвано тем, что философская школа экзистенциализма чрезвычайно насыщена метафорами, аллегориями и другими приемами. Критика неонуара обычными людьми, не обладающими специальными знаниями, простительна в силу их неосведомленности, однако критика неонуара социологами и философами и нейтральное отношение к философской школе экзистенциализма есть демонстрация двойных стандартов. Неонуар продукция является продуктом культуры, следовательно, изначально можно предполагать, что комиксы и фильмы, относящиеся к категории нуар, могут содержать метафоры и иносказания, поэтому многие фразы и события в комиксах не следует понимать буквально.

Кроме того, жанр нуар, за исключением нескольких работ, изначально предполагает, что минимальный порог возраста потребителя – шестнадцать лет. Ни авторы комиксов, ни режиссеры не скрывают, что данные продукты не рекомендованы детям. Если комикс попадает в руки ребенка, солидарную ответственность несут распространители комиксов, стремящиеся продать товар, и родители, не контролирующие своих детей. В настоящее время многие родители предоставляют своих детей самим себе. Не уделив должного внимания воспитанию своих детей, родители, не признавая своих ошибок, готовы обвинять комиксы и кинематограф. Обвиняя комиксы и кинематограф, родители забывают, что не предоставляют своим детям альтернативные источники воспитания.

В продуктах неонуара можно отследить социальные проблемы, волнующие современного человека: ущемление прав и свобод человека, проникновение организованной преступности в органы власти. В отличие от большинства остальных комиксов, неонуар продукция содержит легкую недосказанность. Именно это и является ее основной ценностью. Продукт неонуара никогда не содержит четкий ответ на вопросы, он лишь дает определенные направления для рассуждений. Таким образом, нуар продукты не диктуют правила поведения, они предлагают сделать самостоятельный выбор, который есть основа основ философской школы экзистенциализма, её квинтэссенция.

Примечания

1. Артюх А. А. Нуар: голос из прошлого. Об истории и теории жанра // Искусство кино. 2007. № 5. URL: <http://kinoart.ru/archive/2007/05/n5-article18>. Дата обращения: 17.10.2014
2. Уэллс З. Удивительный Человек-Паук: Анти-Веном – новые пути к жизни, № 1 / З. Уэллс, П. Секайра, А. Сантос, Ф. Д'Аурило. Нью-Йорк: Марвел, 2009. URL: <http://www.jurnalu.ru/online-reading/comicsonline/amazingspidermanpresentsantivenomnewwaystolive/amazingspidermanpresentsantivenomnewwaystolive001>. Дата обращения: 07.11.2015
3. Dixon C. Punisher. Batman: Deadly Knights / C. Dixon, Jr. J. Romita, Jr. J., K. Janson. N.Y.: Marvel and Dc., 1994. URL: <http://unicomics.ru/comics/online/batman-punisher>. Дата обращения: 26.01.2014
4. Уэллс З. Удивительный Человек-Паук: Анти-Веном – новые пути к жизни, № 1... С. 10.
5. Уэллс З. Удивительный Человек-Паук: Анти-Веном – новые пути к жизни, № 3 / З. Уэллс, П. Секайра, А. Сантос, Ф. Д'Аурило. Нью-Йорк: Марвел, 2009. С. 11. URL: <http://www.jurnalu.ru/online-reading/comicsonline/amazingspidermanpresentsantivenomnewwaystolive/amazingspidermanpresentsantivenomnewwaystolive003>. Дата обращения: 07.11.2015
6. Гервиц Г., Кудрански С. Пингвин. Пингвин: Боль и предубеждение. № 2. Прелестный мальчик. DC Comics, 2011. URL: www.jurnalu.ru/online-reading/comicsonline/penguinpainandprejudice/002. Дата обращения: 07.11.2015
7. Breisach E. Introduction to Modern Existentialism. N. Y., 1962. P. 3.
8. Там же.
9. Сумерки богов / сост. и общ. ред. А. А. Яковлева: перевод. М.: Политиздат, 1989. С. 323.
10. Мануковский В. В. Экзистенциальное содержание понятий «Встреча» Г. Марселя и «Пограничная ситуация» К. Ясперса // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 18 (272). Философия. Социология. Культурология. Вып. 25. С. 127–129.
11. Мур А., Ллойд Д. V – значит Вендетта. № 2. N. Y.: DC Comics, 1989. URL: <http://unicomics.ru/comics/online/v-for-vendetta-02>. Дата обращения: 07.11.2015
12. Азарелло Б., Бермехо Л. Хранители: Пролог: Поршак. DC Comics, 2012. URL: <http://unicomics.ru/comics/series/before-watchmen-rogenschach> Дата обращения: 17.10.2014
13. Миллер Ф. Город Грехов. Тот желтый ублюдок. СПб: Амфора, 2013.
14. Миллер Ф. Город Грехов. Трудное прощание. СПб.: Амфора, 2005.
15. Сумерки богов...
16. Мур А., Гиббонс Д. Хранители. СПб.: Амфора, 2009. URL: <http://unicomics.ru/comics/online/watchmen-06>. Дата обращения: 30.07.2014
17. Там же.
18. Азарелло Б., Бермехо Л. Указ. соч.
19. Мур А., Гиббонс Д. Указ. соч.
20. Мур А., Ллойд Д. V – значит Вендетта. № 7. N. Y.: DC Comics, 1989. URL: <http://unicomics.ru/comics/online/v-for-vendetta-07>. Дата обращения: 07.11.2015
21. Миллер Ф. Город Грехов. Трудное прощание... С. 4–7.

Notes

1. Artyukh A. A. Nuar: golos iz proshlogo. Ob istorii i teorii zhanra [Noire: a voice from the past. About the history and theory of a genre] // Iskusstvo kino – Art of cinema. 2007, No. 5. Available at: <http://kinoart.ru/archive/2007/05/n5-article18>. Date of access: 17.10.2014
2. Wells Z. Udivitel'nyj Chelovek-Pauk: Anti-Venom – novye puti k zhizni, № 1 [Amazing Spider-Man: Anti-venom – new ways to life]. No. 1 / Z. Wells, P. Secaira, A. Santos, F. D'Aurillo. New York. Marvel. 2009. Available at: <http://www.jurnalu.ru/online-reading/comicsonline/amazingspidermanpresentsantivenomnewwaystolive/amazingspidermanpresentsantivenomnewwaystolive001>. Date of access: 07.11.2015
3. C. Dixon Punisher. Batman: Deadly Knights / C. Dixon, Jr. J. Romita, Jr. J., K. Janson. N. Y.: Marvel and Dc., 1994. Available at: <http://unicomics.ru/comics/online/batman-punisher>. Date of access: 26.01.2014
4. Wells Z. Udivitel'nyj Chelovek-Pauk: Anti-Venom – novye puti k zhizni, № 1... [Amazing Spider-Man: Anti-venom – new ways to life] No. 1... P. 10.
5. Wells Z. Udivitel'nyj Chelovek-Pauk: Anti-Venom – novye puti k zhizni, №3 [Amazing Spider-Man: Anti-venom – new ways to life] No. 3 / Z. Wells, P. Secaira, A. Santos, F. D'Aurillo. New York. Marvel. 2009. P. 11. Available at: <http://www.jurnalu.ru/online-reading/comicsonline/amazingspidermanpresentsantivenomnewwaystolive/amazingspidermanpresentsantivenomnewwaystolive003>. Date of access: 07.11.2015
6. Gervits G., S. Kudranski Pingvin. Pingvin: Bol' i predubezhdenie [Penguin. Penguin: Pain and prejudice]. No. 2. Prelestnyj mal'chik – A beautiful little boy. DC Comics. 2011. Available at: www.jurnalu.ru/online-reading/comicsonline/penguinpainandprejudice/002. Date of access: 07.11.2015
7. E. Breisach. Introduction to Modern Existentialism. N. Y. 1962. P. 3.
8. Ibid.
9. Sumerki bogov – The twilight of the gods / comp. and gen. ed. by A. A. Yakovleva: translation. M. Politizdat. 1989. P. 323.
10. Manukovskiy V. V. EHkzistencial'noe sodержanie ponyatij «Vstrecha» G. Marselya i «Pogranichnaya situaciya» K. YAspersa [Existential concepts of "Meeting" of G. Marseille and "Borderline situation" by K. Jaspers] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of the Chelyabinsk State University. 2012, No. 18 (272). Philosophy. Sociology. Cultural studies. Is. 25. Pp. 127–129.

11. Moore A., Lloyd D. V – znachit Vendetta [V for Vendetta]. No. 2. N.Y. DC Comics. 1989. Available at: <http://unicomics.ru/comics/online/v-for-vendetta-02>. Date of access: 07.11.2015
12. Azarello B., Bermejo L. Hraniteli: Prolog: Rorshah [Watchmen: Prologue: Rorschach]. DC Comics. 2012. Available at: <http://unicomics.ru/comics/series/before-watchmen-rorschach> Date of access: 17.10.2014
13. F. Miller Gorod Grekhov. Tot zheltyj ublyudok [Sin City. That yellow bastard]. SPb. Amphora. 2013.
14. F. Miller Gorod Grekhov. Trudnoe proshchanie [Sin City. A difficult farewell]. SPb. Amphora. 2005.
15. The twilight of the gods...
16. Moore A., Gibbons D. Hraniteli [Watchmen]. SPb. Amfora. 2009. Available at: <http://unicomics.ru/comics/online/watchmen-06>. Date of access: 30.07.2014
17. Ibid.
18. Azarello B., Bermejo L. Op. cit.
19. Moore A., Gibbons D. Op. cit.
20. Moore A., Lloyd D. V – znachit Vendetta [V for Vendetta]. No. 7. N.Y. DC Comics. 1989. Available at: <http://unicomics.ru/comics/online/v-for-vendetta-07>. Date of access: 07.11.2015
21. F. Miller Gorod Grekhov. Trudnoe proshchanie... [Sin City. The hard farewell...] Pp. 4–7

Богословие византийского иконоборческого кризиса: христологический и схоластический этапы богословских споров

В статье впервые в историографии, с опорой на первоисточники и с учетом современных исследований, представлена вся основная аргументация иконоборцев и иконопочитателей, выдвигавшаяся во второй и третий периоды иконоборческого кризиса (ок. 741–787 гг. и с 814 по 828 г.). Особое внимание уделено спорам вокруг иконы Христа, а именно, анализу и опровержению т. н. «христологической дилеммы» иконоборцев, а также вопросам об изобразимости человечества Иисуса Христа и об описуемости (ограничиваемости в пространстве) его тела после Воскресения. Кроме того, показано развитие иконопочитателями IX в. учения об отношении образа к прототипу, а также детально рассмотрен вопрос о месте икон в богослужении, и особенно в Божественной литургии.

The article, on the basis of primary sources and contemporary research, for the first time in historiography presents all the main argumentation of the iconoclasts and the iconodules put forth during the second and the third stages of the iconoclastic crisis (ca. 741–787 and from 814 to 828 AD). Particular attention is devoted to the controversy around the image of Christ, namely to the analysis and the refutation of the so-called “christological dilemma” of the iconoclasts, as well as to the questions of whether it is possible to represent Jesus Christ’s humanity and whether his post-Resurrection body is circumscribable in space. Besides, the author shows the development, by the iconodule theologians of the 9th c., of the teaching about the relation of the image to its prototype. The issue of the place of icons in worship, and particularly in the Divine liturgy is also discussed in detail.

Ключевые слова: богословие, икона, Христос, христология, иконоборчество, иконопочитание, иконопись, ипостасные идиомы, неопикуемость, образ.

Keywords: theology, icon, Christ, christology, iconoclasm, icon-veneration, icon-painting, hypostatic features, uncircumscribability, image.

В предыдущей статье* были рассмотрены периодизация и первый этап иконоборческих богословских споров в Византии. Здесь же будет представлено содержание остальных этапов этих споров, в результате которых завершилось формирование византийского богословия священных образов.

Однако прежде чем перейти ко второму, христологическому, этапу богословских споров в ходе иконоборческого кризиса, необходимо хотя бы кратко сказать о месте икон в богослужении, и особенно в Божественной литургии. Этот вопрос не относился к тому или иному этапу иконоборческих споров, а поднимался иконопочитателями на протяжении всей смуты. Как уже отмечалось, иконоборцы, в соответствии со своим пониманием икон, считали, что подлинная литургия, как соборное богослужение Церкви, – это литургия без образов. Доводы иконопочитателей о том, что иконы являются «книгами для неграмотных», которые те могут мысленно обнимать, целовать и почитать, приобщаясь таким образом к божественной истине [1], встречали возражения иконоборцев, утверждавших, что люди «простые и грубые» могут обманываться образами и поклоняться им как идолам [2].

Непосредственный ответ на эту критику был достаточно очевиден: искажения и недопонимания любого учения всегда возможны, но это не значит, что его нужно отбросить, а не пытаться защитить и лучше донести до людей. К тому же орудия защиты от идолопоклонства содержатся в самой литургии. Выдающийся богослов-иконпочитатель IX в., константинопольский патриарх Никифор, указывал на одно такое орудие в литургии св. Василия Великого, которую совершали все – и иконоборцы, и иконопочитатели [3]. В главной молитве литургии – анафоре –

священник возносит хвалу Христу за то, что он «избавил нас от обмана идолов и привел к познанию Тебя, истинного Бога и Отца». Услышав эту молитву, молящиеся должны задуматься о том, что значит избавиться от обмана идолов.

Однако иконы в церкви и ее богослужении являются чем-то гораздо большим, чем просто «книгами для неграмотных». Без икон для верующего теряются полнота Церкви и самого Бога. Как уже отмечалось, иконопочитатели утверждали, что Боговоплощение дает основание для икон Христа. Но икона Христа – это также «постоянное свидетельство Церкви об этом чуде... о личном вхождении Бога в человеческую жизнь... которое есть основа и суть нашей веры и надежды» [4]. Без этого образа Божественная литургия не может выразить правую веру в воплощенного Бога [5]. И более того – Христос никогда не бывает один, «Он дивен во святых Своих». «И так, изображаем (красками) Христа – Царя Господа, не лишая Его воинства, – пишет Иоанн Дамаскин. – Ибо воинство Господне – святые» [6]. Поэтому упразднение икон святых, к которому призывали иконоборцы, равносильно утрате памяти о самих этих святых, поскольку эта память, учил Иоанн Дамаскин, неотделима от икон, представляющих их образы [7]. А утрата этой памяти, в свою очередь, привела бы к умалению славы Божьей.

Иконы, утверждали иконопочитатели, также необходимы для полноты Церкви. Согласно православному учению, Божественная литургия совершается *всей* Церковью – и церковью ангелов и святых на небесах, и церковью земной [8]. В ходе службы священник поминает святых [10] и молится о том, чтобы Церковь вошла в присутствие Божие вместе с ангелами, а затем земная Церковь соединяется с Церковью небесной, исполняя данную ангелами Трисвятую песнь [11]. Иконы ангелов и святых в храме символизируют присутствие в нем Церкви небесной – присутствие невидимое, но реальное [12]. Они «служат местом встречи неба и земли» [13], Церкви небесной и Церкви земной. Несомненно, что прп. Иоанн Дамаскин и прп. Феодор Студит прекрасно сознавали это, когда ратовали за иконы святых и ангелов [14].

После опровержения иконоборческих аргументов прп. Иоанном Дамаскиным внимание иконоборцев сосредоточилось на христологическом аргументе против икон. Его основы были сформулированы еще до иконоборческого кризиса в сочинениях, приписываемых вышеупомянутым Евсевию Кесарийскому и свт. Епифанию Кипрскому. Направлен он был против икон Христа. Считалось, что невозможно представить образ Христа в иконе, поскольку Он соединял в себе божественную и человеческую природы, а божественную природу невозможно изобразить уже хотя бы потому, что ее невозможно ограничить в пространстве [15]. Как было отмечено в предыдущей статье, прп. Иоанн Дамаскин ответил на вопрос об изобразимости Христа, не касаясь, однако, тайны Его двух природ. Пользуясь этим обстоятельством, император Константин V (годы правления 741–775) предложил контраргументацию против вывода Дамаскина и других иконопочитателей об изобразимости Христа в силу Боговоплощения. По-видимому, он оттолкнулся от идеи невозможности написать лик Христа ввиду неограниченности или неопишуемости Его божества и сделал из нее определенные выводы. Поскольку иконописное изображение Христа невозможно, писал он, пытающийся создать его неизбежно впадает в одну из двух ошибок. В первом случае он пытается передать обе природы Христа, и тогда он либо берется за невозможное – описать неопишуемое Божество, либо смешивает две природы, впадая в монофизитство – ересь, осужденную IV Вселенским Собором в Халкидоне (451 г.) [16]. Во втором случае иконописец изображает только человеческую природу Христа, отделяя ее от божественной природы и впадая тем самым в несторианство – ересь, против которой предостерегал III Вселенский Собор в Ефесе (431 г.) [17]. Эта т. н. «христологическая дилемма» была включена в вероопределение иконоборческого собора в Иерии 754 г., где было отмечено, что вторая ошибка равнозначна введению в Пресвятую Троицу четвертого лица – Христа просто как человека [18].

Таков был христологический аргумент иконоборцев. Следует отметить, что в нем невозможность иконописного изображения Христа следовала не из утверждения о том, что подлинный образ должен иметь ту же сущность, что и его прототип (хотя это подразумевалось). Согласно В. А. Баранову, в основе христологической дилеммы лежало вышеупомянутое учение иконоборцев о посреднической функции души Христа. Именно душа-посредница соединяет воедино Его божественную и человеческую природы, обеспечивая их нераздельность, но в то же время гарантирует их неслитность и четкое различие [19]. Проблема этого учения, конечно, в том, что человеческая душа Христа неправомерно вычленяется из Его человеческой природы, которая, в свою очередь, урезается до одного лишь тела. Если прибавить к этому учению допущение иконоборцев о неизобразимости души, также уже встречавшееся при рассмотрении первого этапа иконоборческих споров, то получится, что любое изображение Христа, будучи изображением без души-посредницы, будет непременно смешивать Его природы или отделять одну от другой [20].

Первый ответ на христологическую дилемму был дан в «Опровержении коварно составленного толпою христианообвинителей и лжеименного определения», подготовленном к

VII Вселенскому Собору и сохранившемся в его 6-м Деянии [21]. Икона, как и вообще любое изображение, не претендует на воспроизведение природы изображаемого. «Икона подобна первообразу не по существу, а только по напоминанию и по положению изображенных членов... Иное дело икона и иное дело первообраз, и свойств первообраза никогда никто из благоразумных людей не будет искать на иконе» [22].

Поскольку икона не претендует на воспроизведение природы изображенного на ней, ни о каком слиянии или разделении природ на иконе Спасителя просто не может идти речи. Автор «Опровержения» продолжает: «Живописец, изображающий портрет какого-либо человека, не домогается изобразить на портрете душу... и однако же никто... и не помыслил, что живописец отделяет человека от его души» [23].

По аналогии с этим бессмысленно утверждать, что на иконе Христа иконопочитатели мнят изобразить само божество. Христос изображается в добровольно воспринятой Им плоти, как совершенный Человек. Но как никто не думает, что на портрете человека [24] его душа отделена от тела, так не должно думать, что на иконе Христа Его божество отделено от человечества. И как на портрете человека последний созерцается как психосоматическое целое, с душой и телом, так и на иконе Христа Он созерцается как Богочеловек, имеющий две нераздельно и неслитно соединенные (хотя сами по себе не изображимые) природы: Божественную и человеческую [25].

Дальнейшее развитие этот ответ иконопочитателей получил на третьем этапе иконоборческих споров.

Особое место в христологической аргументации иконоборцев занимает учение о Евхаристии как истинной иконе Христа. Так называют освященные евхаристические Дары Иерийский собор, противопоставляя их живописным изображениям Спасителя [26]. VII Вселенский Собор отверг такое именование, утверждая, что святые Дары – не образ, но само Тело и сама Кровь Господни [27].

Однако собор в Иерии выразил лишь часть евхаристической доктрины крайних иконоборцев, дошедшей до нас во фрагментах сочинений императора Константина V. Последний называл евхаристические Дары «единосущной иконой» Христа [28]. Физическое тело Спасителя имеет одну сущность с Его евхаристическим телом, очевидно, в силу обожности того и другого. Более того, Константин утверждал, что при освящении «рукотворные» хлеб и вино становятся «нерукотворными» Телом и Кровью Христовыми. Замысел императора, по-видимому, состоял в том, чтобы противопоставить эту нерукотворную икону иконам обычным [29].

Как мы видели в первой статье, прп. Иоанн Дамаскин критиковал учение о единосущном образе путем выработки системы шести видов образов, из которых лишь один единосущен своему прототипу. Дополнительный аргумент против этого учения иконоборцев был сформулирован на третьем этапе иконоборческих споров. Что же касается идеи нерукотворного образа, то ответом иконопочитателей стало распространение преданий о нерукотворных образах, и в первую очередь об Убресе (платке), посланном Самим Спасителем Эдесскому царю Авгарю [30].

Иерийский собор также заявил, что иконы суть «вещи обыкновенные», поскольку нет «священной молитвы, освящающей их» [31]. Ответ VII Вселенского Собора, развивающий мысли прп. Иоанна Дамаскина об освящении икон именем Божиим, для удобства изложения помещен в части предыдущей статьи, посвященной первому этапу иконоборческих споров.

Собор в Иерии представил еще один аргумент против икон – аргумент «от святости»: «Святые, угодившие Богу и почтенные от Него достоинством святости, всегда живы для Бога, хотя они и преставились отсюда; а потому думающий оживить их посредством мертвого и презренного искусства... оказывается богохульником.

Как даже осмеливаются посредством низкого еллинского искусства изображать преславную Матерь Божию, в которой вместились полнота Божества, высшую небес и святейшую херувимов? Или еще: как не стыдятся посредством языческого искусства изображать имеющих царствовать со Христом [святых], сделаться сопрестольными Ему, судить вселенную и уподобиться образу славы Его..? Недостойно христианам, получившим надежду воскресения, пользоваться обычаями народов, преданных идолослужению, и святых, имеющих возблестать такую славою, оскорблять безславным и мертвым веществом. Мы не заимствуем доказательств нашей веры у чуждых (нам по вере)...» [32].

Вышеупомянутое «Опровержение коварно составленного толпою христианообвинителей и лжеименного определения (Иерийского собора)» отвечает на это так: мы не тщимся оживить святых их изображением, и потому в богохульстве не виновны. Святых мы изображаем «для напоминания об них нашему уму и для возбуждения нас к подражанию их жизни» [33]. Эту мысль автор «Опровержения» подкрепляет соответствующим рассуждением св. Василия Великого [34].

Что касается «безславного» вещества, то оно может быть употреблено как во славу Божию, так и на дела гнусные, но из последнего еще не следует, что надо пренебречь потенциальной

пользой вещества. «Так как мы без сомнения люди чувственные, то для познания всякого божественного и благочестивого предания и для воспоминания об нем имеем нужду в вещах чувственных» [35].

Что же до отвержения языческого искусства и языческих обычаев, то тогда, по логике вещей, нужно будет «отвергнуть все, посвященное Богу, а именно: священные одежды и священные сосуды: потому что и язычники также делали идолов из золота и серебра, и возлияния им совершали из вина...» [36].

Автор «Опровержения» доводит до абсурда позицию иконоборцев: «Остается им обвинить католическую церковь еще в одном. Язычники в своих исторических сочинениях восхваляют своих богов и демонов. Не следует ли и нам в своих исторических книгах не восхвалять ни Всевышнего Бога, ни святых Его, чтобы не уподобиться язычникам?» [37]

Наконец, приводим следующий странный аргумент иконоборцев: в силу соединения человечества Христа с Его неопишваемым (неограничиваемым) Божеством Спаситель неопишем с момента Своего воплощения, а потому Его икона невозможна. Вот анафематизм Иерийского собора по этому поводу: «Если кто-либо неопишемое существо Бога-Слова и ипостась Его старается вследствие воплощения Его описывать на иконах человекообразно, посредством вещественных красок, и более уже не мыслит как богослов, что Он и по воплощении, тем не менее, неопишем, – [да будет] анафема» [38].

Это утверждение очень уязвимо, ибо, если Христос неизобразим по причине неопишимости Своей божественной природы, то Он и «несказанен» [39]. О Нем нельзя ничего положительно (т. е. катафатически) сказать, и мы должны отвергнуть все четыре Евангелия, не говоря уже о прочем богословии. Отцы же VII Вселенского Собора ссылаются на евангельские указания на то, что Христос присутствовал в определенных местах в пространстве, и представляют их как доказательство Его опишимости по Его человеческой природе, причем опишимости не только по воплощению, но и после воскресения [40].

Окончательно же этот довод иконоборцев был уничтожен на третьем, «схоластическом», этапе иконоборческих споров, который и пришло время рассмотреть.

Единственным известным богословом-иконоборцем на этом этапе споров был Иоанн Грамматик (кон. VIII в. – ок. 863 г.; патриарх Константинопольский в 837–843). Он считался одним из двух самых ученых византийцев своего времени, но, к несчастью, занимался алхимией и, возможно, магией [41]. Фрагменты его сочинений сохранились в неизданном анонимном иконопочитательском трактате [42]. В этих фрагментах, а также в анонимных иконоборческих цитатах, приводимых прп. Феодором Студитом в Третьем Опровержении [43], содержится главный новый довод иконоборцев в этот период. Икона Христа невозможна потому, что по Своему человечеству Он не мог иметь характера. Наличие характера как совокупности внешних черт личности, или ипостасных идиом, автоматически означает наличие этих идиом. А поскольку Спаситель имел и человеческую природу, иконоборцы предлагали простое уравнение: человеческая природа плюс ипостасные особенности человека Иисуса равно человеческой ипостаси Иисуса, отличной от ипостаси Логоса. Выходит чистое несторианство [44]. В него, по мнению иконоборцев, и впадают иконописцы, так или иначе изображая лик Христов, а значит и Его человеческий характер.

Более того, поскольку Христос не мог иметь человеческого характера, Его живописное изображение, предполагающее наличие тех или иных телесных черт, будет, в отличие от Евхаристии, не истинной иконой Христа, а результатом произвольного выбора художника. Иоанн Грамматик дошел до утверждения невозможности живописного изображения не только Спасителя, но и вообще любого человека и даже любого существа. Он обосновывает это с помощью аристотелевской методологии. Точное определение того или иного существа внутри одного вида существ может быть только словесным. Для этого необходимо отделить его от остальных членов того же вида на основе присущих ему индивидуальных акциденций. Однако для однозначного определения отдельно взятого существа недостаточно лишь изобразимых индивидуальных черт. Необходимы и словесные описания, касающиеся, в случае человека, его происхождения, страны проживания, образа жизни и т. п. Поэтому портрет какого-либо человека не дает уверенности в том, что на портрете воспроизведен именно этот человек [45].

Если, продолжает Иоанн Грамматик, живописное изображение недостаточно даже для того, чтобы охарактеризовать конкретное существо внутри одного вида существ, живопись (включая иконопись) должна быть всецело отвергнута как средство передачи общевидовых особенностей. Общевидовые особенности человеческой природы познаются только умом. Если человек определяется как «существо разумное смертное, обладающее способностью разума и знания», то очевидно, что это определение чисто логическое, выражаемое только словом и понимаемое только умом. Оно не изобразимо ни в какой своей части [46].

В основе довода иконоборцев о невозможности иконы Христа из-за отсутствия у Него человеческого характера лежал определенный взгляд на то, что представляло из себя то человечество, которое Христос воспринял в Своем воплощении. Согласно Иоанну Грамматику, Спаситель воплотился не в конкретного человека, а в «человека вообще» (τὸν καθόλου ἄνθρωπον) [47]. «Человек вообще» не имеет собственной ипостаси, и в то же время не есть все человечество коллективно [48]. Сходную идею можно найти в деяниях Иерийского собора, где говорится, что Христос воспринял от нас «лишь вещество человеческой сущности, по всему совершенное, но не характеризующее собственным лицом» [49]. Однако Иоанн Грамматик должен был считаться с тем, что Христос называл Себя Самого «Сыном человеческим», и у Него были определенные человеческие черты и человеческие особенности. Изучив сохранившиеся источники, В. М. Лурье заключает, что Иоанн Грамматик относит индивидуальные человеческие особенности Иисуса к разряду акцидентальных, т. е. случайных по отношению к Его ипостаси – ипостаси Логоса. Поэтому их изображение не будет изображением воплощенного Логоса. Следовательно, Христа – Логоса во плоти – изобразить нельзя [50].

Главными богословами-иконопочитателями на этом этапе иконоборческих споров были прп. Феодор Студит (759–826), величайший игумен знаменитого Студийского монастыря в Константинополе, и свт. Никифор (758–828), бывший патриархом Константинопольским с 806 по 815 г., т. е. непосредственно перед вторым периодом иконоборчества. Их возражения [51] сводились к тому, что Сын Божий в Своем воплощении должен был воспринять не только «человека вообще», но и человеческий характер. Без ипостасных идиом «человек вообще» есть умственная абстракция, не могущая иметь реального существования. Всеобщее, как учил Аристотель, существует только в индивидуумах, и потому Боговоплощение не может быть истинным, если Христос не воспринял человеческих ипостасных черт.

Дело, конечно, не только в Аристотеле. Прп. Феодор Студит отмечал, что Иисус – имя собственное, а не нарицательное, как, например, «человек». Это значит, что Христос не только как Сын отличается от Отца и Духа внутри Пресвятой Троицы, но и как Иисус отличается от всех прочих людей (например, Петра, Иакова) такими же признаками, какими люди отличаются один от другого, т. е. ипостасными идиомами [52].

Такая аргументация, казалось бы, вновь подводила иконопочитателей под меч обвинения в несторианстве. Иконоборцы были убеждены, что сочетание человеческой природы и человеческих ипостасных особенностей в Иисусе неминуемо дает человеческую ипостась, отличную от ипостаси Логоса. Иконопочитатели категорически не соглашались с этим выводом. Они разделяли интуицию Каппадокийских отцов о том, что ипостась есть нечто большее, чем «сумма» ее «слагаемых». Эта интуиция была развита в конце VI в. свт. Евлогием, бывшим между 580 и 607 гг. халкидонским патриархом Александрийским. В сохранившихся произведениях иконопочитателей IX в. нет ссылок на свт. Евлогия, однако рефераты 11 его трактатов были включены свт. Фотием Великим (ок. 820 – ок. 890) в его «Мириовѳвион». Свт. Фотий был сыном пострадавшего от иконоборцев св. Сергия Исповедника, великого ученого и богослова, и включение им в «Мириовѳвион» целого собрания произведений св. Евлогия косвенно свидетельствует об актуальности этих трактатов для борьбы с иконоборчеством.

Иконопочитатели IX в. разработали и положительное учение об изобразимости Спасителя на иконе, которое может считаться завершением православного ответа на христологическую дилемму [53]. Прп. Феодор Студит подчеркивает, что природа как таковая неизобразима потому, что она всегда существует в конкретной ипостаси, и именно ипостасные черты в дополнение к общевидовому определению или природе выделяют конкретное существо среди других существ того же вида [54]. Согласно св. Феодору, на иконе изображается ипостась прототипа, а на иконе Христовой, соответственно, – ипостась Христа [55]. Согласно халкидонскому догмату, ипостась Христа неслитно и нераздельно соединяет в себе две Его природы, но не тождественна ни одной из этих природ, ни их совокупности. Пишет прп. Феодор: «Нет никакой ипостаси, кроме Христовой, на иконе Его, но сама ипостась Христа, то есть характер, являющий видом Его (внешний) облик, присутствует в иконе и приемлет поклонение» [56].

Присутствие характера означает присутствие самой ипостаси. Характер Спасителя сочетается в себе как божественные, так и (как мы видели выше) человеческие ипостасные идиомы, и он изобразим благодаря последним [57]. Но, воспринятые Логосом, соединенные с Ним, они полностью обожены, и потому икона Христа есть образ Богочеловека, воплощенного Слова [58].

Судя по сохранившимся первоисточникам, в IX в. иконоборцы изменили свою позицию по вопросу о неопишемости Христа Спасителя. На втором этапе споров, как мы видели выше, они утверждали Его неопишемость с самого воплощения. Теперь же иконоборцы стали утверждать неопишемость Спасителя только после Его воскресения [59]. Вот как передает позицию иконо-

борцев IX в. свт. Никифор Константинопольский: «(Наши враги) говорят еще следующее: «Прежде страсти Христовой и воскресения ты описываешь Христа. Но что ты скажешь после воскресения, ведь тогда уже дело не таково? Ведь тело Христово теперь нетленно и унаследовало бессмертие...» [60].

Теперь иконоборцы стоят на гораздо более твердой почве. О неопишемости воскресшего Спасителя говорит канон Недели Фоминой, надписанный именем Иоанна Монаха и ежегодно исполняемый в Православной Церкви: *Во гробѣ заключѣнъ ѡписанною плѣтїю твоєю, / неѡписанный хрѣтѣ воскресъ ѣси: / двѣремъ же заключѣннымъ, // предсталъ ѣси твоимъ ѡученикомъ всесильне* [61].

Но если воскресший Господь и неопишем, следует ли из этого, что Он неизобразим? Иконоборцы были уверены, что да. Но согласно свт. Никифору, сам вопрос об опишемости является надуманным, поскольку написание иконы или картины не включает в себя описание как ограничение в пространстве. Сопоставляя слова *γραφτόν* («написанное», «изображенное») и *περιγραφτόν* («описанное», «ограниченное»), патриарх указывает, что, хотя это и синонимы, но все же они имеют разное значение. *Περιγραφτόν* означает нечто, ограниченное контурами в пространстве или во времени, но не обязательно изображенное красками. Опишемость сама по себе еще не подразумевает изобразимости. Так, ангелы опишемы, поскольку имеют начало и не вездесущи, но они неизобразимы как они есть, ибо видимой формы не имеют [62]. Но и неопишемость не означает еще неизобразимости. Христос, хотя и неопишем по Божеству Своему, тем не менее изобразим, ибо воспринял человеческую природу, пусть и обожженную, и преображенную преславным Воскресением. «Картина, – писал он, – не ограничивает человека в пространстве, хотя он может быть ограничен; так же и ограничивание не изображает его, хотя его можно изобразить». Поэтому написание иконы Христа означает не ограничение Его, поскольку Он телесно присутствует, а изображение [63].

Иконопочитатели также прямо опровергали иконоборческий тезис о неопишемости воскресшего тела Спасителя. Все, что имеет определенный внешний вид, форму, – писал прп. Феодор Студит, – должно быть опишемо [64]. Христос и по воскресении Своем имел внешний вид. Следовательно, Он опишем и после Воскресения, и, уж конечно, до него, поэтому довод иконоборцев VIII в. о неопишемости Христа с момента воплощения отпадает. А свт. Никифор писал об опишемости и неопишемости Спасителя в принципе: «Как мы не называем Его ни только Богом, ни только человеком, потому что Он есть и то, и другое, так не можем называть Его ни только неопишемым ради Логоса, ибо Он не Логос только, – ни только опишемым ради Его человечества, ибо Он не человек только. Но точно и собственно о Нем должно говорить и то, и другое. Так как Он один и тот же есть вместе и Бог и человек, то один и тот же Он в одно и то же время и опишем и неопишем» [65].

Преподобный же Феодор, отталкиваясь от учения об «общении свойств» (*communicatio idiomatum* или *περιχώρησις τῶν ἰδιωμάτων*) Божественной и человеческой природ во Христе, подразумеваемого вероопределением IV Вселенского Собора [66] и развитого V Вселенским Собором, пишет: «Можно, однако, сказать, что божество опишемо... поскольку оно пребывает под сению плоти и соединено с нею» [67]. Поскольку человеческая природа (плоть) по природе своей опишима, в силу общения свойств это качество человеческой природы может быть перенесено и на Божественную природу Спасителя.

Но как быть со временем после Воскресения? Ведь Воскресший Христос проходил сквозь запертые двери, появлялся в двух далеко отстоящих друг от друга местах за короткий промежуток времени [68]. Для иконоборцев это служило верным доказательством неопишемости Его тела, а значит и Его самого. Да это утверждает и вышецитированный канон Фоминой Недели.

Этот канон, однако, отражает богословские мнения доиконоборческой эпохи. В. М. Лурье обнаружил в нем даже «монофелитскую» фразеологию: *Во страхомъ рѣкъ думѣ въ рѣбра твоѣ живонисналъ, хрѣтѣ, вложивъ, / трѣпетенъ ѡцѣти дѣйство* [69] *спсе, сѣзъвоє, / двоѡ ѣстество въ тебѣ соединѣмъ несѣлѣннѡ*: [70].

Во второй половине тропаря речь идет о «двойной» («сугубой») энергии двух природ, что очень походит на выражение «богочеловеческая энергия» (*θεανδρική ενέργεια*) из Ареопагитик. Через двести лет после появления Дионисьева корпуса VI Вселенский Собор утвердил учение о двух природных энергиях во Христе, и таким образом это выражение было признано неадекватным. В. М. Лурье справедливо датирует канон временем до монофелитских споров VII в., так как в этих спорах он не фигурировал (в противном случае слова о «сугубом действе» были бы исправлены Церковью после VI Собора), а после споров имел бы совсем иной вид [71].

Подобным же образом и доиконоборческое выражение первого из приведенных тропарей этого канона о неопишемости Христа после Воскресения в свете Деяний VII Вселенского Собора

может, по-моему, быть признано не соответствующим реальности. По святоотеческому пониманию, «тело воскресения» субстанционально тождественно телу земному. Человеческая плоть в воскресении одухотворяется, преображается, преображаются и ее свойства, но она остается плотью. В противном случае, как отмечает, например, сщмч. Ириней Лионский (ок. 130 – ок. 202 гг.), будет навсегда потеряна плоть как «творение рук Божиих», которое «добро зело» [72]. А природное свойство плоти, как мы видели выше, есть описуемость. И Христос, как до Своего Воскресения имел определенный образ, так и после Воскресения, даже если этот образ был «иным» [73]. Поэтому и по Воскресении Своем Он изобразим.

Иконопочитатели также указывали на тот факт, что до Своих крестных страданий Христос однажды явился Своим ученикам в не меньшей, а в большей славе, чем между Воскресением и Вознесением, и все равно был описуем и изобразим. Речь идет, конечно, о Преображении Господнем, которое с полным основанием может быть названо «описуемым явлением неопишуемой... Божественной природы» [74]. Преображение доказывает, что «Безвидный обрел вид, Чуждый очертаний принял форму, Безмерный заключил Себя в меру» [75].

Иконопочитатели находили новые способы объяснения своей веры, а также новые аргументы против иконоборческих позиций, сохранявших для противников икон свою силу. В частности, учение о единосущном образе теперь дополнительно опровергалось с помощью учения Аристотеля о категориях: образ Христа на иконе является деревом и красками по своей сущности, но Христом по совпадению имени и по категории отношения [76]. Получается, что, хотя икона и не единосущна своему прототипу, она тем не менее есть истинный его образ.

Рассматривая первый этап иконоборческих споров, мы встречались с проблемой изобразимости ангелов, состоящей в том, что они не имеют внешнего вида, а значит и характера. Как мы видели, эту проблему в принципе разрешил еще прп. Иоанн Дамаскин с помощью понятия имени. На последнем же этапе споров свт. Никифор посвятил ей специальный трактат «О херувимах» [77]. В нем патриарх пишет, что образы ангелов тождественны своим прототипам не по сущности (как св. Евхаристия) и не по ипостаси (как иконы Христа и святых, которые имеют характер), а только по энергии. У тех образов херувимов, которые Моисей по повелению Божьему воздвиг в скинии [78], были энергии настоящих херувимов, т. е. через них действовали сами херувимы. Так же и ангелы действуют через иконы ангелов, хотя любое изображение их условно, ибо ипостась ангела неизобразима на иконе.

Наконец, на этом последнем этапе споров иконопочитатели развили учение об отношении образа к прототипу. Как было показано выше, прп. Иоанн Дамаскин заложил основу теории икон, проведя различие между образом и его прототипом и показав, что почитание икон является правильной формой поклонения Богу и почитания святых. А прп. Феодор Студит решил вопрос о том, как можно почитать прототип иконы через почитание его образа. Икона, писал он, есть подражательный образ, в отличие от образа естественного, примером которого служит Христос – Сын Божий как естественный образ Отца [79]. Икона подражает подобию прототипа таким образом, что икона и ее прототип имеют общее подобие и называются одним и тем же именем. Поскольку икона и прототип имеют одно и то же подобие, в иконе почитается именно подобие прототипа. Следовательно, при почитании икон это почитание адресовано не материальной стороне образа (краскам и дереву), а подобию прототипа, запечатленному в иконописном образе [80].

Патриарх же Никифор отмечает различие между деталями церковного убранства, включающими в себя светские изображения (животных, например), и иконами: в храме все свято, но иконы, в отличие от светских изображений, святы еще и своим отношением к прототипам и потому, в противоположность изображениям светским, достойны поклонения и вне храма [81].

Иконоборчество стало катастрофой для византийской Церкви. В плане искусства «в этот период было уничтожено все, что могло быть уничтожено, чем и объясняется то, что мы теперь имеем так мало икон предыдущей эпохи... Множество православных было казнено, подвергнуто пыткам и заключено в тюрьмы с конфискацией имущества. Другие были сосланы в далекие провинции» [82]. Однако «несмотря на все преследования, на все жестокости, несмотря на иконоборческие императорские указы за подписью Патриарха, несмотря на количество епископов-иконоборцев, которых... оказалось 338 на соборе 754 г., несмотря на анафематствование ими всех, кто почитает иконы, пишет их или держит у себя, верующий народ никогда не отказывался от их почитания» [83].

И катастрофа для Церкви сменилась торжеством. В огне борьбы было создано богословие иконы. Были найдены «богоприличные слова», выражающие веру Церкви в то, что икона Христа есть образ Бога во плоти, что иконы Христа, Богородицы и святых святы, т. е. исполнены божества. Было установлено различие между почитанием икон и поклонением Богу. Было уяснено само понятие образа и его отношение к прототипу и выявлено, благодаря прп. Феодору Студиту, что на иконе изображается, через ее характер, ипостась прототипа.

И по восстановлении иконопочитания в 843 г. на этом богословском фундаменте возникает новое искусство. «Осознание... богословского обоснования иконы, – пишет Л. А. Успенский, – привело к очищению и уточнению языка церковного искусства» [84]. В частности, в послеиконоборческих иконах внимание сосредоточивается на лице, выражающем обоженную личность прототипа. Оформляется *канон* иконы, которая в храмах сознательно делается частью «гармонического целого архитектуры, поэзии, живописи, пения, направленных совместно к единой цели: выражению сущности Православия» [85].

Осознание святости икон как исполненных благодати образов обоженных прототипов привело к новому пониманию сути иконописания. «Божественное некое дело есть иконописание», – говорит св. Феодор Студит [86]. После иконоборчества подготовка иконописца к своему труду постом и молитвой становится чем-то само собой разумеющимся.

Как справедливо отмечает крупнейший западный историк христианства XX в. Ярослав Пеликан, «византийское богословие (периода иконоборчества) превратило искусство и эстетику в нечто такое, чем они не были прежде» [87].

Но, увы, икона в полном смысле слова осталась достоянием лишь православного востока. Христианский запад, хотя в лице Рима и выступал против иконоборчества, канонически и морально поддерживая иконопочитателей в их борьбе, хотя и в конце концов признал VII Вселенский Собор, но по существу так и не принял византийское учение об иконе в целом [88]. Запад «никогда не следовал за Востоком в богословской аргументации и не ощутил всех последствий византийского богословия об иконах и всего того, что было с ним связано» [89]. Хотя отдельные западные христиане признают важность православной иконы, хотя сегодня римокатолики и англикане иногда помещают православные иконы в своих храмах, Запад не знает *иконы*. Западные религиозные изображения служат либо иллюстрациями, «книгами для малограмотных», либо – в католицизме – посредниками в римокатолической практике мистического созерцания и медитации. Но иконы в западном христианстве нет, и нет потому, что не принимается стоящее за иконой богословие, и прежде всего православное учение об обожении и о Божественной благодати. Для принятия богословия иконы необходимо не только и не столько согласие ума, сколько *единство в опыте веры*, недостижимое без воссоединения с Православной церковью.

Примечания

1. См., например: *Преп. Иоанн Дамаскин*. Третье слово, IX // *Преп. Иоанн Дамаскин*. Три защитительных слова против порицающих святые иконы или изображения. *Преп. Феодор Студит*. Послание Платону о почитании икон. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 95.
2. Patriarch Nicephorus. "Greater Apology for the Holy Images" 65 // *Pelikan J. The Christian Tradition*. Vol. 2: The Spirit of Eastern Christendom (600–1700). Chicago-London, 1974. P. 94–95.
3. Patriarch Nicephorus. "Greater Apology for the Holy Images" 26, 27 // Там же. P. 133.
4. *Florovsky G. "Holy Icons" // Florovsky G. Collected Works*. Vol. 3: Creation and Redemption. Belmont, MA, 1976. P. 210.
5. См. *преп. Иоанн Дамаскин*. Третье слово, XXVI // Там же. С. 106–107.
6. *Преп. Иоанн Дамаскин*. Первое слово, XXI // Там же. С. 17.
7. См. там же. С. 18.
8. *Каллист (Уэр), митроп.* Православная Церковь. М., 2001. С. 281.
9. Великих – поименно.
10. О происхождении Трисвятой песни см., например: *Преп. Иоанн Дамаскин*. Точное изложение православной веры, III, 20. М., 2003. С. 165–166. Согласно популярному толкованию, литургия есть духовное восхождение к Богу и его Царству. Она начинается с торжественного благословения Царства Божьего как конечного пункта этого восхождения: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков». Затем начинается само восхождение, важной ступенью которого является пение Трисвятой песни, а кульминацией – анафора, т. е. часть литургии, во время которой совершается предложение даров хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. См., напр.: *Шмеман А., прот.* Литургия и жизнь: христианское образование через литургический опыт. М., 2003. С. 58, 62–63, 73–82, 101–102.
11. *Florovsky G.* Указ. соч. С. 212.
12. *Каллист (Уэр), митроп.* Указ. соч. Там же.
13. *Pelikan J.* Указ. соч. С. 127.
14. Там же; *Barnard L.* "Theology of Images" / Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies (March 1975). Birmingham, 1975. P. 13.
15. Константин V в изложении патриарха Никифора ("First Refutation" 42 // "Anthology of Texts in Translation" в: "Iconoclasm..." P. 183).
16. Константин V в изложении патриарха Никифора (Опровержение первое, 42, цит. в: *Pelikan J.* Указ. соч. С. 115).
17. Деяния Вселенских соборов. Т. 7. С. 230.
18. «Иконоборчество» // *Православная Энциклопедия*. Т. 22. С. 39.

19. Там же.
20. Деяния Вселенских Соборов: в 4 т. СПб., 1996^р. Т. 4. С. 512–586.
21. Там же. С. 529, 535.
22. Там же. С. 529.
23. Имеется в виду живого, ибо портрет мертвого человека изображает его в свойственном смерти состоянии отделенности души от тела. Однако аналогия со Христом не проходит: как мы видели при рассмотрении первого этапа иконоборческих споров, иконопочитатели настаивали, что и мертвое тело Христа не отделено от Божества.
24. См. Деяния Вселенских Соборов. Т. 4. С. 529.
25. См. Деяния Вселенских Соборов. Т. 7. С. 231–232.
26. Деяния Вселенских Соборов. Т. 7. С. 232–233.
27. См. Лурье В. М., Баранов В. А. Иконоборчество и иконопочитание. Византийское богословие в VIII–IX веках // Лурье В. М. (при участии В. А. Баранова). История византийской философии: формативный период. СПб., 2006. С. 463.
28. *Свт. Никифор Константинопольский*. Опровержение второе, 3 // Творения святых отцов в русском переводе, т. 67: Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского. Ч. 2. Сергиев Посад, 1907. С. 104; Лурье В. М., Баранов В. А. Указ. соч. С. 464.
29. Лурье В. М., Баранов В. А. Там же. С. 464–465; предание об Убресе изложено в предыдущей статье.
30. Деяния Вселенских соборов. Т. 7. С. 234.
31. Деяния Вселенских Соборов. Т. 7. С. 238–239.
32. Там же. С. 238.
33. Из Беседы 19 (На день святых сорока мучеников).
34. Деяния Вселенских Соборов. Т. 7. С. 239–240.
35. Там же. С. 240.
36. Там же.
37. Деяния Вселенских Соборов. Т. 7. С. 267.
38. Дворкин А. Л. Очерки по истории вселенской Православной Церкви. Н. Новгород, 2005². С. 535.
39. Деяния Вселенских Соборов. Т. 7. Там же.
40. Лурье В. М., Баранов В. А. Указ. соч. С. 420.
41. *Gouillard J.* Fragments inédits d'un antirrhétique de Jean le Grammairien // *Revue des études byzantines*. Paris, 1966. Vol. 24. P. 171–181.
42. Опровержение третье, I, 15 (PG 99, 395CD).
43. Лурье В. М., Баранов В. А. Указ. соч. С. 471–2. На IV Вселенском Соборе в Халкидоне (451 г.) было определено, что во Христе одна ипостась. А V Вселенский Собор (553 г.) недвусмысленно подтвердил учение свт. Кирилла Александрийского († 444 г.), что ипостась Христа есть ипостась Логоса, Второго Лица Пресвятой Троицы.
44. Баранов В. А. Иконоборчество // *Православная Энциклопедия*. Т. 22. С. 40.
45. Там же. С. 40–41; Лурье В. М., Баранов В. А. Указ. соч. С. 473.
46. Иоанн Грамматик в изложении прп. Феодора Студита – Опровержение третье, I, 15 (PG 99, 395CD).
47. Лурье В. М., Баранов В. А. Указ. соч. С. 472–473.
48. Цит. в: Баранов В. А. Иконоборчество // *Православная Энциклопедия*. Т. 22. С. 40.
49. Лурье В. М., Баранов В. А. Указ. соч. С. 474–475.
50. Они изложены по: Лурье В. М., Баранов В. А. Указ. соч. С. 473, 485–486.
51. Опровержение третье, I, 15 (PG 99, 397C–400A).
52. См. выше обсуждение второго этапа иконоборческих споров.
53. *Прп. Феодор Студит*. Опровержение третье (PG 99, 405AC, 397D).
54. *Прп. Феодор Студит*. Опровержение третье. Гл. XXXIV (PG 99, 405B); Послание 528 // *Преп. Феодор Студит*. Творения: в 3 т. Т. 3. М., 2012. С. 628.
55. *Прп. Феодор Студит*. Послание 528. Там же.
56. Лурье В. М., Баранов В. А. Указ. соч. С. 484.
57. *Meyendorff J.* Byzantine Theology. Historical Trends and Doctrinal Themes. Crestwood; N.Y., 1973. P. 90.
58. Лурье В. М., Баранов В. А. Указ. соч. С. 452–454.
59. Опровержение третье, 38 (PG 100, 437B).
60. Песнь 3, тропарь 2. См., например: Триодь Цветная. М., 2003. Лист л7и об. На этот канон как на подкрепляющий исходный тезис иконоборцев обратил внимание В. М. Лурье (указ. соч. С. 468–471).
61. *Свт. Никифор Константинопольский*. Опровержение второе, 11–12 // Творения святых отцов в русском переводе, т. 67: Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского. Ч. 2. Сергиев Посад, 1907. С. 117–119.
62. *Свт. Никифор Константинопольский*. Опровержение второе, 13, 19 (PG 100, 360A, 369C).
63. *Прп. Феодор Студит*. Опровержение третье, I, 1 (PG 99, 390C).
64. *Свт. Никифор Константинопольский*. Опровержение первое, 20 // Творения святых отцов в русском переводе, т. 67: Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского. Ч. 2. Сергиев Посад, 1907. С. 24.
65. *Meyendorff J.* Christ in Eastern Christian Thought. Crestwood; N.Y., 1975. P. 27.
66. *Прп. Феодор Студит*. Опровержение первое, 12 (PG 99, 344B).

67. См. Лк 24. 13–34.
68. Т. е. энергию (в греческом оригинале *ἐνεργείας*).
69. Песнь 7, тропарь 4. См. Триодь Цветная. М., 2003. Л. м7 об. – м7а (ошибка в последней строке исправлена по греческому оригиналу: см., например, *Πεντηκοστήριον*. Αθήναι, ἄ.ἔ. Σ. 33).
70. Лурье В. М., Баранов В. А. Указ. соч. С. 470–1.
71. *Свт. Иринея Лионский*. Пять книг против ересей. М., 1868. Кн. V. Гл. xii, 4 – xiv, 2. С. 607–616; *Kesich V. The First Day of the New Creation: The Resurrection and the Christian Faith*. Crestwood; N.Y., 1982. P. 147, 134–135.
72. Мк 16. 12. Существует толкование этого места, исходящее из его контекста, согласно которому выражение *ἐν ἑτέροις μορφαῖς* относится к разным образам появления и исчезновения воскресшего Спасителя (*Kesich V. Указ. соч. С. 107*).
73. *Pelican J. Imago Dei: The Byzantine Apologia for Icons*. Princeton; N. J., 1990. P. 95.
74. *Прп. Феодор Студит*. Опровержение третье, I, 53 (PG 99, 413C).
75. *Прп. Феодор Студит*. Опровержение первое, X–XI, XIV (PG 99, 341AB, 345A); Опровержение второе, XIV (PG 99, 360D); Опровержение третье, III–V (PG 99, 429BC); *свт. Никифор Константинопольский*. Опровержение первое, 28, 45 // Там же. С. 54–55, 85–86.
76. Ввиду недоступности этого трактата, лишь недавно изданного в оригинале (в числе семи других трактатов в: *Declerck J. Les sept opuscles Sur la fabrication des images attribués à Nicéphore de Constantinople // Philomathestatos: Studies in Greek and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth Birthday / ed. by V. Janssens, B. Roosen, P. Van Deun (Louvain, 2004) (Orientalia Lovaniensia Analecta 137)*. P. 105–164), основные его мысли излагаются по: Лурье В. М., Баранов В. А. Указ. соч. С. 478.
77. См. Исх 25.
78. *Прп. Феодор Студит*. Послание Платону о почитании икон // *Преп. Иоанн Дамаскин*. Три защитительных слова против порицающих святые иконы или изображения. *Преп. Феодор Студит*. Послание Платону о почитании икон. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993^р. С. 2–3.
79. *Прп. Феодор Студит*. Опровержение третье. IV: 1, 6–7, 11 // *Преп. Феодор Студит*. Творения: в 3 т. Т. 2. М., 2011. С. 318, 320–321, 322.
80. *Свт. Никифор Константинопольский*. Опровержение третье, 45 // Там же. С. 202–204.
81. *Успенский Л. А.* Богословие иконы Православной Церкви. Коломна, 2008. С. 164.
82. Там же. С. 164–165.
83. Там же. С. 244.
84. Там же.
85. *Прп. Феодор Студит*. Опровержение третье, II, 5 (PG 99, 420A).
86. *Pelican J. Imago Dei: The Byzantine Apologia for Icons*. P. 74.
87. Священные изображения в нехалкидонских Церквах также качественно отличны от православных икон, но их анализ выходит за рамки данной статьи.
88. *Florovsky G. Origen, Eusebius and the Iconoclastic Controversy // Church History*. № 19. 1950. P. 80.
89. «Иконоборчество» // *Православная Энциклопедия*. Т. 22. С. 43.

Notes

1. See, for example: *Prep. John Damascene. Tret'e slovo, IX [The third word, IX] // Prep. John Damascene. Tri zashchitel'nyh slova protiv poricayushchih svyatyte ikony ili izobrazheniya [Three defensive words against the revilers of Holy icons or images]. Prep. Theodore Studite. Poslanie Platonu o pochitanii ikon [The message of Plato about the veneration of icons]. Sergiev Posad. Holy Trinity St. Sergius Lavra. 1993. P. 95.*
2. *Patriarch Nicephorus. "Greater Apology for the Holy Images" 65 // J. Pelikan The Christian Tradition. Vol. 2: The Spirit of Eastern Christendom (600–1700). Chicago-London. 1974. P. 94–95.*
3. *Patriarch Nicephorus. "Greater Apology for the Holy Images" 26, 27 // Ibid. P. 133.*
4. *G. Florovsky "Holy Icons" // G. Florovsky Collected Works. Vol. 3: Creation and Redemption. Belmont, MA, 1976. P. 210.*
5. See: *Prep. John Damascene. Tret'e slovo, XXVI [The third word, XXVI] // Ibid. Pp. 106–107.*
6. *Prep. John Damascene. Pervoe slovo, XXI [The first word, XXI] // Ibid. P. 17.*
7. See: *Ibid. P. 18.*
8. *Kallistos (ware), metrop. Pravoslavnaya Cerkov' [Orthodox Church]. M. 2001. P. 281.*
9. The great ones – by name.
10. On the origin of the Thrice-Holy songs, see, for example: *Ven. John Damascene. Tochnoe izlozhenie pravoslavnoj very, III, 20 [Exact exposition of the Orthodox faith, III, 20]. M. 2003. Pp. 165–166.* According to popular interpretation, the Liturgy is the spiritual ascent to God and his Kingdom. It begins with the solemn blessing of the Kingdom of God as the final destination of this ascent: "Blessed is the Kingdom of the Father and of the Son and of the Holy spirit, now and ever and unto the ages of ages". Then begins the ascent itself, an important stage of which is the singing of the Thrice-Holy song, and the culmination is the anaphora, i.e. part of the Liturgy, during which the transubstantiation of the gifts of bread and wine into the Body and Blood of Christ takes place]. See, eg.: *A. Schmemmann, archpriest. Liturgiya i zhizn': hristianskoe obrazovanie cherez liturgicheskij opyt [Liturgy and life: Christian development through liturgical experience]. M. 2003. Pp. 58, 62–63, 73–82, 101–102.*
11. *Florovsky G. Op.cit. P. 212.*
12. *Kallistos (ware), mitrop. Op. cit. Ibid.*
13. *Pelikan J. Op. cit. P. 127.*

14. Ibid; Barnard L. "Theology of Images" / Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies (March 1975). Birmingham. 1975. P. 13.
15. Constantine V in the statement of the Patriarch Nikephoros ("First Refutation" 42 // "Anthology of Texts in Translation" in: "... Iconoclasm". P. 183).
16. Constantine V in the statement of Patriarch Nicephorus (First Rebuttal, 42, cit. in: Pelikan J. the Op. cit. P. 115).
17. Deyaniya Vselenskih soborov – The acts of the Ecumenical councils. Vol. 7. P. 230.
18. «Ikonoborchestvo» – "Iconoclasm" // Pravoslavnaya EHnciklopediya – The Orthodox Encyclopedia. Vol. 22. P. 39.
19. Ibid.
20. Deyaniya Vselenskih Soborov – The acts of the Ecumenical Councils: in 4 vol., 1996. Vol. 4. Pp. 512–586.
21. Ibid. P. 529, 535.
22. Ibid. P. 529.
23. This refers to the living, as portrait for the dead man shows his peculiar death in the state of separation of the soul from the body. However, there is no analogy with Christ: as we saw in considering the first phase of the iconoclastic disputes, the iconodules insisted that the dead body of Christ is not separated from the Godhead.
24. See: Deyaniya Vselenskih Soborov – The Acts Of The Ecumenical Councils. Vol. 4. P. 529.
25. See: Deyaniya Vselenskih Soborov – The Acts Of The Ecumenical Councils. Vol. 7. Pp. 231–232.
26. Deyaniya Vselenskih Soborov – The Acts Of The Ecumenical Councils. Vol. 7. Pp. 232–233.
27. See: Lurie M. V., Baranov A. V. Ikonoborchestvo i ikonopochitanie. Vizantijskoe bogoslovie v VIII–IX vekah [Iconoclasm and the veneration of icon. Byzantine theology in the VIII–IX centuries] // M. V. Lurie (in collaboration with V. A. Baranov). Istoriya vizantijskoj filosofii: formativnyj period [The history of Byzantine philosophy: the formative period]. SPb. 2006. P. 463.
28. St. Nicephorus Of Constantinople. Oproverzhenie vtoroe, 3 [The second refutation, 3] // Tvoreniya svyatyh otcov v russskom perevode, t. 67: Tvoreniya svyatogo otca nashego Nikifora, arhiepiskopa Konstantinopol'skogo – Works of the Holy fathers in Russian translation, vol. 67: Creations of our Holy father Nicephorus, Archbishop of Constantinople. Part 2. Sergiev Posad. 1907. P. 104; Lurie V. M., Baranov V. A. Op. cit. P. 464.
29. Lurie M. V., Baranov V. A. Ibid. Pp. 464–465; the legend about Ubrus is set forth in the preceding article.
30. Deyaniya Vselenskih Soborov – The acts of the Ecumenical councils. Vol. 7. P. 234.
31. Deyaniya Vselenskih Soborov – The Acts Of The Ecumenical Councils. Vol. 7. Pp. 238–239.
32. Ibid. P. 238.
33. From the Conversation 19 (On the day of forty martyrs).
34. Deyaniya Vselenskih Soborov – The Acts Of The Ecumenical Councils. Vol. 7. Pp. 239–240.
35. Ibid. P. 240.
36. Ibid.
37. Deyaniya Vselenskih Soborov – The Acts Of The Ecumenical Councils. Vol. 7. P. 267.
38. Dvorkin A. L. Ocherki po istorii vselenskoj Pravoslavnoj Cerkvi [Essays on the history of the universal Orthodox Church]. N. Novgorod. 2005. P. 535.
39. Deyaniya Vselenskih Soborov – The Acts Of The Ecumenical Councils. Vol. 7. Ibid.
40. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. P. 420.
41. J. Gouillard Fragments inédits d'un antirrhétique de Jean le Grammaire // Revue des études byzantines. Paris, 1966. Vol. 24. P. 171–181.
42. Oproverzhenie tret'e, I, 15 – The third refutation, I, 15 (PG 99, 395CD).
43. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. P. 471–2. At the IV Ecumenical Council in Chalcedon (451) it was defined that Christ is one hypostasis. And V Ecumenical Council (553) clearly reaffirmed the doctrine of St. Cyril of Alexandria († 444), that the hypostasis of Christ is the hypostasis of the Logos, the Second Person of the Blessed Trinity.
44. Baranov V. A. Ikonoborchestvo [Iconoclasm] // Pravoslavnaya EHnciklopediya – The Orthodox Encyclopedia. Vol. 22. P. 40.
45. Ibid. Pp. 40–41; Lurie V. M., Baranov V. A. Op. cit. P. 473.
46. Ioann Grammatik v izlozhenii prp. Feodora Studita – Oproverzhenie tret'e, I, 15 – John the Grammar in the statement of the ven. Theodore the Studite – Refutation Third, I, 15 (PG 99, 395CD).
47. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. Pp. 472–473.
48. Cit. in: Baranov V. A. Ikonoborchestvo [Iconoclasm] // Pravoslavnaya EHnciklopediya – Orthodox encyclopedia. Vol. 22. P. 40.
49. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. Pp. 474–475.
50. They are presented here: Lurie V. M., Baranov V. A. Op. cit. Pp. 473, 485–486.
51. Oproverzhenie tret'e, I, 15 – The third refutation, I, 15 (PG 99, 397C–400A).
52. See the above discussion of the second stage of the Iconoclast controversy.
53. Ven. Theodore The Studite. Oproverzhenie tret'e [The third refutation] (PG 99, 405AC, 397D).
54. Ven. Theodore The Studite. Oproverzhenie tret'e [The third refutation]. Ch. XXXIV (PG 99, 405B); Poslanie 528 [Message 528] // Ven. Theodore The Studite. Tvoreniya [Creations]: in 3 vol. Vol. 3. M. 2012. P. 628.
55. Ven. Theodore The Studite. Poslanie 528 [Message 528]. Ibid.
56. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. P. 484.
57. Meyendorff J. Byzantine Theology. Historical Trends and Doctrinal Themes. Crestwood; N. Y. 1973. P. 90.

58. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. Pp. 452–454.
59. Oproverzhenie tret'e, 38 – The third refutation, 38 (PG 100, 437B).
60. Ode 3, troparion 2. See, for example: Triod' Cvetnaya – pentecostarion. M. 2003. Sheet 7 and turn. On this Canon as on supporting the original thesis of the iconoclasts V. M. Lurie drew his attention (Op. cit. Pp. 468–471).
61. St. Nicephorus Of Constantinople. Oproverzhenie vtroe, 11–12 [The second refutation, 11–12] // Tvoreniya svyatyh otcov v russkom perevode, t. 67: Tvoreniya svyatogo otca nashego Nikifora, arhiiepiskopa Konstantinopol'skogo – Works of the Holy fathers in Russian translation, vol. 67: Creation of our Holy father Nicephorus, Archbishop of Constantinople. Part 2. Sergiev Posad. 1907. Pp. 117–119.
62. St. Nicephorus Of Constantinople. Oproverzhenie vtroe, 13, 19 [The second refutation, 13, 19] (PG 100, 360A, 369C).
63. Ven. Theodore The Studite. [The third refutation, I, 1] (PG 99, 390C).
64. St. Nicephorus Of Constantinople. Oproverzhenie tret'e, I, 1 [The first refutation, 20] // Tvoreniya svyatyh otcov v russkom perevode, t. 67: Tvoreniya svyatogo otca nashego Nikifora, arhiiepiskopa Konstantinopol'skogo – Works of the Holy fathers in Russian translation, vol. 67: Creation of our Holy father Nicephorus, Archbishop of Constantinople. Part 2. Sergiev Posad. 1907. P. 24.
65. Meyendorff, J. Christ in Eastern Christian Thought. Crestwood; N. Y. 1975. P. 27.
66. Ven. Theodore The Studite. Oproverzhenie pervoe, 12 [Refutation first, 12] (PG 99, 344B).
67. See LK 24. 13–34.
68. I.e. energy (in the original Greek ἐνεργείας).
69. Ode 7, troparion 4. See: Triod' Cvetnaya – The Pentecostarion. M. 2003. Sh. M7 turn. – м7а (error in the last line is corrected to the Greek original: see, for example, Πεντηκοστάριον. Ἀθήναι, ἄ.ξ. Σ. 33).
70. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. P. 470–1.
71. St. Irenaeus of Lyons. Pyat' knig protiv eresej [Five books against heresies]. M. 1868. Book V. Ch. xii, 4 – xiv, 2. Pp. 607–616; V. Kesich, The First Day of the New Creation: The Resurrection and the Christian Faith. Crestwod; N. Y. 1982. Pp. 147, 134–135.
72. Mk 16. 12. There is an interpretation of the place emanating from its context, according to which the expression ἐν μορφῇ ἐτέρα applies to different images of appearance and disappearance of the risen Savior (V. Kesich Op. cit. P. 107).
73. Pelican J. Imago Dei: The Byzantine Apologia for Icons. Princeton; N. Y. 1990. P. 95.
74. Ven. Theodore The Studite. Oproverzhenie tret'e, I, 53 [The third refutation, I, 53] (PG 99, 413C).
75. Ven. Theodore The Studite. Oproverzhenie pervoe, X–XI, XIV [The first refutation, X–XI, XIV] (PG 99, 341AB, 345A); Oproverzhenie vtroe, XIV [The second refutation, XIV] (PG 99, 360D); Oproverzhenie tret'e, III–V [The third refutation III–V] (PG 99, 429BC); St. Nicephorus of Constantinople. Oproverzhenie pervoe, 28, 45 [The first refutation, 28, 4] // Ibid. Pp. 54–55, 85–86.
76. Due to the unavailability of this treatise, published only recently in the original (in addition to seven other treatises in: Declerck J. Les sept opuscules Sur la fabrication des images attribués à Nicéphore de Constantinople // Philomathestatos: Studies in Greek and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth Birthday / ed. by B. Janssens, B. Roosen, P. Van Deun (Louvain, 2004) (Orientalia Lovaniensia Analecta 137). P. 105–164), its main thoughts are set out in: Lurie V. M., Baranov V. A. Op. cit. P. 478.
77. See Exodus 25.
78. Ven. Theodore The Studite. Poslanie Platonu o pochitanii ikon [The message to Plato about the veneration of icons] // Ven. John Damascene. Tri zashchitel'nyh slova protiv poricayushchih svyatyie ikony ili izobrazheniya [Three defensive words against the revilers of Holy icons or images]. Ven. Theodore The Studite. Poslanie Platonu o pochitanii ikon [The message to Plato about the veneration of icons]. Sergiev Posad. Holy Trinity St. Sergius Lavra. 1993. Pp. 2–3.
79. Ven. Theodore The Studite. Oproverzhenie tret'e. IV: 1, 6–7, 11 [The third refutation. IV: 1, 6–7, 11] // Ven. Theodore The Studite. Tvoreniya [Creations]: in 3 vol. Vol. 2. M. 2011. Pp. 318, 320–321, 322.
80. St. Nicephorus of Constantinople. Oproverzhenie tret'e, 45 [The third refutation, 45] // Ibid. Pp. 202–204.
81. L. A. Uspensky Bogoslovie ikony Pravoslavnoj Cerkvi [Theology of icons of the Orthodox Church]. Kolomna. 2008. P. 164.
82. Ibid. Pp. 164–165.
83. Ibid. P. 244.
84. Ibid.
85. Ven. Theodore The Studite. Oproverzhenie tret'e, II, 5 [The third refutation, II, 5] (PG 99, 420A).
86. Pelican J. Imago Dei: The Byzantine Apologia for Icons. P. 74.
87. Sacred images in non-Chalcedon Churches are also qualitatively different from the Orthodox icons, but their analysis is beyond the scope of this article.
88. Florovsky G. Origen, Eusebius and the Iconoclastic Controversy // Church History. № 19. 1950. P. 80.
89. «Ikonoborchestvo» – "Iconoclasm" // Pravoslavnaya EHnciklopediya – The Orthodox Encyclopedia. Vol. 22. P. 43.

Культурно-историческая периодизация эпохи поздней бронзы Тоболо-Иртышья

В работе представлены результаты исследования археологических комплексов эпохи поздней бронзы Тоболо-Иртышья. Андроновское население взаимодействует с алакульским, коптыковским, ташковским населением, что породило андронидные древности Тоболо-Иртышья. На основании комплексного исследования прослежено сосуществование носителей двух андронидных традиций в границах рассматриваемого региона – пахомовская и сузгунская археологические культуры. В рамках пахомовской культуры выделены два этапа: ранний (новошадринский) и поздний (оськинский). Сузгунская культура в своем развитии проходит три хронологических этапа: ранний (святоборский), развитый и поздний. На финальном этапе бронзового века на территории лесостепного Притоболья пахомовскую культуру сменяет бархатовская. На стыке бархатовского и сузгунского ареала появляются смешанные комплексы, укрепленные городища и специализированные святилища. В статье представлена краткая культурная и хронологическая характеристика выделяемых этапов.

The results of the study of archaeological complexes of the Late Bronze Age Tobol-Irtysh basin. Andron population interacts with Alakul, Koptyaki, Tashkovo population that gave rise to the Andronoidal anciently Tobol-Irtysh basin. Based on a comprehensive study traced the coexistence of the two carriers Andronoid traditions within the borders of the region – and Pakhomovo, Suzgun archaeological culture. As part Pakhomovo culture divided into two stages: early (Novo-Shadrino) and late (Oskino Boloto). Suzgun culture in its development passes through three historical stages: early (Svyatoy Bor), developed and late. At the final stage of the Bronze Age on the territory of the forest-steppe Tobol basin Pakhomovo culture replaces Barkhatovo. At the junction Barkhatovo, Suzgun area and appear mixed complexes, fortified settlements and specialized sanctuary. A brief description of the cultural and chronological allocation stages.

Ключевые слова: эпоха бронзы, андронидные культуры, периодизации, хронология.

Keywords: Bronze Age, andronoidal cultures, periodization, chronology.

Заключительный период бронзового века характеризуется формированием в Зауралье и Западной Сибири андронидной культурно-исторической общности. Теплый и сухой климат середины II тыс. до н. э. способствовал продвижению степных скотоводческих племен на территорию лесостепного и южнотаежного Тоболо-Иртышья, где они наряду с аборигенным населением принимают участие в формировании андронидных культур. Лесостепная и южнотаежная зоны Западной Сибири стали местом активных контактов и взаимодействий двух миров – мира степи и мира тайги. Как отмечал М. Ф. Косарев, северная лесостепь и южнотаежная территория, «являясь зоной контактов ареалов производящей и присваивающей экономики, была местом, где издревле концентрировался культурный, производственный и социальный опыт населения разных культур – охотников и рыболовов, скотоводов и земледельцев» [1].

К северу и северо-западу от районов расселения андроновского населения (Приуралье и Зауралье) сформировалась черкаскульская культура; в лесостепной полосе Тоболо-Иртышья возникает пахомовская культура; южнотаежную зону Нижнего Притоболья, а затем Приишимья и Прииртышья занимает сузгунская культура; в лесах Томско-Нарымского Приобья распространяются традиции еловской культуры; памятники корчажкинской культуры локализуются в Барнаульско-Бийском Приобье. Наиболее поздним проявлением андронидности в Зауралье является становление бархатовской культуры финальной стадии бронзового века. К андронидной общности, на наш взгляд, относятся также ирменская культура, занимающая лесостепную зону Обь-Иртышья, а также бегазы-дандыбаевская культура Кулундинской и Барабинской лесостепи. В северотаежных областях Западной Сибири, не затронутых андроновским влиянием, продолжалась местная линия развития обществ рыболовов и охотников: лозьвинская и атлымская культуры.

За последние годы вышла серия работ, посвященных различным аспектам андронидных культур, позволяющих дать оценку генезиса их традиций [2]. Однако однозначных взглядов на проблемы формирования и развития культур андронидного облика на данный момент не существует. Различные гипотезы о происхождении и критериях андронидных древностей вносят

элемент неопределенности, вызывая дискуссии о хронологии, трансформации и дальнейших судьбах носителей андронидных традиций.

В процессе миграции андроновского населения с территории степного Алтая и Казахстана на территорию Зауралья возникает Притобольский очаг культуругенеза, в рамках которого формируется федоровская культура. Федоровское население в степной зоне вступает в контакт с носителями алакульских, в лесостепной – с носителями коптяковских традиций, что подтверждается радиоуглеродным датированием и периодическим проявлением совместно залегающей разнокультурной керамики. Отдельные федоровские группы, продвинувшись в Нижнем Притоболье до границ южной тайги (Дуванское XVII), вступают в контакт с позднеаштарковским населением (Иска III, Святой Бор IV, Ипкуль I, Байрык-Иска I). Мирное взаимодействие носителей разных культурных традиций дало импульс к сложению первых позднебронзовых андронидных культур региона – пахомовской и сузгунской.

Поселенческие керамические комплексы лесостепной и подтаежных зон Тоболо-Иртышья неоднородны, их сравнение позволяет не только выделить локальные различия, но и поднять вопрос об относительной хронологии пахомовских и сузгунских древностей. В орнаментальных композициях, при общем преобладании федоровской подосновы, прослеживаются следы коптяковской, ташковской, черкакульской, отчасти ирменской, еловской и алексеевско-саргаринской культур.

С накоплением новых данных появляется возможность пересмотреть и уточнить ранее выдвинутые положения. Это касается и культурной атрибуции памятников, и их хронологии. Сложно переоценить важность региональных культурно-хронологических шкал, которые являются надежной основой для более широких обобщений, а также для реконструкции исторических процессов: возникновения и развития археологических культур, определения ареалов их распространения, реконструкции моделей взаимодействия населения (определение степени взаимовлияния, ассимиляции или интеграции) и путей миграций древних сообществ.

Обобщение радиоуглеродных данных, датирования по предметам, анализа стратиграфии и планиграфии многослойных поселений, отдельных категорий изделий, бытовавших в эпоху поздней бронзы, позволили определить периоды формирования, существования и угасания андронидных культур региона. Включение результатов абсолютного датирования значительно меняет и дополняет традиционную концепцию культуругенеза эпохи бронзы в южнотайской и лесостепной зонах Зауралья и Западной Сибири.

Культуругенез пахомовской культуры рассматривается в рамках двух этапов. Ранний *новошадринский* этап характеризуется появлением первых двухкамерных конструкций со слабоуглубленными котлованами площадью около 50 м², созданием специализированных теплотехнических сооружений (Ново-Шадрино VII). В керамическом комплексе преобладают плоскодонные горшковидные емкости небольших и средних размеров, украшенные андроновско-федоровскими элементами узора, выполненными мелкогребенчатым штампом (меандровидные фигуры, ромбы, штрихованные ломаные линии, разнообразные треугольники, в том числе «косые», обрамленные «ресничками», в виде треугольных или овальных вдавлений), дополненными характерными позднебронзовыми проявлениями (ряды ямок и рельефные валики, зачастую украшенные «ёлочкой»). В вещевом комплексе сочетаются костяные наконечники стрел андроновского облика и позднебронзовые изделия – бронзовые зеркала с петелькой, глиняные округлые желобчатые грузила и льячки. Появляются первые биконические изделия с центральным отверстием. Становление и раннее развитие пахомовских древностей соотносится с концом XV–XIV вв. до н. э.

В целом пахомовские гончары сохранили принципы и приемы орнаментации федоровского населения, выраженные в наличии керамики, близкой по форме к федоровской, построении орнамента по косой сетке, использовании гладкого и гребенчатого штампов. При этом андроновские композиции комбинируются с гребенчато-ямочными, где различные ямки и вдавления выступают как культууро-характеризующий признак. Это хорошо иллюстрирует посуда поселений Ново-Шадрино VII и Пахомовская Пристань I. В свою очередь можно отметить и черты, присущие черкакульской культуре, которые встречаются на сосудах с пахомовских поселений, такие как валики и каннелюры. Данные элементы орнамента не так явно выражены и имеют несколько «облегченный» вид. Отличительной особенностью декора и техники его исполнения, заимствованной от носителей андроновских традиций, является пропорциональное использование гребенки, нарезки и гладкого штампа. При этом гребенка пахомовских орнаментов значительно мельче, чем на черкакульской или федоровской посуде.

Пахомовские традиции, зарождавшиеся в Притоболье, быстро распространились по лесостепи Тоболо-Иртышья. К раннему новошадринскому этапу сложения пахомовской культуры можно отнести типологически вычленимые керамические комплексы значительной серии поселений региона: Ук III, Ук VI, Большой Имбиряй 10, Пахомовская Пристань I, Инберень IV, Алек-

сеевка XXI. В погребальном обряде раннего этапа пахомовской культуры сохраняется андроновская традиция погребения умерших в грунтовых ямах под невысокими курганами (могильники Лихачевский, Черноозерский II, Омская крепость) [3].

В южнотаежной зоне Притоболья параллельно пахомовской развивается сузгунская культура. Домостроительство раннего *святоборского* этапа сузгунской культуры характеризуется сооружением небольших полуземлянок площадью 15–20 м². В керамических комплексах присутствует посуда разнообразных форм и пропорций, орнаментированная мелкозубчатой гребенкой (косоугольные треугольниками по венчику, андроновские меандровидные фигуры по тулову, наличие неорнаментированной придонной зоны). Характерным проявлением орнаментики становятся ямочные вдавления и специфический сузгунский дугообразный узор. Встречаются ромбы и «уточка», близкие коптяковской культурной традиции (ранний слой Сузгуна II). Фиксируются орнаментальные мотивы, выполненные в отступающе-накольчатой технике, характерные для комплексов ташковской облика (Святой Бор IV, Чеганово I, Новый Тап I). Появляются желобчатые грузила, орнаментированные в отступающе-накольчатой технике (Новый Тап I). Ранняя хронологическая позиция подтверждается радиоуглеродным датированием поселения Святой Бор IV–XV–XIV вв. до н. э.

В конце II тысячелетия до н. э. пахомовское население полностью осваивает лесостепную зону, контактируя как с южным степным алексеевско-саргаринским населением (Жар Агач I), так и с сузгунскими таежными коллективами, что фиксируется появлением памятников со смешанными комплексами (Борки, Заводоуковское-11). Культурное своеобразие позднего *оськинского* этапа пахомовской культуры определяет специфическая форма посуды горшечных форм с плавной профилировкой, украшенной достаточно простым орнаментом («ёлочка», косая сетка, наклонные линии, двойные вертикальные насечки, горизонтальные линии), из геометрических узоров можно отметить треугольники с фестонами и зигзаги, дополненные округлыми вдавлениями, треугольные отпечатки и желобки. Более широкое распространение получают смещенные валики, украшавшиеся «ёлочкой», а также наклонными оттисками резного и гребенчатого штампа. Предметный инвентарь включает каменную булаву, одно- и двухжелобчатые глиняные грузила, каменные зернотерки, песты, мотыжки, глиняные тигли, льячки, литейные формы [4]. Бронзовые изделия немногочисленны: однолезвийный нож, четырехгранные шильца, округлые зеркальца с петелькой, бляшки со штырьком, одноушковые кельты, бритва на пластине, серьга хвалынского типа. Отличительной чертой является наличие неорнаментированных биконических или округлых глиняных изделий со сквозным отверстием, имеющих сходство с булавами.

Для домостроительства характерны жилища подквадратной формы с небольшим коридор- или тамбурообразным выходом площадью 45–80 м². Известны многокамерные конструкции и небольшие хозяйственные постройки. Внутри построек располагались хозяйственные ямы, разнообразные очаги, домашние святилища, иногда колодцы [5]. Присутствуют зольники бытового и ритуального назначения [6].

Система жизнеобеспечения населения характеризуется комплексным типом хозяйства с преобладанием скотоводческих отраслей: в домашнем стаде доминировал крупный рогатый скот и лошади при значительной доле овцеводства. Имеются свидетельства о зарождении земледелия. Важную роль играло рыболовство и охота на диких копытных [7].

Погребения совершались по способу труположения (вытянуто на спине или на боку). Сопровождающий инвентарь – глиняные сосуды (обычно по одному, редко два-три), костяные изделия и бронзовые украшения единичны. Поселенческие комплексы характеризуются обилием ритуальных объектов (домашние святилища, останки строительных жертв, свидетельства ритуальных действий, связанных с оставлением жилищ, предметы культа) [8]. Позднепахомовские оськинские комплексы датируются XIII–XI вв. до н. э.

На стадии стабилизации население сузгунской культуры постепенно расселяется по бассейну Иртыша. В развитии орнаментации керамического комплекса устанавливается классический канон с делением на четыре зоны. Керамика преимущественно представлена плоскодонными горшками, появляются кувшиновидные емкости, заимствованные у носителей пахомовских традиций. Узор покрывает все поле керамической емкости: горизонтальные насечки, «ёлочки», зигзаги. На отдельные зоны орнамент делится рядами округлых ямок, в некоторых случаях присутствует и орнаментация дна, характерная для раннебронзовых ташковских традиций. Вещевой инвентарь соответствует финальной стадии эпохи бронзы (нож с упором, одноушковые кельты). Среди других находок: костяные наконечники стрел и накладки для луков, глиняные грузила, обломки тиглей и литейных форм. В хозяйстве большую роль играло скотоводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, собак). Важное место занимали охота и рыболовство.

На финальной стадии бронзового века в Притоболье развиваются комплексы бархатовской культуры, прошедшей в своем становлении два этапа: ранний (щетковский) и развитый (красногорский). Бархатовские поселения, располагавшиеся возле рек и озер (Щетково 2, Ново-Шадрино II и VII, Заводуковское 9, Поспелово I), объединяли несколько каркасных полуземлянок с коридорообразными выходами. Фиксируются частые перестройки жилищ, что может объясняться недостатком качественного строительного сырья на финальном этапе бронзового века. Керамика представлена плоскодонными сосудами с раздутым туловом и орнаментом в верхней части (пояски наклонных оттисков, зигзаги, «ёлочка», решетки, жемчужины, вдавления). Отличительным признаком является наличие флажкового орнамента на венчике. Среди находок встречаются глиняные рыболовные грузила, бронзовые изделия (ножи, подвески). Ярким маркирующим изделием бархатовской культуры являются глиняные катушки. Хозяйственная деятельность включает занятия скотоводством, земледелием и рыболовством. На позднем этапе, в связи с увлажнением климата, бархатовцы устраивают свои поселения на высоких гипсометрических отметках (городища Красногорское, Коловское, Усть-Утяк 1). Носители бархатовских культурных традиций начинают формироваться в XII–XI до н. э. и существуют до рубежа IX–VIII вв. до н. э.

На заключительной фазе развития сузгунской культуры происходит расселение населения по долинам Ишима, Иртыша, Тары, охватывая южнотаежные (Чудская Гора, Хутор Бор I, Новочечкино) и лесостепные (Абатское VI) зоны. На окраинах появляются укрепленные городища-форпосты (Чудская Гора, Абатское VI), специализированные культовые памятники и святилища (Чудская Гора, Лучкино I, Нефёдово II, Малое Кугаево), а также памятники смешанного сузгунско-бархатовского облика (Чеганово III, Кучум Гора, Чупино). Домостроительство характеризуют полуземлянки площадью 50–90 м², соединенные в ряде случаев переходами. Сузгунские коллективы позднего этапа Западной Сибири доживают до IX–VIII вв. до н. э.

Погребальный ритуал пахомовской и сузгунской культур имеет тесную взаимосвязь – коллективные захоронения с одновременным размещением покойных в погребальных камерах, размещение усопших над уровнем материка, наличие феномена поселенческий погребений.

Таким образом, в Притоболье особенности взаимодействия федоровских групп населения с носителями черкаскульских и коптяковских традиций в лесостепной, а также ташковских и коптяковских в южнотаежных зонах дало импульс к сложению первых позднебронзовых андронидных культур рассматриваемого региона – пахомовской и сузгунской. Стадия формирования пахомовской и сузгунской культур основана на близких принципах жизнеобеспечения общества. Процесс их культурогенеза рассматривается в рамках нескольких этапов. В период финальной бронзы в Притоболье развиваются комплексы бархатовской культуры, прошедшей в своем становлении два этапа. На территории Ишимо-Иртышья сузгунские коллективы позднего периода занимают в лесостепную зону по долинам рек Ишима и Иртыша. На окраинах ареалов культур появляются укрепленные городища-форпосты и памятники смешанного сузгунско-бархатовского облика. Кроме этого появляются и специализированные святилища сузгунской культуры.

Взаимодействие пришлых андроновских и автохтонных групп населения дало импульс к сложению первых позднебронзовых андронидных культур рассматриваемого региона – пахомовской и сузгунской. Процесс культурогенеза андронидных культур рассматриваются в рамках нескольких этапов. В пахомовской культуре выделяется два этапа: ранний (новощадринский), датирующийся концом XV–XIV вв. до н. э., и поздний (оськинский), укладывающийся в рамки XIII–XI вв. до н. э. В рамках сузгунской культуры можно выделить три хронологических этапа: ранний (святоборский) – XV–XIV вв. до н. э.; развитый – XIII–XI вв. до н. э.; поздний – X–VIII вв. до н. э. Пахомовскую культуру в Притоболье на финальной стадии бронзового века сменяют бархатовские древности, прошедшей в своем становлении два этапа: ранний (щетковский) – XII–XI вв. до н. э. и развитый (красногорский) – X–IX вв. до н. э.

Характеризуя историческую динамику и связи населения Тоболо-Иртышья в эпоху бронзы, необходимо подчеркнуть постоянное многокомпонентное взаимовлияние культурных традиций. От зарождения культур эпохи бронзы до трансформации их в культуры раннего железного века отсутствует прямолинейная система развития. Постоянные миграционные передвижения и контакты носителей различных традиций вносили своеобразие в облик культур бронзового периода, формируя синкретичные по своей сути памятники на стыке ареалов отдельных культурных образований.

Примечания

1. Косарев М. Ф. Андронидные культуры Зауралья и Западной Сибири // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Уфа: Башкир. ун-т, 1983. С. 6.

2. Матвеев А. В. Лесостепное Зауралье во II – начале I тыс. до н. э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000; Полеводов А. В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист.

наук. М.: ИА РАН, 2003; *Анош ко О. М.* Бархатовская культура позднего бронзового века Зауралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006; *Костомаров В. М.* Пахомовские древности Западной Сибири: культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010; *Короchkova O. N.* Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: факторы, механизмы, динамика: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

3. *Генинг В. Ф., Стефанов В. И.* Могильники андронидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Омск. ун-та, 1991. С. 52–60; *Герасимов Ю. В.* Некоторые проблемы изучения бронзового века лесостепного Обь-Иртышья в свете новейших открытий в Омске / Ю. В. Герасимов, М. А. Корусенко, А. В. Полеводов // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул: Алтай. ун-т, 2015. С. 205–208.

4. *Ткачев А. А., Ткачев Ал. Ал.* Пахомовский комплекс поселения Оськино Болото // ВААЭ. 2009. Вып. 11. С. 81–89.

5. *Ткачев А. А., Ткачев Ал. Ал.* Домостроительство пахомовского населения Тоболо-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Костанай-Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. С. 460–464.

6. *Короchkova O. N.* О специфике сибирских зольников бронзового века // XXVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург; Сургут: Урал. ун-т, 2007. С. 144–145.

7. *Ткачев Ал. Ал.* Система жизнеобеспечения пахомовского населения лесостепного и подтаежного Притоболья // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Междунар. Западно-Сибир. археолого-этнографической конф., 19–21 мая. Томск: Изд-во «Аграф-Пресс», 2010. С. 302–304.

8. *Матвеева Н. П., Костомаров В. М.* К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири // Вестник ТюмГУ. 2009. № 1. С. 15–25.

Notes

1. Kosarev M. F. Andronoidnye kul'tury Zaural'ya i Zapadnoj Sibiri [Andronoidal culture of the Urals and Western Siberia] // Bronzovyy vek stepnoj polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya – Bronze age of the steppe belt of the Ural-Irtysh interfluve. Ufa. Bashkir University. 1983. P.6.

2. Matveev A. V. Lesostepnoe Zaural'e vo II – nachale I tys. do n. eh.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Forest-Steppe Trans-Urals in the II – beginning of I Millennium BC: abstract dis. ... Dr Hist. Sciences]. Novosibirsk. 2000; A. V. Polevodov Suzgunkskaya kul'tura v lesostepi Zapadnoj Sibiri: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Suzgunksk culture in forest-steppe of Western Siberia: abstract dis. ... Cand. Hist. Sciences]. M. IA RAS. 2003; Anoshko O. M. Barhatovskaya kul'tura pozdnego bronzovogo veka Zaural'ya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Barkhatov culture of the late bronze age of the Urals: abstract dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Tyumen. 2006; Kostomarov V. M. Pahomovskie drevnosti Zapadnoj Sibiri: kul'turnaya atribuciya, hronologicheskaya i territorial'naya lokalizaciya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Pakhomovsky antiquities of Western Siberia: a cultural attribution, chronology and territorial localization: abstract dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Tyumen. 2010; Korochkova O. N. Vzaimodejstvie kul'tur v ehpoхu bronzy v Srednem Zaural'e i podtaezhnom Tobolo-Irtysh'e: faktory, mekhanizma, dinamika: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [The interaction of cultures in the bronze age in the Middle Urals and subtaiga Tobol-Irtyshye: factors, mechanisms, dynamics: abstract. dis. ... Dr Hist. Sciences]. M. 2011.

3. Hening F. V., Stefanov V. I. Mogil'niki andronoidnoj kul'turnoj obshchnosti Ishimskoj lesostepi [Gravediggers of andronoidal cultural community of Ishim forest-steppe] // Drevnie pogrebeniya Ob'-Irtysh'ya – Ancient burials in Ob-Irtyshye. Omsk. Omsk University Publ. 1991. Pp. 52–60; Gerasimov Y. V. Nekotorye problemy izucheniya bronzovogo veka lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya v svete novejsih otkrytij v Omske [Some problems of study of the bronze age forest-steppe Ob-Irtyshye in the light of the latest discoveries in Omsk] / Y. V. Gerasimov, M. A. Korusenko, A. V. Polevodov // rheologiya Zapadnoj Sibiri i Altaya: opyt mezhdisciplinarnyh issledovanij – Archeology of West Siberia and Altai: experience of interdisciplinary research. Barnaul. Altai University. 2015. Pp. 205–208.

4. Tkachev A. A., Tkachev Al. Al. Pahomovskij kompleks poseleniya Os'kino Boloto [Pakhomovsky complex of settlement Oskino Swamp] // WAAA. 2009, is. 11, pp. 81–89.

5. Tkachev A. A., Tkachev Al. Al. Domostroitel'stvo pahomovskogo naseleniya Tobolo-Irtysh'ya v ehpoхu pozdnej bronzy [The fellowship of the Pakhomovsky of the population of the Tobol-Irtyshye in the late bronze age] // Drevnij Turgaj i Velikaya Step': chast' i celoe. – Ancient Turgai and the Great Steppe: the part and the whole. Kostanay-Almaty: Institute of archaeology n.a. A. H. Margulan. 2015. Pp. 460–464.

6. Korochkova O. N. O specifike sibirskih zol'nikov bronzovogo veka [About the specifics of the Siberian bronze age ashtrays] // XXVII Ural'skoe archeologicheskoe soveshchanie – XXVII Ural archaeological meeting. Yekaterinburg; Surgut. The Urals Univ. 2007. Pp. 144–145.

7. Tkachev Al. Al. Sistema zhizneobespecheniya pahomovskogo naseleniya lesostepnogo i podtayochnogo Pritobol'ya [The life support of Pakhomovsky population of forest-steppe and sub-taiga of Tobol] // Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskih archeologo-ehtnograficheskikh soveshchanij: materialy XV Mezhdunar. Zapadno-Sibir. archeologo-ehtnograficheskoy konf., 19–21 maya – Culture as a system in historical context: the experience of West-Siberian archaeological and ethnographic meetings: proceedings of the XV Intern. Western-Siberia. archaeological and ethnographic Conf. 19–21 may. Tomsk: Publishing house "Agraf-Press". 2010. Pp. 302–304.

8. Matveeva N. P. Kostomarov V. M. K voprosu ob osobennostyah pogrebal'nogo obryada naseleniya pahomovskoj kul'tury lesostepi Zapadnoj Sibiri [To the question of the peculiarities of the burial rite of the population of Pakhomovsky culture of forest-steppe of Western Siberia] // Vestnik TyumGU – Herald of the TumSU. 2009, No. 1, pp. 15–25.

Особенности издательской деятельности общества любителей книги в советский период (на примере Удмуртии)

В статье рассматриваются особенности издательской деятельности общества книголюбителей в период 1974 – второй половины 1980-х гг. Представлена тематика изданий, выпускаемых центральными и республиканскими правлениями Всесоюзного добровольного общества любителей книги (ВОК). Указаны причины, тормозящие издательскую деятельность общества книголюбителей в советский период (ограничительный характер издательской деятельности, отсутствие полиграфической базы, дефицит бумаги и др.). Показана роль Госкомиздата СССР (Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли) в ограничении издательской деятельности общества любителей книги. На примере Удмуртской АССР дано описание специфики издательской деятельности республиканского общества книголюбителей.

The article considers peculiarities of publishing activities of the Society of book lovers in 1974 – second half of the 1980s. Themes of books published by central and republican branches of the All-Union Voluntary Society of Book Lovers have been presented. The article reveals the causes hindering publishing activities of book lovers during the Soviet period (limited editions, lack of printing facilities, paper shortage). The State Committee for Publishing, Printing and Book Trade of the Council of Ministers of the USSR is shown to have restricted publishing activities of the society of book lovers. The specifics of publishing activities of the republican society of book lovers of Udmurtia have been described.

Ключевые слова: история книжного дела, книгоиздание, ВОК, ДОК РСФСР, Удмуртия.

Keywords: history of books, book publishing, All-Union Voluntary Society of Book Lovers, Udmurtia, book lovers.

Всесоюзное добровольное общество книголюбителей (ВОК), созданное в 1974 г. с целью пропаганды книги, занималось разными видами деятельности (производственной, лекционной, издательской и др.), и все они были связаны с книгой. Целью настоящей публикации является рассмотрение издательского направления. В соответствии с Уставом ВОК, центральное и республиканские правления общества могли заниматься издательской деятельностью. Они имели право выпускать рекламные материалы, проспекты и другие издания. Совместно с Госкомиздатом СССР центральное правление ВОК (ЦП ВОК) выпускало газету «Книжное обозрение». Издававшийся с 1973 г. «Альманах библиофила» с 1975 г. также стал изданием (с 6-го выпуска) центрального правления ВОК, а его тираж увеличился до 100 тыс. экз. [1]

Кроме того, ЦП ВОК выпускало некоторые издания на заказных условиях через издательство «Книга». Коллегия Госкомиздата СССР ежегодно утверждала план изданий, выделяя полиграфическую базу и необходимые материалы. В 1976 г. вышел «Краткий справочник книголюбителя», в 1977 г. изданы книги А. Западова «Мысль и слово», «С книгой по жизни» (сост. А. Марин и К. Аштаменко) и др. В период 1977–1979 гг. ЦП ВОК выпустило для книголюбителей страны с эмблемой ВОК двадцать изданий: Н. Смирнов-Сокольский «Рассказы о книгах», Е. Осетров «Золотой ключ», «Сто стихотворений о книге» (сост. В. Гладков) и др. [2]

По договоренности с издательствами на часть тиража того или иного художественного произведения ставилась эмблема общества, и книга распространялась его организациями среди активистов. Так, вышли книги Т. Л. Сухотиной-Толстой «Воспоминания» («Художественная литература»), «Стихи» С. Есенина (Пермское книжное издательство), С. Манчурянца «К оружию» (Краснодарское краевое книжное издательство) и др. [3]

В 1978 г. изданы словарь-справочник «Юному книголюбцу» И. Линковой; в 1979 г. – «Встречи с книгой», «Рассказы о старых книгах» А. Анушкина, «Власть книги» О. Ласунского; в 1983 г. – «История советского библиофильства», «На полках публичной библиотеки» О. Голубевой и А. Гольдберг и др. Объем печатной продукции ВОК за 1985 г. составил 69 учетно-издательских листов общим тиражом 400 тысяч экземпляров.

В помощь работникам и активистам общества книголюбителей выходили сборники документов ВОК и методические рекомендации, охватывающие десятки различных тем. Редакционно-из-

ательская работа была подчинена решению основных задач общества книголюбов: пропаганде и распространению книги, показу жизни и деятельности общества.

Особенно тщательно велась подготовка к участию в Московской международной книжной выставке-ярмарке (ММКВЯ). В 1977 г. через Внешторгиздат был выпущен плакат «День книголюба» и буклет «Друзья книги» на русском и английском языках. К ММКВЯ-1979 были выпущены красочные рекламные буклеты о деятельности книголюбов по пропаганде книги («Книголюбы России» (Москва), «Московские друзья книги» (Москва), «Книголюбы Удмуртии» (Ижевск), «Книголюбы Кубани» (Краснодар) и др.).

Знаменательные и юбилейные даты отмечались выпуском рекламных изданий – это красочные буклеты и проспекты, плакаты, афиши, пригласительные билеты и т. п. Также печатались комплекты художественных открыток и закладок. Например, «150 лет со дня рождения Л. Н. Толстого», «Комсомол и книга», «Книги о Советских Вооруженных Силах». Выпускались плакаты о деятельности ВОК. Издавались юбилейные табель-календари «Н. В. Гоголь», «А. К. Толстой», «Н. А. Островский», «А. П. Чехов», «40 лет Победы» «1974–1984 ВОК» и др.

Типы и виды изданий ВОК – это плакаты, календари карманного образца, информационные листки, библиографические справочники, буклеты, каталоги, красочные рекламно-информационные материалы, объемные издания и методические разработки. Тематика их была направлена на пропаганду разных видов литературы.

Издательская деятельность получала все более широкое развитие в обществах книголюбов союзных республик. В Украинской ССР вышло издание «Книги как люди» Н. А. Шудря, в Белорусской ССР – методические рекомендации и библиографические материалы в помощь комсомольским организациям, библиотекам и обществам любителей книги «Ленинскому комсомолу 60 лет»; в Латвийской ССР «День поэзии» и т. д. [4] Только за 1983 г. правлением ДОК Украинской ССР было выпущено 23 наименования печатной продукции, Казахской ССР – 34, Узбекской ССР – 19, Киргизской ССР – 15, Таджикской ССР – 48.

При республиканских правлениях были созданы издательские отделы. При разработке тематики помощь им оказывали научно-методические советы, куда входили ученые, сотрудники издательств, деятели культуры и искусства. Выпускалась литература по эффективному использованию книжных фондов государственных и общественных библиотек, личных собраний книголюбов. Темы выпуска литературы: пропаганда важнейших партийных решений, распространение библиотечно-библиографических знаний, повышение культуры чтения, борьба за продление жизни книги и др.

Методические рекомендации, выпускаемые центральным и республиканскими правлениями, содержали конкретную информацию по всем аспектам деятельности ВОК и оказывали помощь активистам общества в подготовке и проведении читательских конференций и вечеров, литературных викторин и книжных выставок, занятий в народных университетах «Книга» и встреч в клубах книголюбов, в проведении других мероприятий.

ЦП ВОК издавало и направляло в республиканские организации инструктивно-методические материалы и рекомендации по организационным вопросам («XXVI съезд КПСС и основные направления работы библиотек по коммунистическому воспитанию юношества», «Личные библиотеки книголюбов», «Студенческие клубы книголюбов», «Формы и методы пропаганды общественно-политической книги» и др.) [5].

В 1979–1980 гг. республиканские организации выпустили ряд названий печатной продукции, пропагандирующей деятельность общества. Большею частью это были брошюры и буклеты: «Писатели Удмуртии» (Ижевск), «Писатели Кузбасса» (Кемерово), «Слово писателя» (Киров), «В помощь книголюбам Прикамья» (Пермь) и др. В 1980 г. в правлении Добровольного общества любителей книги РСФСР (ДОК РСФСР) для активизации работы по продвижению имиджа общества книголюбов и увеличению количества публикаций о нем была создана пресс-группа [6].

В 1981 г. издано четыре проспекта и буклета: «Наш друг книга», «Ленинградцы любят книгу», «Книголюбы Москвы», «Книголюбы Алтая», методические рекомендации по пропаганде XXVI съезда КПСС, пропаганде научно-технической литературы, по улучшению работы первичных организаций и клубов книголюбов, по работе с владельцами личных библиотек.

В местных организациях издавались буклеты о творчестве писателей-земляков, плакаты о работе общества, методические и рекламные материалы [7]. В 1982 г. вышли методические материалы и рекомендации общим тиражом 5 тыс. экз., которые были разосланы в местные организации. В основном это были материалы пропагандистского характера, всероссийских семинаров-совещаний, обзор тематических планов и т. д. [8]

Несмотря на «брошюрно-буклетный» характер издательской деятельности центрального и республиканских правлений ВОК, допускались крупные просчеты. В 1981 г. тиражом 3000 экз. по

заказу ЦП ВОК были отпечатаны в виде брошюры «Методические рекомендации к проведению книжной выставки «Ленин и книга» (автор-составитель Н. И. Пашкова). Были допущены недоработки в рецензировании и подготовке брошюры к изданию. В результате рукопись была отпечатана с серьезными неточностями и ошибками и тираж полностью уничтожен [9]. Уровень печатной продукции, выпускаемой организациями общества книголюбов, был невысоким.

На одном из семинаров руководящих работников ВОК «О работе общества на перспективу» отмечалось, что «...издательская деятельность наша ведется слишком узко и одновременно слишком широко. Узко потому, что мало издаем, и широко, что часто издаем хуже, чем обычные издательства» [10].

Проблемы качества выпуска книжной продукции обсуждались 24 мая 1985 г. на Всесоюзном совещании-семинаре «О повышении уровня методической литературы, издаваемой республиканскими правлениями ДОК» в Минске. С сожалением отмечалась невозможность расширения видов выпускаемых изданий. Причина – ограничение со стороны Госкомиздата СССР. Издательская деятельность разрешалась ВОК в виде исключения. Можно было издавать методические пособия, каталоги, рекламные проспекты, плакаты, листовки, афиши, пригласительные билеты, библиографические указатели (связанные с пропагандой книги) и т. д. Тираж также был фиксированным (в среднем до пяти тысяч экземпляров). В случае выпуска литературы для поощрения активистов общества тираж увеличивался по специальному разрешению Госкомиздата СССР [11]. Существовала проблема с печатью тиражей. Некоторые типографии печатали издания ВОК с задержками, затягивали сроки выпуска. Иногда методические пособия и другая издательская продукция ВОК находились в производстве около года и более [12].

Удмуртское республиканское отделение ДОК РСФСР (ДОК УАССР) также занималось издательской деятельностью. Первоочередной необходимостью было снабжение методической литературой отделений общества в городах и районах Удмуртии. В 1977 г. в связи с 60-летием Октября в республике проводились чтения «Ленин и книга». Лекционным бюро при республиканском правлении ДОК УАССР были разработаны, растиражированы и высланы в районные, городские отделения общества методические материалы по темам «Ленин. Книга. Молодёжь», «Ленин. Октябрь. Книга», «Библиотека Ленина в Кремле», «Образ Ленина в мемуарной литературе» и др. [13]

С целью оказания методической помощи активу книголюбов Удмуртии издавались брошюры с положениями, инструкциями по работе отделений, первичных организаций общества, информационные бюллетени с публикацией опыта работы некоторых организаций книголюбов республики [14].

Выпускались книжные закладки, листовки, афиши и плакаты о проведении мероприятий по пропаганде книги, буклеты к знаковым событиям в культурной жизни республики. Перечислим некоторые образцы печатной продукции, издававшиеся обществом книголюбов Удмуртии в разные годы:

– плакат о конкурсе на лучшее художественное оформление книги Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ» (конкурс проводился издательством «Удмуртия», Удмуртским республиканским отделением ДОК РСФСР и Удмурткниготоргом в 1978 г.);

– плакат «Литературная игра для юных книголюбов «Книголёт отправляется в полёт» (1979 г.), руководители игры: городские (районные) правления общества любителей книги, детские библиотеки, клубы интернациональной дружбы;

– плакат «Выставка книг «Наша книга детская, детская советская» (1979 г.);

– буклет «Книголюбы Удмуртии» (1979 г.), был издан к пятилетнему юбилею и представлен на ММКВЯ-1979, оформлен фотографиями с мероприятий, проведённых книголюбями Удмуртии;

– буклет «Экслибрисы книголюбов Удмуртии» (сост. В. В. Дмитриев), издан совместно с Удмуртским отделением Союза художников СССР к республиканской выставке экслибриса в 1981 г.;

– плакат о проведении, совместно с Удмуртским государственным университетом, цикла лекций «Братство народов – братство литератур» (1982);

– плакат «Каждое пионерское дело с книгой!» (1983) [15];

– афиша «Приходите – вам будут рады!» и буклет «Программа праздника книги». Праздник книги проводился 25 июля 1987 г. в парке культуры и отдыха им. С. М. Кирова. Примечательно, что организаторы не только напечатали подробную программу праздника с картой-схемой парка, но и предложили посетителям ответить на вопросы анкеты, являвшейся составной частью буклета [16].

Тиражи печатных изданий были различными от 100 до 5000 тыс. экз. Количество наименьших издававшихся ежегодно брошюр, буклетов, плакатов не превышало десятка. В основном это была издательская продукция рекламно-информационного характера. Подготовка к печати велась в редакционно-издательских отделах (РИО Упрполиграфиздата и др.), печатали в Ижевской республиканской типографии.

В период перестройки и с внедрением хозрасчетных взаимоотношений издательская деятельность несколько активизировалась [17]. Например, за первые полугодие 1986 г. правлением ДОК УАССР было издано шесть наименований рекламы общим тиражом 16 тыс. экз. Были разработаны и направлены в первичные организации методические материалы в помощь лекторам [18].

В годы перестройки общество книголюбов по-прежнему не имело широких прав на издательскую деятельность. Ограничительные меры и монополия Госкомиздата СССР продолжались. ДОК РСФСР совместно с Союзом писателей РСФСР попытались найти выход из тупика. ДОК РСФСР, имея средства на заказ книги, не имело права дать такой заказ ни издательствам, ни Госкомиздату. Союз писателей РСФСР не мог влиять на публикацию произведений писателей – членов Союза. Обсуждался вопрос издательского кооперативного объединения. Однако инициаторы столкнулись с проблемой дефицита бумаги, отсутствием полиграфической базы и необходимостью получения разрешения со стороны Госкомиздата СССР.

Кроме того, по мнению писателя Ф. Шахмагонова, в условиях дефицита население жаждало книг очень широкого спектра: от русской классики до сочинений А. Дюма, Конан-Дойля, Жоржа Сименона и др., а не произведений советских писателей [19].

Несмотря на ограничительный характер издательской деятельности и на большую долю в общем объеме брошюр пропагандистско-рекомендательного характера по продвижению населению разных видов литературы, книги, выпускаемые обществом книголюбов, имели важное значение для книжного дела СССР. Многие издания, особенно выпущенные совместно с издательством «Книга», стали событиями в книжном мире страны. Тематика их была направлена на пропаганду разных видов литературы, выпускалась книговедческая и библиофильская литература, издания о виднейших русских и советских книговедах и собирателях книг, о судьбах редких печатных изданий, о книжных поисках и находках. Издательская деятельность общества книголюбов была небольшой по объему выпускаемой продукции. Издавались методические рекомендации, плакаты, календари карманного образца, информационные листки, библиографические справочники, буклеты, каталоги, красочные рекламные-информационные материалы.

Ежегодный выпуск изданий Удмуртского республиканского отделения ДОК РСФСР был минимальным, но необходимым для первичных организаций общества любителей книги Удмуртии. Каждое издание несло населению информацию о деятельности общества книголюбов, способствовало популяризации книги и чтения.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 493. Л. 80.
2. Краткая справка о ВОК // Работа первичной организации ВОК. Справочник / сост. С. И. Самыкин. М.: Книга, 1979. С. 4–7.
3. Аштаменко К. И., Котов Н. П., Чирва А. Н. Всесоюзное общество книголюбов // Книжная торговля: Обзорная информация. М.: Книга, 1978. Вып. 3(25). С. 38.
4. ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 140. Л. 3; Д. 313. ЛЛ. 114, 140; Краткая справка о ВОК... Указ. соч. С. 4–7; Материалы к отчету Центрального правления ВОК II съезду Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Октябрь 1979. М.: ВОК, 1979. С. 23; От съезда к съезду (Материалы к отчету Центрального правления ВОК III съезду Всесоюзного добровольного общества любителей книги). 1979–1984. М.: ЦП ВОК, 1984. С. 31–37.
5. От съезда к съезду. Указ. соч. С. 31–37.
6. ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 393. Л. 11.
7. ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 457а. Л. 3.
8. ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 518. Л. 15.
9. ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 549. Л. 113.
10. ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 621. Л. 11.
11. ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 689. Л. 80.
12. ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 620. Л. 74.
13. Дмитриев В. Пропагандируя книгу // Удмуртская правда. 1977. 15 окт.
14. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИУР). Ф. 17. Оп. 1. Д. 10. ЛЛ. 1, 6–7.
15. ЦДНИУР. Ф. 17. Оп. 1. Д. 32. ЛЛ. 3–11.
16. ЦДНИУР. Ф. 17. Оп. 1. Д. 105. ЛЛ. 1–2.
17. О переводе с 1 января 1988 г. издательств, предприятий, объединений и организаций Государственного Комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (союзное подчинение) и Государственных Комитетов по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Украинской ССР, Белорусской ССР и Эстонской ССР на полный хозяйственный расчет и самофинансирование (приказ от 07.12.87 г.) // Книгоиздание: направления перестройки: сб. ст. М.: Книга, 1988. С. 228–234.
18. ЦДНИУР. Ф. 17. Оп. 1. Д. 81. ЛЛ. 8, 11.
19. Шахмагонов Ф. Миражи без тиражей // Книгоиздание: направления перестройки: сб. ст. М.: Книга, 1988. С. 65–81.

Notes

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. R 9650. Inv. 1. C. 493. Sh. 80.
2. Kratkaja spravka o VOK // Rabota pervichnoj organizacii VOK. Spravochnik. / Samykin S. I. (sost.) [Brief Overview of All-Union Society of book lovers (AUSBL) // Work of primary organization of AUSBL. Reference book] / Samykin S. I. (comp.). Moscow: Publisher «Book», 1979. Pp. 4–7.
3. Ashtamenko K. I., Kotov N. P., Chirva A. N. Vsesojuznoe obshhestvo knigoljubov // Knizhnaja trgovlja: Obzornaja informacija [All-Union Society of book lovers // Book trade: Overview]. Moscow: Publisher «Book», 1978. Issue 3(25). P. 38.
4. GARF. F. R 9650. Inv. 1. C. 140. Sh. 3, C. 313. Sh. 114, 140; Kratkaja spravka o VOK... Ukaz. soch. [Brief Overview of All-Union Society of book lovers (AUSBL)... Above mentioned.]. Pp. 4–7; Materialy k otchetu Central'nogo pravlenija VOK II s#ezdu Vsesojuznogo dobrovol'nogo obshhestva ljubitelej knigi [Material to the report of Central Board of AUSBL to 2nd Congress of All-Union Voluntary Society of book lovers]. October 1979. Moscow: AUSBL, 1979. P. 23; Ot s#ezda k s#ezdu (Materialy k otchetu Central'nogo pravlenija VOK III s#ezdu Vsesojuznogo dobrovol'nogo obshhestva ljubitelej knigi) [From congress to congress (Material to the report of Central Board of AUSBL to 3rd Congress of All-Union Voluntary Society of book lovers) 1979–1984. Moscow: AUSBL, 1984. Pp. 31–37.
5. Ot s#ezda k s#ezdu... Ukaz. soch. [From congress to congress... Above mentioned]. Pp. 31–37.
6. GARF. F. R 9650. Inv. 1. C. 393. Sh. 11.
7. GARF. F. R 9650. Inv. 1. C. 457a. Sh. 3.
8. GARF. F. R 9650. Inv. 1. C. 518. Sh. 15.
9. GARF. F. R 9650. Inv. 1. C. 549. Sh. 113.
10. GARF. F. R 9650. Inv. 1. C. 621. Sh. 11.
11. GARF. F. R 9650. Inv. 1. C. 689. Sh. 80.
12. GARF. F. R 9650. Inv. 1. C. 620. Sh. 74.
13. Dmitriev V. Propagandiruja knigu // Udmurtskaja pravda. 1977. 15 oct. [Dmitriev V. Promoting the book // Udmurt newspaper Pravda. 1977. October, 15].
14. Centr dokumentacii novejshej istorii Udmurtskoj Respubliki (CDNIUR) [Documentation center of recent history of the Udmurt Republic (CDNIUR)]. F. 17. Inv. 1. C. 81. Sh. 6–7.
15. CDNIUR. F. 17. Inv. 1. C. 32. Sh. 3–11.
16. CDNIUR. F. 17. Inv. 1. C. 105. Sh. 1–2.
17. O perevode s 1 janvarja 1988 g. izdatel'stv, predpriyatij, ob#edinenij i organizacij Gosudarstvennogo Komiteta SSSR po delam izdatel'stv, poligrafii i knizhnoj trgovli (sojuznoe podchinenie) i Gosudarstvennyh Komitetov po delam izdatel'stv, poligrafii i knizhnoj trgovli Ukrainskoj SSR, Belorusskoj SSR i Jestonskoj SSR na polnyj hozjajstvennyj raschet i samofinansirovanie (prikaz ot 07.12.87 g.) // Knigoizdanie: napravlenija perestrojki. Sbornik statej. [Transfer from 1 January 1988 publishers, enterprises, associations and organizations of the USSR State Committee for publishing, printing and book trade (union jurisdiction) and State Committees for publishing, printing and book trade of Ukrainian SSR, Belorussian SSR and Estonian SSR to full cost accounting and self-financing (order from 07.12.87) // Book publishing: perestroika directions. Collection of articles]. Moscow: Publisher «Book», 1988. Pp. 228–234.
18. CDNIUR. F. 17. Inv. 1. C. 81. Sh. 8, 11.
19. Shahmagonov F. Mirazhi bez tirazhej // Knigoizdanie: napravlenija perestrojki. Sbornik statej [Mirages without circulation // Book publishing: perestroika directions. Collection of articles]. Moscow: Publisher «Book», 1988. Pp. 65–81.

УДК 002.2

Н. В. Титлянова-Чайкина

К вопросу о традициях издательского дела в Вятке

Целью статьи является систематизация представлений об издателях, издательствах и изданиях разных видов на основе изученного материала о печати дореволюционной Вятки. Дается характеристика существовавших и сохранившихся до наших дней изданий. Рассматривается влияние издателей на деятельность друг друга, а также особенности вятской издательской культуры.

The aim of the article is to systematize the perceptions of publishers, publishing houses and publications of different types on the basis of the material studied on the press of pre-revolutionary vols. The characteristic of existing and extant editions. Examines the influence of publishers on the activities of each other, and especially Vyatka publishing culture.

Ключевые слова: издатели дореволюционной Вятки; вятская издательская культура, издательства Вятки.

Keywords: publishers of the pre-revolutionary Vyatka; Vyatka publishing culture, publisher Vyatka.

Исследование издательской деятельности в Вятке представляется весьма актуальным. В связи с переменами, происходящими в последние десятилетия в нашем обществе, обострился интерес к прошлому России. Жителям Кирова так же, как и жителям любого другого города, важно знать об истории своей малой родины. Появилась потребность воссоздать целостное представление об историческом наследии нашей культуры, неотъемлемой частью которой стали издательства как специфический институт общества.

Издания любого периода позволяют понять, что было первостепенным для людей того времени, что занимало их умы и души. Изучая письменность, историки и литературоведы смогли раскрыть частицу прошлых времен. Из первых источников мы можем узнать, чем жили люди, как обращались друг к другу, что было первостепенным в их взаимоотношениях. Появление издателей, издательств и изданий говорит о массовости преподносимой информации. Общество созрело для создания масштабных издательских проектов. Возникла потребность в обмене информацией между совершенно незнакомыми людьми. У ряда людей появилась потребность что-то рассказать окружающим, донести до них свои мысли, чувства, эмоции, идеи и получить взамен их эмоции: одобрение или негодование, радость или грусть. Явились люди, которые смогли организовать печатные процессы и распространение текстовой информации.

Объектом проведённого нами исследования стали издатели, издательства и издания дореволюционной Вятки, классификация некоторых существующих и сохранившихся до наших дней изданий или информации о них, а его целью – анализ, сравнение и систематизация данных, позволяющих говорить о преемственности издателей и издательств, а также обобщение опыта издательского дела в Вятке. В связи с изучением данной темы интерес представляют следующие задачи:

1. Рассмотреть предпосылки возникновения и стимулы развития издательского дела как одного из видов просветительской деятельности дореволюционной Вятки.
2. Выявить типологические особенности различных видов издательств.
3. Классифицировать существующие в дореволюционной Вятке издания.
4. На основании изучения изданий, издательств и издателей дореволюционной Вятки охарактеризовать данный период (с момента появления первого массового издания в Вятке и до начала революции 1917 г.).

Интересно отметить, что первыми издателями в Вятке были люди приезжие. Это были либо заезжие чиновники, назначенные на должности в Вятке, либо политические ссыльные. Здесь «опальных людей» не избегали, ссыльные непременно участвовали в общественной жизни города, спектаклях и дружеских «складчинах». Важно подчеркнуть, что к таким ссыльным в Вятке относились с глубоким уважением – им и их женам доверяли обучение своих детей: грамота, хорошие манеры, искусство, литература, танцы, хотя в большинстве своём их считали «странностями первой величины». По вечерам в их дом приходили знакомые (врачи, учителя, чиновники, купцы, ссыльные поляки, приходили губернатор и его семья), играли в шахматы, обменивались новостями, музицировали.

Первым издателем в Вятке по праву можно считать Павла Лукьяновича Яковлева (1789–1835 гг.). Старший ревизор Московской межевой палаты прибыл в Вятку в декабре 1824 г., а в апреле 1826-го в городе вышел первый рукописный сатирический журнал «Хлыновский наблюдатель», выпускаемый им еженедельно [1].

До прибытия в Вятку Павел Лукьянович представлял её себе захудалым провинциальным городком, а приехав, написал своему дядюшке, известному баснописцу Александру Ефимовичу Измайлову, в столицу: «Не один я, все приезжие обманываются, думая, что Вятка – маленький бедный городок, не много лучше знаменитого Богородска. Вятка выстроена правильно, улицы прямы и широки, везде тротуары для пешеходов, собор и церкви (числом 19) великолепны, каменных домов 83... Местоположение города очень красиво. Он стоит на горе – внизу река... Государь ездил за реку нарочно для того, чтобы полюбоваться видом города, который очень ему понравился...» [2]

В течение двух лет Яковлев много ездил по губернии, побывал в Великорецком и Кае, Сарапуле и Орлове.

После прочтения в Вятке знакомыми Яковлева номера журнала отсылались дядюшке издателя. А. Е. Измайлову очень нравилось детище племянника. Сравнивая журнал с рукописной газетой «Северный мотылёк», он пишет племяннику 14 мая 1826 г.: «Славный же подарочек получил я от тебя в день моего ангела. Ай да “Хлыновский наблюдатель”! Не “Северному мотыльку” чета.

Всем лучше: и пьесами, и печатью, и виньетами» [3]. 22 июля 1826 г. он вновь восторженно благодарит племянника за журнал: «Спасибо и преспасибо тебе за “Хлыновского наблюдателя”: сильно подкрепляет он “Благонамеренного”» [4].

Своей обличительной и реалистической направленностью «Хлыновский наблюдатель» близок творчеству самого Измайлова, нравоучительно-сатирическими баснями которого восхищался Виссарион Белинский.

Критикует Яковлев в журнале прежде всего общечеловеческие пороки, поэтому центральное место в каждом номере занимает отдел «Нравы». Многочисленные рассказы и сценки подтверждают, что главными объектами сатиры Яковлева были люди нерадивые, не реализующие своих возможностей, сознательно прячущие себя в темницу обывательщины и утешающие себя при этом всевозможными софизмами. Яковлев никого не щадит, даже себя. Он высмеивает собственную лень, апатичность, а на автопортретах изображает себя толстым, ленивым, добродушным увальнем.

Кроме «Нравов», в журнале были отделы внутренних известий («Внутренности»), где общалось о новостях вятской жизни, «Изящная словесность», где давалась информация о литературе, журналистике, театре, «Смесь», «Мысли и замечания» («Любомудрие») и другие.

Заботился Яковлев не только о содержании своей газеты, но и об её внешнем виде. При этом оформлением газеты он занимался сам, сам же рисовал заголовки и виньетки, демонстрируя изрядное художественное мастерство. Заголовок каждого номера газеты Яковлев оформлял по-новому. Например, кроме названия «Хлыновский наблюдатель», в заголовке изданий до № 22 нарисовано тюремное окно с толстыми прутьями и силуэтом заключенного, а рядом (иногда в гирлянде из цепей) – эпитафия: «Отколь уйти нельзя, там лучше оставаться». Рисунок заголовка издания № 21 символичен: заглавная буква «Х» составлялась из гусиных писчих перьев, а «Н» – из розог и шпицрутен. В заголовке указана и шуточная «цена» журнала. Чаще всего это – номер «Северного мотылька» или «Дядюшкино одобрение и письмо на листе».

Сохранившиеся в единственном экземпляре номера «Хлыновского наблюдателя» находятся сейчас в отделе рукописей Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Петербурге. Как отмечал в своих статьях вятский краевед Евгений Дмитриевич Петряев, номера «...имеют формат старинного писчего листа и заключены в прочный картонный переплёт. Каждый номер, а их было более 200, имеет четыре страницы рукописного текста в две колонки...» [5]. Изучив почерк, Евгений Дмитриевич отметил, что журнал не всегда писался Яковлевым. А это значит, что у издателя были в Вятке добровольные помощники и единомышленники. Журнал был информационно-развлекательным и был для Вятки первым публичным тиражируемым изданием, хотя и рукописным.

«Хлыновский наблюдатель» внёс оживление в несколько однообразную жизнь провинциального городка и положил начало издательской деятельности. Можно предположить, что он пользовался популярностью у вятской публики, ведь спустя двенадцать лет в Вятке появляется первое официальное издание. 13 января (1 января по старому стилю) 1838 г. вышел первый номер газеты «Вятские губернские ведомости». Тираж этого издания колебался от нескольких десятков до четырёх тысяч экземпляров.

Для выхода первого номера официального издания нужно было подготовить и запустить производственные мощности, а также найти финансирование. Вольные типографии были запрещены указом Екатерины II от 16 сентября 1796 г., разрешены они были только в 1802 г. В конце XVIII в. и в начале XIX в. во многих губернских городах существовали уже типографии. Значит и провинциальная Вятка не могла остаться в стороне от столь важного события.

Более полувека «Вятские губернские ведомости» оставались единственной в губернии газетой. Издавалась газета Вятским губернским правлением и была своеобразной летописью текущих событий XIX – начала XX в. Она отличалась демократической ориентацией, проявляла интерес к людям из народа, объединяла вокруг себя местную интеллигенцию и политических ссыльных.

Среди последних наиболее активными авторами являлись М. Е. Салтыков-Щедрин и А. И. Герцен. И хотя 1838 г. был для Александра Ивановича годом отъезда из Вятки, статьи наблюдательного ссыльного «Вотьяки и черемисы», «Географическое описание Вятской губернии», «Состояние народа в Вятке времён Петра Великого» и другие публиковались в «Вятских губернских ведомостях» начиная с первого номера с завидной регулярностью.

Знаменитая речь А. И. Герцена, произнесённая им на открытии Вятской публичной библиотеки 18 декабря 1837 г., также была опубликована в неофициальной части «Вятских губернских ведомостей». Публикация эта стоила редактору Н. Н. Золотницкому места, и он вынужден был переехать в Кукарку [6].

С 1899 г. неофициальная часть официальной газеты стала выпускаться отдельным изданием под названием «Приложение к “Вятским губернским ведомостям”», редактором его до 1901 г.

был Н. А. Озеров, а затем Ф. П. Кунилов. В 1905 г. «Приложение» превратилось в самостоятельную общественно-политическую газету «Вятский вестник». Официальные «Вятские губернские ведомости» ни статуса, ни названия не меняли и выходили вплоть до 1917 г. Первая региональная газета в Вятке «Вятские губернские ведомости» перестала существовать, так и не дотянув до своего 80-летия. Эти объединённые издания можно классифицировать как общественно-политические.

Важным этапом в развитии Вятских издательств можно считать появление в городе ссыльного, выдающегося издателя-просветителя и книготорговца Флорентия Федоровича Павленкова (1839–1900 гг.). Он был сослан в Вятку в 1868 г. Здесь он пробыл достаточно долго, вернуться в Петербург он смог только в 1877 г. [7]

В Вятской ссылке он перевёл несколько книг по физике, составил «Наглядную Азбуку», удостоенную почётного отзыва на венской всемирной выставке 1873 г., и издал «Вятскую незабудку», вызвавшую судебное преследование (1877). Провинциальная Вятка стала свидетелем стихийного бунтарства издателя (нашумевший сборник разоблачительных памфлетов «Вятская незабудка», взбудораживший чиновничью Россию). Несмотря на запрет, под вывеской вятского издательства он продолжал своё дело. В Вятке Павленков наметил и начал издавать многие книги и серии, имевшие большой успех. Так, например, в 1873 г. он составил «Наглядную азбуку для обучения и самообучения грамоте», выдержавшую 22 издания.

Издательская деятельность Ф. Ф. Павленкова носила идейный, демократический характер. Классифицировать его издания можно многогранно: научная и учебная литература, художественная и политическая публицистика.

В судьбах выдающихся людей, не по своей воле оказавшихся в Вятке, просматривается общая закономерность: все они находят себя в качестве писателей и издателей именно здесь. А. И. Герцен официально начал пробу своего пера именно в Вятке, ведь его первыми опубликованными издательскими трудами были статьи в «Вятских губернских ведомостях». Можно предположить, что с издательским творчеством Герцена Павленков познакомился именно в Вятке, и, проникнувшись его идеями, задумал издать эти труды для широких масс. Тем самым он подготовил почву для издания собрания сочинений А. И. Герцена в России.

Подобной страстью к народному просветительству обладал и Лука Арефьевич Гребнев (1867–1931 гг.). Просветитель, типограф, художник, гравёр родился в д. Дергачи Уржумского уезда Вятской губернии. Гребнев по своему вероисповеданию принадлежал к федосеевскому согласию старообрядчества. В 1880–90-е гг. он жил в Москве и обучался типографскому делу у московских старообрядцев. Здесь в конце 1890-х гг. он задумал заведение собственной типографии. Для этого Гребнев купил необходимые материалы, заказал в мастерской гравёра Н. А. Ермолова по собственным образцам шрифт и клише книжных заставок. В конце XIX в. вернулся в Дергачи, где в 1899 г. нелегально организовал типографию. Первый оттиск сошел с её станка 20 декабря 1899 г. [8]

Изучение материалов о вятских издателях позволяет выявить ряд закономерностей.

1. Вся издательская деятельность этих людей (издателей) была посвящена народному просветительству, каждый из них старался что-то привнести в народные массы, чем-то обогатить их духовно. Человеку в наше время, в век Интернета и космической связи, сложно представить, что в начале XIX в. не было возможности распространять хотя бы какую-то информацию. В глубинке в большинстве случаев новости передавались из уст в уста. Поэтому первые издатели внесли огромный вклад в просвещение населения в Вятском крае.

2. Издательская деятельность Ф. Ф. Павленкова и Л. А. Гребенева была во многом обучающей. Их объединяет издание «Азбуки» и просветительство в крестьянской среде, а также вложение личных средств в издательства и просветительские начинания для малограмотного населения. Оба принимали участие в открытии библиотек, большое внимание уделяли работе с детьми.

3. Большинство издателей подвергались гонениям властей. Некоторые из них стали издаваться по причине этих гонений, чтобы донести в массы идеи просветительства.

4. Издательства дореволюционной Вятки можно классифицировать по видам. Виды издательства: светские и религиозные, частные и государственные.

Примечания

1. Загоскина Е. Культурная среда // 2010. Вып. № 4–5 (12–13). С. 3.

2. Журнал «Хлыновский наблюдатель». URL: http://hmcarcy.ucoz.ru/news/kulturnaja_sreda/2012-06-26-27

3. Славный же подарок получил я от тебя. URL: <http://www.ks-gazeta.ru/index.php/sobytiya-7/443-sl-pod-2>

4. Там же. С. 1.

5. Петряев Е. Д. Труженики печатного слова // Петряев Е. Д. Люди. Рукописи. Книги. Киров, 1970. С. 184.

6. Василевич Н. Вятский край // 2013. Вып. 12 янв. С. 6.

7. Мальгин А. С. Жизнь замечательных людей: русский издатель Ф. Ф. Павленков (1839–1900) // Мир библиографии. 2003. № 4. С. 23.

8. История старообрядчества. URL: <http://dugabell.boxmail.biz/>

Notes

1. Zagoskina E. Kul'turnaya sreda [Cultural environment] // 2010. Is. No. 4–5 (12–13). P.3.
2. Zhurnal «Hlynovskij nablyudatel'» – The magazine "Khlynov observer". Available at: http://hmearcy.ucoz.ru/news/kulturnaja_sreda/2012-06-26-27
3. Slavnyj zhe podarochek poluchil ya ot tebya – Nice gift I received from you. Available at: <http://www.ks-gazeta.ru/index.php/sobytiya-7/443-sl-pod-2>
4. Ibid. P. 1.
5. Petryaev E. D. Truzheniki pechatnogo slova [Toilers of the printed word] // E. D. Petryaev Lyudi. Rukopisi. Knigi [People. Manuscripts. Books]. Kirov. 1970. P. 184.
6. Vasiljevic N. Vyatskij kraj [Vyatka region] // 2013, is. 12 Jan., p. 6.
7. Malgin A. S. Zhizn' zamechatel'nyh lyudej: russkij izdatel' F. F. Pavlenkov (1839–1900) [Life of remarkable people: Russian publisher F. F. Pavlenkov (1839–1900)] // Mir bibliografii – World of bibliography. 2003, No. 4, p. 23.
8. Istoriya staroobryadchestva – The history of the old believers. Available at: <http://dugabell.boxmail.biz/>

УДК 343(470.316)“1917/1920”

П. И. Гурьянов

Уголовный Розыск РСФСР и Ярославской губернии в 1917–1920 гг. (историко-юридический аспект)

В статье представлена краткая характеристика начального этапа формирования милиции. Автор осветил начальный период появления уголовного розыска в Ярославской губернии. В статье дана характеристика уголовного розыска Ярославской губернии в первые годы существования и показаны основные проблемы в деятельности уголовного розыска Ярославской губернии. Автором представлена краткая характеристика некоторых уездных отделений уголовного розыска.

The short characteristic of the initial stage of formation of militia is presented in article. The author lit an initial stage of emergence of criminal investigation department in the Yaroslavl province. In article the characteristic of criminal investigation department of the Yaroslavl province in the first years of existence is given and the main problems in activity of criminal investigation department of the Yaroslavl province are shown. The author submitted the short characteristic of some district offices of criminal investigation department.

Ключевые слова: милиция, ярославский, советы, уголовный розыск, управление, отделение.

Keywords: militia, Yaroslavl, councils, criminal investigation department, management, office.

28 октября (10 ноября) 1917 г. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР издал и опубликовал постановление «О Рабочей милиции». НКВД предписывал всем Советам учредить рабочую милицию, которая будет находиться исключительно и всецело в ведении Советов рабочих и солдатских депутатов. Советам было предоставлено право самостоятельно определять организационные формы работы органов милиции. Советская милиция создавалась как орган охраны революционного порядка.

Рабочая милиция строилась по принципу добровольности, в отдельных случаях – на принципах повинности, вводимых Советами. Милиция выступала как орган государственной власти, в то же время не имея штата постоянных профессиональных работников, органы милиции носили характер массовых самостоятельных организаций трудящихся.

20 ноября 1917 г. Ярославский военно-революционный комитет доложил Совету рабочих и крестьянских депутатов о ситуации с милицией и предложил заменить старую милицию всенародной милицией, которая будет пополняться за счет избираемых в её состав рабочими всех фабрик и заводов; при этом такая милиция будет отражать все контрреволюционные выступления и защищать завоевания революции [1].

Сразу после революции, с момента организации советской милиции ярославским милиционерам пришлось выполнять самые различные функции. При этом сотрудникам милиции и уголовного

розыска приходилось действовать самостоятельно, так как никаких директив, приказов, обозначающих сферу деятельности органов правопорядка, не поступало. Им приходилось наблюдать за правопорядком на улицах, искать преступников, оформлять паспорта и различные справки, следить за санитарным состоянием населенных пунктов, заниматься вопросами детской беспризорности, а также бороться с антикоммунистическими и антисоветскими проявлениями, пресекать попытки саботажа мероприятий советской власти, «обращать внимание на подозрительные дома и притоны, где укрываются воры, и на основании этого принимать меры к их закрытию» [2].

А. Ф. Грачев приводит воспоминания сотрудника Ярославского уголовного розыска К. И. Орловского: «Милиция тогда не отвечала тому названию, которое она имеет теперь. Мы были просто солдаты. И жили в казармах. И выходили по команде взводного начальника. Мы шли на станцию, как заградительный отряд, выезжали в села по хлебной реквизиции, ловили грабителей в деревнях. Но милиции как таковой тогда не было... И служба была трудная» [3]. Многие уходили из рядов милиции, так как такая работа была им непонятна. Сотрудникам милиции приходилось «гоняться» за преступниками, производить розыски, выполнять те задачи, которые они не были в состоянии выполнить. Но, тем не менее, уже в декабре появились первые герои уголовного розыска: погибшие при исполнении своих обязанностей Каменский и Хайкин и тяжело раненные Шахров и Глебезов [4].

В середине 1918 г. НКВД обязал местные Советы уволить из рядов милиции всех настроенных враждебно или просто нейтрально по отношению к Советской власти, тех, кто недобросовестно выполняет возложенные на них обязанности. «Милиция – орган Советской власти. Поэтому не может быть никакой речи о нейтральности, безучастности милиции по отношению к борьбе рабочего класса и беднейшего крестьянства со своими как внутренними, так и внешними врагами». НКВД четко прописал, что в органах уголовного розыска не могут находиться лица, хоть и незаменимые специалисты, участвовавшие в политическом сыске до Октябрьской революции.

В инструкции по организации советской милиции прописано, что в милицию могут приниматься признающие Советскую власть, имеющие активное и пассивное избирательное право, достигшие 21 года, грамотные, руководящий состав предоставлял рекомендации от социалистических партий, стоящих на платформе Советской власти, профсоюзов или местных Советов. На практике при реализации положений Инструкции возникали проблемы. Большинство сознательных представителей трудящихся находились на фронтах Гражданской войны, не хватало денежных средств, обмундирования, вооружения. Местные Советы стали отступать от точного выполнения Инструкции, и поэтому в органах милиции появились «морально неустойчивые» элементы и иногда бывшие полицейские.

Для решения насущных проблем сотрудники милиции и уголовного розыска проводили собрания. Состояние дел органов правопорядка было тяжелым. И. Д. Шамрай, начальник уголовной милиции, подготовил доклад для административного отдела Губисполкома. В нем он указывал, что с 20 июля по 20 августа было раскрыто 45 преступлений, состояние уголовно-розыскного дела не на высоте, просил вооружить сотрудников уголовного розыска огнестрельным оружием, снабдить фонарями, дать ездовую лошадь и многое другое. Также указал, что ответственные сотрудники уголовной милиции стоят на советской платформе, знают сыскное дело, преступный элемент, быстро раскрывают преступления, энергичные и честные работники [5].

5 октября 1918 г. была создана коллегия НКВД, которая постановила, что во всех населенных пунктах РСФСР для охраны революционного порядка и борьбы с бандитизмом путем негласного расследования уголовных преступлений, при всех губернских управлениях и в городах с численностью не менее 40 000–45 000 человек учреждаются отделения уголовного розыска во главе с начальником, состоящие из необходимого количества сотрудников. Был организован отдел – Центральное управление уголовного розыска (Центророзыск). Руководство и контроль Губернским и городскими отделениями уголовного розыска осуществлял Центророзыск, который утверждал назначаемых отделом милиции при Губисполкомах на местах начальников УГРО губернии. При уездных и районных управлениях милиции стали учреждать уголовно-розыскные или уголовно-следственные столы, находящиеся в ведении начальника милиции или его помощника. Следствие и розыск осуществляют старшие милиционеры или временно прикомандированные агенты губернского управления УГРО [6]. Уголовный розыск как часть единой милицеской системы также подчинялся и местным Советам, которые оказывали посильное содействие в налаживании розыскной работы. На плечи сотрудников уголовного розыска ложилась борьба с преступностью, бандитизмом, кражами. Для корректного выполнения возложенных обязанностей сотрудники УГРО пользовались определенными льготами [7].

Положение об организации отдела уголовного розыска от 5 октября 1918 г. позволило поставить работу органов сыска на нормальные правовые рельсы. НКВД постановило помогать в воспитании профессиональных работников уголовного розыска путем организации курсов и по-

вышения их знаний, а также технического оснащения. Осуществить эти положения не получилось из-за сложной обстановки в стране. Отмечались и низкие показатели работы ярославского УГРО: «с 20 по 26 октября совершено преступлений – 39, раскрыто – 8, похищено вещей на сумму 12 087, а раскрыто на сумму 1135» [8]. Но были попытки введения в действие методов дактилоскопии и фотографического учета преступников [9].

25 октября приказом по Ярославскому губернскому управлению милиции сотрудники милиции были уведомлены о том, что на службе в уголовно-розыскных отделениях ни в коем случае не могут находиться бывшие сотрудники политического сыска, даже если они являются незаменимыми сотрудниками, таких приказывалось увольнять со службы в милиции немедленно без оплаты жалования вперед [10]. Предусматривались преференции для тех милиционеров, кто, по мнению руководства, являлся незаменимым сотрудником, но каждый раз необходимо было направлять ходатайство в Главное управление милиции об оставлении сотрудника на месте [11]. А к концу 1919 г. руководство милиции приняло решение принимать в исключительных случаях бывших полицейских, но при условии, что они не участвовали в полицейском сыске до революции и не запятнали свое прошлое [12].

Для усиления борьбы с контрреволюцией, бандитизмом, спекуляцией было принято решение об объединении сил ВЧК и милиции путем направления на работу опытных сотрудников ЧК и включения в коллегии управлений председателей местных ЧК.

В 1919–1920 гг. уголовный розыск проводил также и предварительное следствие. А в 1920 г. произошло слияние уголовного розыска и следственных органов для повышения качества борьбы с преступностью. В функции следственно-розыскной милиции входили предупреждение, пресечение, раскрытие, расследование уголовно наказуемых преступлений. Но в конце 1920 г. в связи с введением института следователей уголовная милиция прекратила осуществлять функции предварительного следствия [13].

К ноябрю 1920-го, ориентируясь на необходимость уточнения обязанностей всех подразделений милиции, главное управление опубликовало уточнения для работников уголовно-розыскной милиции. Агенты уголовной милиции обязаны были вести наблюдение за притонами, подозрительными местами, лицами, скрывающимися в них, путем обхода, облав, установления негласного надзора; статистику уголовных преступлений; собирать сведения о местах и времени совершенных преступлений, его последствиях; устанавливать личности виновных, разыскивать их, выявлять свидетелей, осуществлять сбор вещественных доказательств, их хранение и предоставление судебным и следственным органам; принимать жалобы от свидетелей, потерпевших и других лиц, знающих о происшедшем; вести допрос свидетелей; производить обыски, осмотры; производить задержание подозреваемых; осуществлять ведение следственных мероприятий; исполнение поручений суда и следственных органов; розыск преступников [14].

12 февраля и 17 сентября 1919 г. были подготовлены отчеты о ревизии губернского Уголовного розыска. Уголовный розыск осуществлял деятельность по борьбе с преступностью на территории всей губернии, а также контролировал работу Рыбинского уездного отделения УГРО. В уголовном розыске работал начальник отдела, два его помощника, пять инспекторов, семь их помощников, шесть старших агентов, 18 младших агентов и канцелярский и технический персонал. Сотрудники УГРО осуществляли следствие и дознание по особо важным делам, производили обыски, аресты, реквизиции, осуществляли слежку за преступниками и их арест.

Вооружением агентов являлись револьверы. Общежития не было, все сотрудники жили на частных квартирах, продовольствие получали по нормам, установленным для других категорий граждан. При управлении была организована публичная библиотека.

Управление уголовного розыска делилось на 1) канцелярию; 2) отдел судебно-медицинской фотографии; 3) гримировальный отдел; 4) отдел собак-ищек [15].

В конце августа 1920 г. была проведена проверка Ярославского губернского управления Уголовного розыска. Отделения уголовного розыска были организованы в Рыбинске и Ростове. В Ярославле и уезде самостоятельного уголовно-розыскного отделения или стола не было, а уголовно-розыскные функции в городе и уезде были сосредоточены в губернском управлении уголовно-розыска.

Штат губернского управления был на тот момент начальник розыска, шесть помощников, 10 агентов 1-го разряда, 11 агентов 2-го разряда, фотограф, регистратор преступников, три следователя. На отчетный период не было одного сотрудника 1-го разряда, делопроизводителя, сотрудников канцелярии, а также не работали следователи, которые были назначены, но не вступили в должность. При управлении работала канцелярия в составе секретаря, делопроизводителей, конторщиков и др. Финансирование осуществлялось из бюджета Отдела управления Губернского исполкома.

Ведение делопроизводства в целом было неудовлетворительное. Неправильно велось хранение вещественных доказательств, учет выданных гражданам вещдоков и выданных сумм, неверно вели учет арестованных (регистрацию осуществлял неуполномоченный сотрудник). Комиссия указала на необходимость предоставления транспорта губернскому уголовному розыску.

Дело розыска было оценено как удовлетворительное, раскрываемость была оценена в 40%. Комиссия посчитала, что помощники начальника, агенты 1-го разряда прекрасно усвоили вопросы ведения розыска, сыска, производства дознания, агенты 2-го разряда являлись новобранцами и только проходили обучение. В некоторых срочных случаях было отмечено неправильное производство арестов (проводились без ордеров).

Культурно-просветительская работа велась не активно в связи с загруженностью агентов розыска. При управлении имелась ячейка ВКП (б) численностью 20 человек. Имелась небольшая библиотека современной литературы. При управлении проводились собрания два-три раза в месяц, лекции два раза собственными силами. Специального финансирования этих мероприятий предусмотрено не было, за исключением ежемесячного вычета из жалования сотрудников.

В войсковом отношении губернское управление представляло из себя бригадную команду разведки. Занятий по подготовке сотрудников как разведчиков на отчетный период не проводилось [16].

Примечания

1. История Ярославской милиции / под общ. ред. Н. И. Трифонова, ред.-сост. А. В. Шиханов. Ярославль: Аверс Плюс, 2010. С. 17.
2. ГАЯО Ф. Р-1181 оп. 1 ед. хр. 1. С. 1.
3. *Грачев А. Ф.* Объявлен розыск: краткий очерк истории ярославской милиции. УВД Яросл. облисполкома. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1988. С. 10.
4. *Мухо А.* Ровесница Октября // Политическая агитация: журнал отдела пропаганды и агитации Ярославского Обкома КПСС. 1987. № 20. С. 26.
5. ГАЯО Ф. Р-1363 оп. 1 ед. хр. 10. С. 171.
6. ГАЯО Ф. Р-1363 оп. 1 ед. хр. 22. С. 22.
7. ГАЯО Ф. Р-1363 оп. 1 ед. хр. 40. С. 91–92; *Грачев А. Ф.* При исполнении служебных обязанностей // Северный рабочий. 1976. № 15. С. 27.
8. ГАЯО Ф. Р-1363 оп. 1 ед. хр. 11. С. 143.
9. Советская милиция: история и современность / под ред. А. В. Власова. М.: Юрид. лит., 1987. С. 50.
10. ГАЯО Ф. Р-1363 оп. 1 ед. хр. 1. С. 32.
11. ГАЯО Ф. Р-1363 оп. 1 ед. хр. 23. С. 24.
12. ГАЯО Ф. Р-1363 оп. 1 ед. хр. 82. С. 1.
13. Советская милиция: история и современность / под ред. А. В. Власова. М.: Юрид. лит., 1987. С. 52–54.
14. ГАЯО Ф. Р-1363 оп. 1 ед. хр. 103. С. 47.
15. ГАЯО Ф. Р-1363 оп. 1 ед. хр. 151. С. 119; ГАЯО Ф. Р-1363 оп. 1 ед. хр. 57. С. 40.
16. ГАЯО Ф. Р-1363 оп. 1 ед. хр. 167. С. 1–3.

Notes

1. Istorija YAroslavskoj milicii – The history of the Yaroslavl police / under the general editorship of N. I. Trifonova, ed. A. V. Shihanov. Yaroslavl: AVERS Plus. 2010. P. 17.
2. SAYaR (State Archive of Yaroslavl region). F. P–1181, sh. 1, stor. unit 1. P. 1.
3. Grachev A. F. Ob"yavlen rozysk: kratkij ocherk istorii yaroslavskoj milicii [Wanted: a short history of the Yaroslavl police. DIA Yar. Executive Committee]. Yaroslavl. Upper-Volga book publishing house. 1988. P. 10.
4. Mukho A. Rovesnica Oktyabrya [Coeval of October] // Politicheskaya agitaciya: zhurnal otdela propagandy i agitacii YAroslavskogo Obkoma KPSS – Political campaigning: journal of the Department of propaganda and agitation of the Yaroslavl regional Committee of the CPSU. 1987, No. 20, p. 26.
5. SAYaR F. P–1363 sh. 1 stor. unit 10. P. 171.
6. SAYaR F. P–1363 sh. 1 stor. unit 22. P. 22.
7. SAYaR F. P–1363 sh. 1 stor. unit 40. Pp. 91–92; Grachev A. F. Pri ispolnenii sluzhebnyh obyazannostej [In the line of duty] // Severnyj rabochij – Northern worker. 1976, No. 15, p. 27.
8. SAYaR F. P–1363 sh. 1 stor. unit 11. P. 143.
9. Sovetskaya miliciya: istoriya i sovremennost'- Soviet police: history and modernity / ed. by A. V. Vlasov. M. Yurid. lit. 1987. P. 50.
10. SAYaR F. P–1363 sh. 1 stor. unit 1. P. 32.
11. SAYaR F. P–1363 sh. 1 stor. unit 23. P. 24.
12. SAYaR F. P–1363 sh. 1 stor. unit 82. P. 1.
13. Sovetskaya miliciya: istoriya i sovremennost'- Soviet police: history and modernity / ed. by A. V. Vlasov. M. Yurid. lit. 1987. Pp. 52–54.
14. SAYaR F. P–1363 sh. 1 stor. unit 103. P. 47.
15. SAYaR F. P–1363 sh. 1 stor. unit 151. P. 119; SAYaR F. P–1363 sh. 1 stor. unit 57. P. 40.
16. SAYaR F. P–1363 sh. 1 stor. unit 167. Pp. 1–3.

Лингвистические модели английских пословиц: структурно-типологический аспект

В статье обосновывается моделируемый характер паремиологического фонда английского языка, и в качестве конкретного воплощения структурной основы пословичных фразеологических единиц рассматривается синтаксическая конструкция. Модель как структурно-семантический инвариант пословичных паремий представлена в единстве ее переменных компонентов и констант, включающих структуры, передаваемые расположением и лингвистическим содержанием компонентов, и фактуры – конкретные слова и словосочетания, составляющие арифметические элементы модели.

Предмет исследования вначале анализируется индуктивно (в плане схождения между структурами), что позволяет раскрыть особенности наполнения и разновидности моделей. На втором этапе работы индуктивный подход дополняется дедуктивным: эмпирический материал рассматривается синтаксически, через нормативную теорию частей речи и членов предложения, с последующим выделением моделей и их классификацией.

В статье разрабатываются принципы упорядочения паремиологических структур, характеризуются логические операции по выделению моделей, их вариантов (псевдомодели, формодели, собственно модели) и разновидностей, создаваемых за счет изменения их состава (макси-, мини- и эквимодели), а также дается характеристика сложных, усложненных и простых синтаксических структур, лежащих в основе выделенных построений.

Авторы проанализировали модели английских пословиц с точки зрения их синонимичности и вариабельности, обосновали их внутреннюю структуру и классифицировали виды ореолов моделей – синтагматический, парадигматический и стилистический. Опыт описания моделей пословиц английского языка может быть востребован в области структурной паремиологии, типологических исследованиях, а также при осуществлении дискурсивно-когнитивного моделирования для уточнения базовых семантических структур паремий и дальнейшего рассмотрения их функционирования.

The article is focused on elaborating a system of proverbial models, the syntactical construction being viewed as their structural basis. Model as the structural-semantic invariant of a proverb has been represented as the unity of its variable and constant elements. The latter include structures, rendered by the location and linguistic contents of the components, and factures, the concrete words and word combinations making up the elements of the models.

The subject of research is analysed inductively first (from the point of view of similarity of structures), which helps to reveal the peculiarities of contents and kinds of models. Then the inductive approach is supplemented by the deductive one: the empirical material is considered syntactically (from the point of view of the normative theory of parts of speech and members of the sentence), with the following formation of models and their classification.

The paper puts forward some principles of ordering of paremiological structures, dwells on logical operations associated with discrimination of different types of models (pseudo-models, formal models, models proper) and their varieties depending on their composition (maxi-, mini- and equimodels), and also provides a survey of compound, complicated and simple syntactical structures involved in proverbial models.

The authors have studied synonymity and variability of models, their internal structure and classified kinds of model halos (syntagmatic, paradigmatic and stylistic halos). The undertaken study may contribute to structural paremiology, typology and cognitive modelling.

Ключевые слова: паремиология, пословицы, структурно-семантическое моделирование, модель, ореол модели, вариант модели.

Keywords: paremiology, proverbs, structural-semantic modelling, halo, model's variant.

Современные паремиологические исследования характеризуются особым интересом к проблеме лингвистического статуса пословиц, аспектам их семантики и прагматики, вопросу о возможностях и границах их моделирования. В структурной паремиологии упор делается на труды Г. Л. Пермякова, А. К. Жолковского и др. [1] Остаются актуальными, например, семиотические

подходы к изучению пословичных фразеологизмов, позволяющие выделить инвариантные структурно-смысловые единицы, «архитектурные формулы» пословиц с опорой на присущую им бинарность, отмеченную в работах Н. М. Шанского и Г. Л. Пермякова. При этом акцент всё чаще переносится со структуры на семантику пословичных речений, что связано в том числе и с актуальностью синтаксической семантики как области теории синтаксиса, изучающей структуры смысла предложения или текста, положения которой широко используются при создании лингвистических моделей, структурных и семантических. Структурная схема предложения, будучи единицей структурного моделирования, отражает синтаксический строй предложения, в то время как в семантической модели находит выражение обобщенно-абстрактное значение предложения. В процессе исследования должны быть установлены взаимодействия двух названных уровней моделей [2].

Нашей целью служит выявление и анализ моделей паремий, в частности пословиц английского языка, к которым применимы названные принципы синтаксического моделирования, поскольку принципиально по своей структуре они являются предложениями. Проблема заключается в том, что пословицы принадлежат к фразеолону языка, к которому понятия модели, моделирования до недавних пор считались неприложимыми: основным качеством фразеологизма признавалась иррегулярность, как формальная, так и семантическая. Индивидуальная структура, образность, национальная специфичность, семантическая неповторимость, дословная непереводаемость на другой язык, утрата внутриккомпонентных связей – иначе говоря, идиоматичность фразеологических единиц – была главным аргументом тех лингвистов, которые отказывались признавать их моделируемый характер.

Мы придерживаемся противоположной точки зрения и полагаем, что конкретным воплощением структурной модели ФЕ является синтаксическая конструкция. Первое приближение к эмпирическому материалу показывает, что принципиальных различий между структурно-синтаксическими моделями пословиц и свободных предложений нет.

Под структурной фразеологической моделью мы вслед за В. М. Мокиенко понимаем тип синтаксических конструкций, по которому образуется ряд устойчивых сочетаний. Структурная модель – каркас фразеологизма, обеспечивающий его устойчивость и воспроизводимость, в определенной мере она регулирует его семантическую тождественность [3].

Выстраивание структурных моделей пословичных фразеологизмов позволяет выявить типичную семантику их наполнения. Например, эмпирически нами была выделена модель Like N1, like N2. Содержание пословиц, построенных по ней, отражает взаимосвязь явлений, их причинно-следственную обусловленность. Модель не может быть широкой, поэтому значение ее компонентов ограничено: N1 и N2 должны находиться в отношении подчинения: Like father, like son; Like mother, like daughter; Like master, like man. Большая часть пословиц, построенных по модели Every N1 has one's N2, соответствует следующему суждению: «во всём хорошем есть свои неприятные стороны»: Every rose has its thorn; Every sweet has its sour; Every pleasure has a pain; Every gain has its loss. N1 и N2 в данной модели обязательно антонимичны, причем N1 обозначает нечто приятное, желанное, искомое, а N2 – неприятное, болезненное, избегаемое.

Структурные и семантические константы в данных примерах взаимосвязаны, что является обязательным онтологическим условием фразеологической модели, под которой мы понимаем «структурно-семантический инвариант устойчивых сочетаний, схематически отражающий относительную стабильность их формы и семантики» [4].

Для пословиц характерны соотносительные сцепления слов и сочетаний, входящих в них: парность, параллелизм построений, повтор, сбалансированные фразы, рифма (в т. ч. неточная), ассонанс, аллитерация, ритмизация, использование синонимов, антонимов, паронимов и других семантически соотносящихся лексем. В связи с тем что эти стилистико-конструктивные приемы организации пословичных речений универсальны, мы не могли исходить из них при определении принципов моделирования данных паремий: они не отграничивают одно формальное построение от другого и не выделяют содержательную характеристику модели.

Модели мы изображали с помощью поверхностных символов, в первую очередь частей речи (N, Adj, Adv, prep), а затем и членов предложения (Obj, Adv.m.); выделялись также словосочетания, возглавляемые частью речи: NP (Noun-phrase), VP (Verb-phrase), AdjP (Adjective-phrase) и др.

При моделировании допускались неточности и генерализации, которые позволяли наиболее обобщенно отразить состав, содержание и сущность модели. Так, N могло включать: парадигматически – местоимение, герундий, числительное, придаточное предложение; синтагматически – детерминативы существительного (артикл, неопределенные местоимения some, any, no, указательное местоимение this, притяжательные препозитивные местоимения my, his – также в рефлексивной форме с own).

V могло включать: синтагматически – все его словоформы (синтетические и аналитические); парадигматически – все усложнения глагола, которые можно оценить как составное глагольное сказуемое (основной глагол с его модальным, фазовым, аспектуальным модификатором); в глагол включались наречия дистрибуции во времени обозначаемого глаголом процесса, как если бы они служили аналитическими формантами времени, вида, таксиса, модальности: never, over, always, constantly; often, frequently, generally; seldom, rarely.

Adj. и Adv. могли включать квантитативные модификаторы (чаще наречия): very, exceedingly, rather, so, as, too.

Мы исходили из того, что модель не может быть слишком сложной в длину (линейно) и в глубину (линейно-конструктивно), поэтому при изучении материала постоянно приходилось делать обобщения, оправданность которых обосновывается не логически, т. е. единством лингвистической теории, а практически, удобством упорядочения эмпирически данного материала.

Хотя пословицы конкретного народа представляют собой теоретически исчислимые и ограниченные языковые единицы, их число очень велико, если учесть территориальные (Великобритания, США, Австралия, Канада и др.), диалектальные, хронологические и индивидуально-инновационные разновидности. Мы ограничивались основными англо-американскими паремиялогическими словарями, в первую очередь изданием “The Oxford Dictionary of English Proverbs”, а также отечественными источниками (Англо-русский фразеологический словарь А. В. Кунина, Словарь употребительных английских пословиц Я. Г. Биренбаума, М. В. Буковской и др.).

Перечисленные выше термины-понятия и их символы служат для обозначения переменных, то есть выступают в качестве алгебраических составных модели. Постоянные составные модели (константы) включают структуры, которые передаются расположением и лингвистическим содержанием компонентов, и фактуры – конкретные слова и словосочетания, составляющие арифметические элементы модели.

Оптимальным при исследовании моделей пословиц представляется двуступенчатый анализ. На первом этапе модели были рассмотрены нами индуктивно (в плане схождения между структурами). В первую очередь в поле зрения попадали парные модели, особенно их эллиптические варианты: One man, no man. Much meat, much malady. Deeds, not words и др.

Было отмечено, что выделенные модели, как правило, имеют ореол, т. е. более широкое окружение, которое в каких-то параметрах выходит за определение модели. В данном случае внутренняя часть модели становится ее ядром. Ореол модели может создаваться за счет переменного состава и вариаций постоянного состава. Кроме перечисленных понятий мы оперировали следующими разновидностями модели, создаваемыми за счет изменения состава и протяженности ее констант:

– *максимодель* – семейство моделей, имеющих общие черты, в ней имеет место добавление каких-либо элементов: No N1 without N2 → There is no N1 without N2 (No silver without dross → There is no silver without dross);

– *минимодель* – часть модели с более однородными свойствами, получаемая в результате сокращения элементов модели: It is better N1P than N2P → Better N1P than N2P (It is better an empty house than an ill tenant → Better an empty house than an ill tenant).

Мы могли оценить то или иное соотношение как максимодель/модель или как модель/минимодель в зависимости от количественного наполнения (модель более многочисленна и однородна, чем ее макси- или минимодель) и общей системы моделей.

Еще одна разновидность моделей – *эквимодель*. Она создается за счет вариации константных элементов, например: Great N1 and/be little/small N2 (Great boast, small roast. Great cry and little wool. Great talkers are little doers).

В результате анализа 986 пословичных ФЕ мы выделили несколько десятков построений, подлежащих систематизации. Индуктивный подход позволил раскрыть особенности их архитектуры и разновидности моделей в зависимости от переменного состава и вариаций постоянного состава, протяженности констант и др.

На втором этапе исследования был осуществлен индуктивно-дедуктивный анализ: полученный материал был рассмотрен синтаксически, с последующим выделением статистических «сгустков» как моделей и их классификацией (частотные построения, формодели, собственно модели).

Была разработана следующая шкала упорядочения:

- 1) одиночный переменный – два переменных – три переменных;
- 2) место переменного (считается в словах, в том числе учитываются служебные слова и артикли);
- 3) при совпадении всех показателей критерием упорядочения становится простой алфавит константной части;

4) переменные располагаются в следующем порядке: термин части речи (N, V, Adj., Adv., Prep.) – термин словосочетания во главе с частью речи (NP – VP – AdjP и т. д.) – термин члена предложения (Subj. – Obja – Obji – Objprep. – Loc – Temp – Qual – Purp – Cond – Conc) – термин условного предложения (ИП – с инфинитивной конструкцией, ГП – с герундием, ПП, ППП – с причастиями I и II) – термин сложного предложения (сложносочиненного – ССП, сложноподчиненного – СПП);

5) за двумя однородными переменными следуют две неоднородные переменные в порядке их расположения, например: N1N2 – NV1 – NAdj – NAdv – Nprep и т. д. (сначала в прямом порядке, затем – в обратном).

При таком подходе приходится разграничивать частотные построения и модели. Частотные построения можно назвать псевдомоделями.

При выделении моделей дедуктивно-индуктивным путем процедура распадается на три этапа:

1) группировка моделей и их вариантов по синтаксическим моделям, намеченным выше (*псевдомодели*);

2) поиск лексических совпадений (например, большое количество V=make в псевдомодели Adj1N1VAdj2N2), стилистических соответствий (синонимы, антонимы, аллитерация, параллелизм, рифма и т. д.). На этом этапе обнаруживаются *формодели* (формальные модели);

3) попытка найти обобщающее значение, объединяющее все эти формодели по смыслу. Если она оказывается успешной, мы регистрируем *модель* (например, No N1 without N2: «в любом хорошем есть неприятные стороны»).

Дедуктивно-индуктивный подход к моделированию английских пословиц был осуществлен с точки зрения синтаксиса предложения в терминах традиционной синтаксической модели частей речи и членов предложения. Задача упростилась в связи с тем, что, хотя пословичные предложения – это принципиально любые высказывания современного английского синтаксиса, несколько архаизированные и с тенденцией переходить в ритмическую прозу и поэзию, в их структуре имеются по меньшей мере две явные тенденции: к коагуляции, или группировке вокруг отдельных исторически сложившихся конструкций, и к краткости. Встречаются длинные, сверхдлинные пословичные речения, трех- и многочленные (One thing at a time and that done well is a very good thing, as many can tell), однако такие построения единичны, краткость и двучленность преобладают.

Для выделения моделей мы разделили все пословичные предложения на три типа: сложные, усложненные и простые, которые могут накладываться друг на друга изнутри, поскольку один и тот же компонент может одновременно включаться в разные построения, и извне, так как одно предложение, особенно сложное или усложненное, может включать в себя два или более разных построений.

Сложные модели (СП) – сложные предложения. Из двух классификаций сложных предложений (сложносочиненные – сложноподчиненные; коннекторные – бесконнекторные) мы составили последовательную логически смешанную систему:

1) ССП = П and П, П but П, ПØП, где П – простое предложение;

2) СПП = if ПП – ГП ГП – before ПП и т. д. (ПП – придаточное, ГП – главное предложение);

3) П – П (парные сбалансированные модели).

Такая непоследовательность оправдана характерной для пословиц парностью. Парность – настолько универсальный и сильный признак пословиц, что он оправдывает нарушение системности в перечислении моделей.

Усложненные модели (УП) – такие же сочетания двух неравноправных элементарных предложений, как ССП, только придаточное трансформировано в комплекс (со своим подлежащим) или оборот (без самостоятельного подлежащего) с инфинитивом (ИП), герундием (ГП) или одним из причастий (ПП, ППП) вместо личного глагола или прилагательным (AdjП), существительным (NP) или наречием (AdvП) при стирании глагола-связки в составном именном сказуемом.

Однако на это деление по видам неличных форм накладывается и перекрывает его деление по конструкциям с неличными формами: сложное дополнение (Objective-with-the-Infinitive construction), абсолютный номинативный комплекс и т. д.

Простые предложения (П), по сравнению с двумя другими разрядами предложений, могут дать больше моделей в силу своей краткости, способности закрепляться в памяти как некие штампы.

Исходные модели мы сгруппировали вслед за многими синтаксистами (З. Харрис, Л. С. Бархударов) как восемь ядерных предложений с некоторыми изменениями: 1) NVi; 2) N1VtN2; 3) N1 have N2; 4) N be PII; 5) X (be) Y; 6) N1 be N2; 7) N be Adj.; 8) There be N.

Даже перечисленные построения могут служить специфическим целям в самом общем виде, и потому могут расцениваться как очень широкие модели. Например, П мало приспособлено для выражения условной зависимости между пропозициями. Если же уточнить в моделях союзы, предлоги, зависимые слова, то многие из них могут стать конкретными и полезными.

В этих терминах Subj., Obj. оказываются избыточными, поскольку совпадают с N1 и N2, например в цепочке N1VtN2. В то же время они могут пригодиться, если N1 и N2 выражены как-то иначе, чем с помощью существительных, и нет возможности углублять и детализировать модель.

Такое же обобщение возможно при замене конкретного союза в ПП на функцию ПП, например вместо if ПП, unless ПП, provided ПП и др. можно употребить ППcond.

Наиболее распространенные уточнения – замена VP на V+Temp., V+Loc., V+Objprep. и т. д.; NP – на Adj+N, N1prep.N2; ИП – на Иrurp.П, Иsubj.П. Предел уточнения – замена переменных на константы (слова, морфемы, сочетания).

В ходе второго этапа анализа эмпирического материала были выделены 75 моделей разных рангов, расположенные в последовательности: простое предложение (в порядке перечисленных моделей), усложненное предложение, сложное предложение с парными сбалансированными моделями, сложносочиненное и сложноподчиненное предложение. Их подробная характеристика потребует объемной публикации, пока же приведем один из примеров описания модели:

[...] 7. Псевдомодель N1VN2 (Cheek brings success. Curiosity killed the cat.)

7а. Модель N1 make N2.

1) причинная обусловленность N2 – N1:

Haste makes waste. Waste makes want. Need makes greed. Money makes marriage. Company makes feast. Plenty makes poor.

Ореол: Plenty makes poor.

2) N1 – нечто внешне характеризующее N2, но внутренне несущественное: Money makes the man. Clothes (do not) make the man. The cowl does not make the monk.

3) Ореол: Prosperity makes friends, adversity tries them. It takes all kinds to make the world.

4) Возможные трансформы: It is N1 that makes N2; Where there is N1, there is N2.

5) Синонимичная модель: N1 breed (beget) N2: Plenty breeds pride. Poverty breeds strife. Familiarity breeds contempt. Length begets loathing.

Ореол: One suit of law breeds twenty.

6) Синонимичная модель: Of N1 comes N2: Of saving cometh having. Of sufferance cometh ease (rest). Of idleness cometh no goodness. Of little meddling cometh great rest (ease).

Выделение и исследование моделей позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, модели могут взаимодействовать, так что одна модель может без изменения смысла пословицы превращаться в другую, что придает паремии варибельность:

No N1 without N2 – There is no N1 without N2 – No N1, No N2.

N1 abstr. is parent to/of N2 abstr. – N1 makes (begets, breeds, drives out) N2.

N1 makes N2 – It is N1 that makes N2 – Where there is N1, there is N2.

You cannot know (judge, tell) N1 by its N2 – N2 does not make N1.

There is no N1 without N2 – Every N1 has N2.

(It is) better (Adj)N1 than (Adj)N2 – (Adj)N1 is better than (Adj)N2.

Словари обычно приводят одну форму пословицы, которую их составители считают основной, или инвариантной, и лишь в примерах приводят варианты, которые могут строиться по иным моделям. Выбор инварианта может быть историческим (в этом случае он делается по наиболее раннему варианту, как в Оксфордском словаре или словаре Апперсона), традиционным (по форме в большинстве уже имеющихся словарей) или статистическим (по большинству отобранных примеров, как в словаре употребительных английских пословиц Я. Г. Биренбаума, М. В. Буковской и др.).

Во-вторых, модели часто, а, возможно, как правило, имеют ореол, т. е. более широкое окружение (внутренняя часть модели – ее ядро). Ореол может быть трех видов:

– синтагматический ореол, то есть прибавление к модели новых членов, которое может быть как внешним, так и внутренним (в последнем случае разворачивается один элемент модели);

– парадигматический ореол, когда более конкретные термины заменяются более обобщающими, например: Adj+N – NP; V+Loc – VP.

– стилистический ореол, когда в составе модели появляются повтор, парность, параллелизм, сбалансированность; рифма, ассонанс, аллитерация, синонимия, антонимия, гипонимия.

В-третьих, наряду с моделью можно выделить ее максимодель, минимодель, эквимодель.

В-четвертых, модели могут быть конечными по справочникам и словарям, т. е. относительно закрытыми, и открытыми, наполненными большим количеством примеров, которые вряд ли

можно исчерпать. Однако на данном этапе исследования вряд ли можно с уверенностью утверждать, что относительно закрытые модели действительно закрыты (непродуктивны). Они могут наполняться при исследовании исторических, диалектальных сборников, афоризмов, крылатых фраз, закрепляющихся цитаций и пр., из поговорок и идиом, развернутых в предложения или включенных в сентенции, синтаксически свободные построения высокой частотности, обусловленной их коммуникативной значимостью.

Важным источником наполняемости модели являются варианты пословиц, инвариант которых строится по совсем иной модели или таким образом, что не попадает в число моделей. Важно, что эти варианты распространены в речи, при построении пословицеобразных фраз, или окказиональных пословичных речений. Возможность окказиональных пословиц позволяет нам говорить об открытых и относительно закрытых моделях. При этом отметим, что пословицы – устойчивый фонд языка, а не речи, поэтому, как морфемы, слова, принципиально конечны.

В последние годы в науке неоднократно говорилось о недостаточности системно-структурных исследований пословиц, необходимости перейти к дискурсивно-когнитивному моделированию паремий (Н. Ф. Алефиренко, О. Б. Абакумова). Подобного рода работы уже появились: так, О. Б. Абакумова разработала коммуникативную модель, описывающую реализацию пословичного смысла в деятельности ключе, А. С. Малкова представила семантику пословиц в русле когнитивной лингвистики, обобщив ее в аспекте создания формализованных моделей реальности [5]. При этом и традиционные структурные подходы имеют существенное значение. Опыт лингвистического описания моделей пословиц английского языка может быть востребован в области структурной паремиологии, типологических исследованиях, а также при осуществлении дискурсивно-когнитивного моделирования для уточнения базовых семантических структур паремий и дальнейшего рассмотрения их функционирования.

Примечания

1. См.: Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988; Баевский В. С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М., 2001; Жолковский А. К. К описанию выразительной структуры паремий // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка / под ред. Г. Л. Пермякова. М., 1978. В этом же сб.: Дандес А. О структуре пословицы.

2. См.: Савина С. Н. К вопросу о построении структурно-семантической модели предложения // Структурно-семантические аспекты романо-германских языков на морфологическом и синтаксическом уровнях. Киров, 1985. С. 102–107.

3. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1989. С. 51.

4. Там же. С. 53.

5. Абакумова О. Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2013; Малкова А. С. Разработка представления семантики ценностно-ориентированных текстов в базе знаний: дис. ... канд. техн. наук. М., 2011.

Notes

1. See: Permyakov G. L. Osnovy strukturnoj paremiologii [Fundamentals of structural paremiology]. M. 1988; Baevsky V. S. Lingvisticheskie, matematicheskie, semioticheskie i komp'yuternye modeli v istorii i teorii literatury [Linguistic, mathematical, semiotic and computer models in the history and theory of literature]. M. 2001; Zholkovskiy A. K. K opisaniyu vyrazitel'noj struktury paremij [To the description of the expressive patterns of paremias] // Paremiologicheskij sbornik. Poslovica. Zagadka – Paremiological collection. Proverb. Mystery / ed. by G. L. Permyakov. M. 1978. In the same collection: Dandes A. O strukture poslovicey [On the structure of proverbs].

2. See: Savina S. N. K voprosu o postroenii strukturno-semanticheskoy modeli predlozheniy [To the question of the construction of the semantic-structural model] // Strukturno-semanticheskie aspekty romano-germanskih yazykov na morfologicheskom i sintaksicheskom urovnyah – Structural-semantic aspects of Romano-Germanic languages on morphological and syntactic levels. Kirov. 1985. Pp. 102–107.

3. Mokienko V. M. Slavyanskaya frazeologiya [Slavic phraseology]. M. 1989. P. 51.

4. Ibid. P. 53.

5. Abakumova O. B. Poslovichnye koncepty v paremicheskom diskurse: dis. ... d-ra filol. Nauk [Proverbial concepts in paremic discourse: dis. ... Dr Philology]. Orel. 2013; Malkova A. S. Razrabotka predstavleniya semantiki cennostno-orientirovannyh tekstov v baze znaniy: dis. ... kand. tekhn. Nauk [Development of representations of semantics of value-oriented texts in the knowledge base: dis. ... Cand. Tech. Sciences]. M. 2011.

Языковые средства экспликации субъекта дискурса

В данной статье рассматривается проблема экспликации субъекта дискурса с помощью разноуровневых языковых средств. Материалом для анализа послужили английские и русские юридические тексты различной жанровой принадлежности. Автор исходит из гипотезы, что каждый текст несет в себе определенные антропологические следы. Субъект как автор текста находит в нем эксплицитное или имплицитное выражение. В работе субъект дискурса рассматривается как категория, устроенная по полювому принципу «центр – периферия». Все языковые средства, участвующие в репрезентации субъекта, распределены по степени удаленности от центра следующим образом: ядерные языковые единицы, периферийные языковые средства, приближенные к центру, и периферийные языковые средства, максимально отдаленные от центра.

The paper deals with the issue of subject representation using linguistic tools of different language levels. The analysis is a case-study of English and Russian legal texts. The author suggests that each text has anthropological signs. The subject as an author of the text may be represented explicitly or implicitly. The discourse subject is dealt with as a category organized on the field basis "centre – periphery". All the linguistic tools used to represent the subject are categorized according to the remoteness from the centre: central, near-peripheral, and far-peripheral units.

Ключевые слова: субъект, дискурс, репрезентация субъекта, категория.

Keywords: speaking subject, discourse, subject representation, category.

Каждый текст несет в себе определенные антропологические следы, следы присутствия индивидуального, творческого, неповторимого «я», которое является конститутивным свойством человека. Субъект как автор дискурса находит в нем эксплицитное или имплицитное выражение посредством языковых единиц разных уровней. Как заметил М. Фуко, текст всегда несет какое-то число знаков, отсылающих к автору [1]. Созвучны М. Фуко и слова Ю. А. Ладыгина, который пишет, что «авторская информация складывается из всего текста на основе его различных элементов» [2].

Согласно ономаσιологической точке зрения, одна и та же содержательная категория может выражаться разноуровневыми языковыми средствами – лексическими, морфологическими, синтаксическими. Категория субъекта дискурса также получает разное языковое оформление и может быть репрезентирована эксплицитно или имплицитно посредством языковых единиц разных уровней в силу способности субъекта варьировать от определенного, конкретного до полной бессубъектности, подобно «кинооператору, стремящемуся запечатлеть изображаемое с разных точек зрения» [3].

В настоящей работе мы рассматриваем категорию субъекта как поле, имеющее центр и периферию. Для центра характерна «максимальная концентрация признаков, определяющих качественную специфику данного единства» [4], оно наиболее специализировано для выражения той или иной категории, а периферийные единицы репрезентируют субъекта с разной степенью имплицитности.

Рассмотрим **ядерные языковые средства экспликации субъекта** на материале англоязычных и русскоязычных текстов юридического дискурса:

1) **языковые средства я-парадигмы:** рус. *я, меня, мне, мной*; англ. *I, me*: **Мной** в прокуратуру Кировского района было направлено заявление о возбуждении уголовного дела. **I do not know how anyone could disagree with the habeas court's conclusion.**

Прототипическим способом актуализации присутствия субъекта в дискурсе служит личное **местоимение «я»**. Субъект в 1-м лице единственном числе является, как полагает Л. М. Ковалева, прототипическим субъектом [5], поскольку субъекты «в остальных формах лица и числа допускают «деперсонализацию высказывания» [6];

2) **притяжательные местоимения 1-го лица единственного числа** *мой, моя, мое, мои, ты*: **Решение должно быть доведено до моего сведения в установленный законом срок. I authorize my Personal Representative to administer my estate independently without adjudication, order or direction of any court;**

3) **морфологические средства** – личные окончания русского глагола 1-го лица единственного числа (*ходатайствую, полагаю, прошу* и др.): *Прошу рассмотреть данную повторную жалобу в моё отсутствие;*

4) **средства выражения субъективной модальности.** Категория субъективной модальности как отражение антропоцентрического свойства языка выражает отношение субъекта к содержанию высказывания, его оценку действительности, позицию, с которой он оценивает действительность, и также может рассматриваться как одно из средств экспликации субъекта дискурса. Среди языковых средств реализации субъективной модальности, представленных в юридических высказываниях, выделим модусные предикаты (*полагать, считать, знать, suppose, believe, know* и др.), модальные слова, модальные глаголы, аксиологические предикаты и предикаты отношения, которые используются субъектом с целью:

4.1) выражения определенного отношения к последующему или предшествующему высказыванию: (1) *Other States set up pretensions of claim to some portions of the territory north of the Ohio, but they were of no value, as I suppose.* (2) *На основании изложенного полагаю, что жалоба соответствует критериям приемлемости.*

Предложение, предшествующее союзу *as* (2), и предложение, следующее после союза *что* (2), являются, по мнению Э. Бенвениста, подлинными высказываниями, а модусные предикаты (*suppose, полагаю*) – указателями субъективности [7]. Они придают утверждению определенный субъективный контекст – предположение, которое характеризует отношение субъекта к произносимому высказыванию;

4.2) выражения оценки действительности: *Adolescents as a class are undoubtedly less mature, and therefore less culpable for their misconduct, than adults. Статья 125 Конституции содержит неосомненную логику;*

4.3) указания на степень достоверности высказывания, уверенности субъекта (*несомненно, возможно, вероятно, разумеется, безусловно; perhaps, surely, no doubt, in fact, probably, evidently, in essence*): *Surely it is our duty not to remain silent when distinguishing between excess on the one hand and mistakes on the other. Конкретная оценка, разумеется, может затрагивать интересы третьих лиц;*

4.4) характеристики способов и приемов выражения своей позиции (*на самом деле, так сказать, точнее; more specifically, in short, indeed*): *На самом деле, Европейский Суд по правам человека выстроил целую систему гарантий прав иностранных граждан. Indeed if we are to look in the Award for a "fondation solide";*

4.5) выражения эмоционального отношения (*к сожалению; unfortunately, to be surprised, to regret*): *I regret that I am unable to concur with the conclusions of the Tribunal. К сожалению, Конституция РФ... не устанавливает даже принцип относительного Народовластия пунктом 3 статьи 135.*

Все языковые механизмы субъективной модальности связаны с «Я» субъекта, его внутренним миром, маркируют позицию субъекта дискурса, соотносясь с эмоционально-оценочным аспектом его «Я».

К **периферийным языковым средствам экспликации субъекта** мы отнесли:

– приближенные к прототипу (личное местоимение 1-го лица множественного числа *мы, we* и его вариативные формы *мы-парадигмы: нам, наш, нас* в русском, *us, our* в английском; личные окончания русского глагола в 1-м лице множественного числа *принимаем, заявляем, отзываются*; номинативные единицы типа *суд, истец, продавец, the court, the plaintiff, the purchaser*):

– максимально удаленные от прототипа (безличные и неопределенно-личные синтаксические конструкции).

Рассмотрим языковые средства, проявляющие большую степень сходства с прототипическим способом репрезентации субъекта. Одним из таких атипичических средств является местоимение *мы*. Субъект, выраженный местоимением *мы*, является атипичным [8] в силу того, что «множественная природа» данного местоимения уже предполагает размытость границ индивида. Наиболее ярким примером тому служит преамбула к Конституции США, в которой местоимение *we* отсылает нас к референтно размытому субъекту: *We the People of the United States, in Order to form a more perfect Union, establish Justice, insure domestic Tranquility...*

В юридическом дискурсе можно выделить несколько моделей употребления *мы*: *мы = я; мы = я + вы; мы = я + я; мы = я + он(и); мы = я + вы + они*. Первая модель – это употребление *мы* для обозначения одного субъекта. *Мы* выступает здесь либо как прием сокрытия я-субъекта в целях придания высказыванию свойства объективности и беспристрастности (в судебных решениях), либо предполагает единство я и Бога (в речах монархических особ). Приведем примеры из решения суда (1) и Указа императора (2): (1) *We observe in respect to the first, second, and third questions that they are not now open questions in this Court.* (2) *Мы желаем, дабы память безпримерного дела сего сохранилась до позднейших времен, вследствие сего повелеваем вам распорядиться ...*

В (1) употребление субъектом *we* для саморепрезентации не только позволяет устранить субъективный тон высказывания, но и подчеркивает единение субъекта-судьи со всем судебским корпусом. В (2) местоимение *мы* подчеркивает единение субъекта-императора с Богом.

Следующая модель – употребление *мы* для обозначения нескольких субъектов. Модель типична для коллективных жалоб и исковых заявлений: *Руководствуясь ст. 7 Конституции РФ, мы просим признать не соответствующими закону размеры тарифной ставки (оклада).*

Третья модель – реализация значения собирательности, обобщенной множественности: *We the People of the United States, in Order to form a more perfect Union, establish Justice, insure domestic Tranquility.*

В примере *we* указывает на коллективного субъекта, за которым не стоит личное имя. Это пустой знак, отсылающий к неопределенному референту.

Субъект также может быть эксплицирован различными вариативными формами *мы* – конструкциями с личными и притяжательными местоимениями в разных падежах: рус. *нас, нам, нами, наш(а)*, англ. *us, our* в английском.

К номинативным единицам экспликации субъекта относятся референтно-размытые имена нарицательные и собирательные, указывающие на статус лица: *For this reasons, the Court unanimously holds that it is unable to take cognizance of the merits of the case. Конституционный Суд Российской Федерации не находит оснований для принятия его жалобы к рассмотрению.*

К средствам импликации субъекта *мы* отнесли безличные и неопределенно-личные конструкции. В английском юридическом дискурсе можно выделить следующие виды неопределенно-личных конструкций:

1) неопределенно-личные конструкции с местоимением *it* в функции формального подлежащего и глаголом в страдательном залоге (*it is said, it is believed, it is expected, it is well-known, It is admitted, It is contended*, и т. д.);

2) неопределенно-личные конструкции с неопределенным местоимением *one* и модальным глаголом: *one could argue, one can easily construct*;

3) неопределенно-личные конструкции с модальным глаголом, местоимением *it* в функции формального подлежащего и инфинитивом страдательного залога (*it must be done, it might be objected, it should be noted*).

Обращение к пассивным конструкциям позволяет отойти от использования авторского «я», создать тон объективности и беспристрастности изложения [9].

Соккрытие субъекта высказывания позволяет освободить решение суда от субъективизма, что особенно актуально в деятельности суда.

В русскоязычном дискурсе в сокращении субъекта участвуют следующие конструкции:

– безличные конструкции с глагольным или именным безличным предикатом и субъектом в дательном падеже (*нам представляется*): *Нам представляется бесспорным, что Палата лордов более компетентна, чем наш Суд;*

– безличные конструкции с причастным или именным безличным предикатом и инфинитивом (*необходимо допустить, необходимо указать*): *Если уже ранее надзорная жалоба подавалась в надзорную инстанцию (например, в президиум суда субъекта РФ), необходимо указать на принятое решение суда;*

– безличные конструкции с глагольным/именным безличным предикатом и отрицанием (*нельзя не отметить*): *Нельзя не отметить, что он не всегда согласуется с принципиальными установками федерального законодательства о выборах;*

– безличное краткое страдательное причастие + изъяснительное придаточное (*установлено, что; доказано, что*): *В ходе судебного разбирательства было установлено, что спорным договором подряда фактически регулируются трудовые отношения между работником и работодателем;*

– безличные конструкции с модальными глаголами (*не может быть установлено, не может быть признано, не должно быть принято*): *Жалоба не может быть признана допустимой.*

Таким образом, проведенное исследование позволило выделить ряд основных лингвистических приемов, помогающих субъекту дискурса не только эксплицировать себя, но и, «обезличивая» дискурс, скрываясь за языковыми конструкциями и средствами, создавать тон объективности и видимость беспристрастности.

Примечания

1. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.
2. Ладыгин Ю. А. Автороцентрический подход к анализу прозаического художественного текста. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997.

3. Золотова Г. А. Говорящее лицо и структура текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М.: РАН, ИРЯ, 1995. С. 120–133.
4. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.: Едиториал УРСС, 2004.
5. Ковалева Л. М. Английская грамматика: предложение и слово. Иркутск, 2008.
6. Бодягина О. Л. Полифакторный подход к выбору актанта на роль подлежащего (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
8. Ковалева Л. М. Английская грамматика: предложение и слово. Иркутск, 2008.
9. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высш. шк., 1991.

Notes

1. Foucault M. Arheologiya znaniya [Archaeology of knowledge]. Kiev. Nika-Centre. 1996.
2. Ladygin Yu. A. Avtorocentricheskij podhod k analizu prozaicheskogo udozhestvennogo teksta [Authorcentric approach to the analysis of prose of artistic text]. Irkutsk. Publishing house of ISU. 1997.
3. Zolotova G. A. Govoryashchee lico i struktura teksta [Speaking person and the structure of the text] // YAzyk – sistema. YAzyk – tekst. YAzyk – sposobnost'- Language – system. The language – the text. Language as an ability. M. Russian Academy of Sciences, IRL. 1995. Pp. 120–133.
4. Admoni V. G. Osnovy teorii grammatiki [Foundations of the theory of grammar]. M. Editorial URSS. 2004.
5. Kovaleva L. M. Anglijskaya grammatika: predlozhenie i slovo [English grammar: the sentence and the word]. Irkutsk. 2008.
6. Bodyagina O. L. Polifaktornyj podhod k vyboru aktanta na rol' podlezhashchego (na materiale anglijskogo yazyka): dis. ... kand. filol. Nauk [Polyfactor approach to the choice of actant in the role of subject (on a material of English language): dis. ... Cand. of Philology]. Barnaul. 2003.
7. E. Benveniste Obshchaya lingvistika [General linguistics]. M. Progress. 1974.
8. Kovaleva L. M. Anglijskaya grammatika: predlozhenie i slovo [English grammar: the sentence and the word]. Irkutsk. 2008.
9. Arnold I. V. Osnovy nauchnyh issledovanij v lingvistike [Basics of scientific research in linguistics]. M. Vyssh. Sch. 1991.

УДК 811.161.1'27

Е. С. Зиновьева

Современные аспекты изучения гендера в языкознании

В данной статье рассматривается понятие «гендер» и особенности его употребления в лингвистике. Особое внимание уделяется современным подходам к изучению гендера и языка. Автор прослеживает связь гендерных исследований с другими сферами науки, описывает новое понимание языка с точки зрения антропоцентрического подхода, дает характеристику основным направлениям современных гендерных исследований в лингвистике. В работе приводятся взгляды российских и зарубежных ученых на проблему отражения гендера в языке, анализируются перспективные области исследования гендера в отечественном языкознании, подчеркивается понимание гендера в качестве динамического культурного и социального конструкта, дается краткий обзор существующих в настоящее время российских исследований в области гендерной лингвистики, отмечаются особенности изучения гендера в России.

This article discusses the concept of “gender” and, in particular, its use in linguistics. Special attention is paid to the modern approaches to the study of gender and language. The author traces the relationship of gender studies with other areas of science, describes a new understanding of language in terms of anthropocentric approach, gives a description of the main directions of contemporary gender studies in linguistics. The paper presents the views of Russian and foreign scientists on the problem of the reflection of gender in language, analyzes promising fields of study of gender in domestic linguistics, emphasizes the understanding of gender as a dynamic cultural and social construct, provides an overview of the currently existing Russian research in the field of gender linguistics, marks the peculiarities of the study of gender in Russia.

Ключевые слова: гендер, гендерная лингвистика, антропоцентризм, гендерные отношения, социолингвистика, российское языкознание.

Keywords: gender, gender linguistics, anthropocentrism, gender relations, sociolinguistics, Russian linguistics.

В настоящее время гендерные исследования являются перспективной и быстро развивающейся областью науки, которая активно использует данные социологии, психологии, культуроло-

логии, антропологии, межкультурной коммуникации и др. Как отмечает И. В. Зыкова, «...вопрос о правомерности гендерного подхода к анализу человеческой истории и культуры уже не ставится под сомнение и считается вполне очевидным и обоснованным» [1].

На современном этапе изучения гендера подчеркивается его социальная и культурная обусловленность. Другими словами, гендер рассматривается как культурный и исторически относительный феномен, «...его значение и интерпретация могут быть различными в рамках разных культур, являясь причиной исторических изменений языковой системы» [2].

Не вызывает сомнения тот факт, что гендерные отношения, являясь элементами культуры, находят свое отражение в языке и с его помощью сообщаются следующим поколениям того или иного общества. Поскольку язык представляет собой важную часть сознания человека, необходимо подчеркнуть, что лингвистические гендерные исследования рассматривают не только влияние пола на коммуникативное поведение и использование языка, но и то, какими средствами обладает сам язык для создания гендерной идентичности [3].

В результате использования данных различных антропоориентированных наук (психологии, культурологии, философии) изменился традиционный лингвистический подход. Стало очевидным, что язык способен ориентировать индивида в его собственной познавательной области, т. е. индивидуальные параметры личности, в том числе и половая принадлежность, непосредственно связаны с языком и подвергаются его влиянию, поскольку язык, несомненно, является средством конструирования мира и человека [4].

По словам Н. В. Белой, гендерный подход способствует антропоориентированному изучению языка и «...позволяет точнее учитывать человеческий фактор в языке» [5]. Это означает, что в языке и речи выражаются гендерные отношения и стереотипы носителей языка, требующие подробного анализа и изучения.

С точки зрения П. Экерт и С. МакКоннел-Джине, современный подход к изучению гендера в языке можно выразить фразой *думать практически, наблюдать локально*, что подразумевает уход от любых обобщений относительно различий в мужском и женском языке. По мнению исследователей, гендер и другие социальные параметры не всегда отделимы друг от друга, а лингвистические аспекты гендера могут сильно различаться в разных сообществах и культурах. Кроме того, использование языка и формирование высказываний зависят от социальных отношений. Следовательно, изучение различий мужского и женского языка невозможно без учета социокультурных правил в данном обществе [6].

Сегодня можно выделить несколько направлений лингвистических гендерных исследований:

1. Направление, связанное с изучением отношений господства и подчинения, сформированное на основе феминизма и постмодернистской философии.

2. Исследования диагностического характера (автороведческая криминалистическая экспертиза, исследования по экспертной фоноскопии).

3. Экспериментальные исследования, смежные с психологией и нейролингвистикой, целью которых является установление когнитивных различий, вызванных различным гормональным балансом мужчин и женщин.

4. Социолингвистические исследования.

5. Кросскультурные и лингвокультурологические исследования [7].

Антропоцентрический (или антропофилический) подход в лингвистике рассматривает язык в широком экзистенциональном и понятийном контексте бытия человека, в неразрывной связи с его сознанием, мышлением и духовным миром. В основе современного антропоцентризма лежат идеи В. Гумбольдта о том, что язык – это зеркало культуры, отражающее интуиции и миропредставления; язык участвует в важнейших моментах культурного творчества – в выработке миропредставлений, их фиксации и последующем осмыслении; язык одновременно – источник, питающий культуру своими интуициями, и орган осознания этих интуиций. Для современных исследований характерна «...твердая установка на антропоцентричность всякого бытия, и прежде всего – языкового» [8].

Гендерный подход к языковому материалу предполагает макро- и микроуровни анализа. Последний рассматривает соотношение грамматической категории рода с идеей биологического и социального пола, способы представления этих смыслов языковыми средствами, разного типа коннотации и семантические приращения, которые сопутствуют номинациям мужского, женского и среднего рода. По замечанию А. В. Кирилиной, «...исследованию в гендерном аспекте поддаются практически все области языка как системы и языка в его функционировании» [9].

Одним из наиболее актуальных вопросов, рассматриваемых в лингвистике, является проблема соотношения биологических и социокультурных факторов, влияющих на гендерные различия в языке. Здесь можно выделить два направления: социодетерминистское и биодетермини-

стское. Согласно первому, гендерные различия в языке и речи возникают под воздействием общества и культуры [10]. Второе направление подчеркивает наличие когнитивных особенностей у мужчин и женщин, вызванных биологическими различиями: различия гормональных систем, наличие репродуктивной функции у женщин, признание различий в межполушарной асимметрии мозга у мужчин и женщин [11].

Сегодня невозможно отдать предпочтение ни той, ни другой точке зрения. Современная наука предоставляет доказательства как первых, так и вторых причин, поэтому следует говорить о биосоциальном характере гендерных различий в языке и речи индивидов [12].

Что касается России, то гендерные исследования здесь начали развиваться лишь в последние десятилетия. В России отсутствовала дискурсивная практика по вопросам пола, однако в отечественной психолингвистике проводились исследования речи мужчин и женщин, изучалось влияние половозрастных особенностей говорящего в процессе вербальной коммуникации, анализировалось воздействие фактора «пол» на поведение информантов в ассоциативном эксперименте и многое другое.

Первые результаты по изучению гендерных аспектов языка и коммуникации были получены в Московском государственном лингвистическом университете. Именно там были разработаны общие принципы гендерных исследований, в том числе релятивизация пола, признание его социально и культурно конструируемым феноменом.

Сегодня в отечественной науке ведутся гендерные исследования по следующим направлениям:

- изучение представлений о гендере (концепты «мужественности» и «женственности», гендер на разных уровнях языка);
- гендерная специфика вербального и невербального коммуникативного акта;
- отражение гендерных стереотипов в социальном и языковом сознании;
- гендер в лексикографии;
- гендер в рекламе;
- гендер в СМИ;
- гендер в криминалистике;
- гендер в Интернете;
- гендер в художественном тексте [13].

Если говорить об особенностях в мужском и женском речевом поведении, то здесь также можно выделить несколько направлений исследований:

- выявление определенных различий языковых уровней: фонетики, морфологии, семантики и синтаксиса, а также различий в области вербальных стереотипов в восприятии женщин и мужчин;
- выявление семантических различий, которые объясняются особенностями перераспределения социальных функций в обществе, – подход исключительно с гендерных позиций, связанный с социальной природой языка женщин и мужчин;
- построение психолингвистических теорий, в которых «женский» и «мужской» языки сводятся к особенностям языкового поведения женщин и мужчин;
- когнитивное объяснение выявленных показателей (в этом случае важным оказывается не только определение частотности расхождений, но и установление связи с различными аспектами картины мира) [14].

К настоящему времени в отечественной лингвистике широко изучены наименования лиц женского и мужского пола и проблемы референции, специфика порождения и восприятия речи, влияние гендерного фактора на поведение информантов в ассоциативном эксперименте [15].

Проанализирована роль гендерного фактора в рекламе [16], в номенклатурных обозначениях и товарных знаках, осуществлена концептуализация понятий «мужчина» и «женщина» по данным лексикографии и многое другое.

Одновременно проводятся исследования в рамках когнитивного подхода, пытающиеся ответить на вопросы когнитивного статуса гендерных отличий в языке, возможности моделирования процессов порождения речи, содержащей гендерные признаки [17].

Появляются исследования гендерных различий текстов, порождаемых мужчинами и женщинами [18], компаративные исследования скорости говорения, длины текста. По мнению А. В. Кириловой и М. В. Томской [19], в рамках коммуникативного направления гендерных исследований существует большое количество трудов, посвященных диагностике и установлению идентификационных признаков женской и мужской речи, методикам установления имитации речи лицом противоположного пола. Все это ведет к увеличению числа работ по исследованию поверхностных и глубинных признаков мужской и женской речи, в основном на примерах письменных текстов, стереотипов фемининности и маскулинности и их функционирования в языке [20].

В рамках социо- и психолингвистического направления ведутся интенсивные исследования гендерной языковой личности и отражения образов мужественности и женственности в языковом сознании, основанные на гипотезе функциональной асимметрии мозга, обосновывающей различия в специализации функций полушарий мужского и женского мозга [21].

Одной из особенностей социолингвистических исследований гендера является восприятие его как динамического конструкта, зависящего от культурно-политических событий в обществе, влекущих за собой смену идеологии и переоценку ценностей [22].

В русле коммуникативного подхода в лингвистике представляется актуальным изучение различных видов коммуникации. Т. Г. Попова полагает, что «...антропоориентированный характер лингвистических исследований на современном этапе ее развития диктует необходимость учета гендерного аспекта коммуникации» [23].

Сегодня признается, что гендерная иерархия и гендерно обусловленные модели поведения формируются под влиянием институтов социального контроля и культурных традиций. Гендерные отношения как важный аспект социальной организации выражают ее системные характеристики и упорядочивают отношения между говорящими субъектами. Без сомнения, гендерная самоидентификация входит в число когнитивных ресурсов отдельной личности и всего общества в целом. Следовательно, гендер может быть рассмотрен как параметр исследования во многих общественных науках, в том числе и в лингвистике. Анализ различных структур языка может в значительной степени раскрыть содержание категории «гендер». Объектом данных исследований, как правило, становится синтаксис, лексикон, прагматика и т. д.

Примечания

1. Зыкова И. В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М., 2003. С. 7–9.
2. Там же. С. 9.
3. Кирилина А. В. Особенности и тенденции развития гендерных исследований в российской лингвистике. Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады первой междунар. конф. М., 2001. С. 5–14.
4. Лебедев С. А. Историко-философское и методологическое введение в теорию языка // Философия социальных и гуманитарных наук: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. С. А. Лебедева. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2008. С. 653–686.
5. Беляя Н. В. О проявлении гендерных различий в языке // Вестник Филологические науки. 2009. № 3. С. 100.
6. Eckert P. Think practically and look locally: language and gender as community-based practice // Annual review of anthropology. 1992. № 21. P. 461–490.
7. Добровольский Д. О., Кирилина А. В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания. М., 2000. С. 19–35.
8. Николаева Т. М. От звука к тексту. М., 2000. С. 15.
9. Кирилина А. В. О применении понятия «гендер» в русскоязычном лингвистическом описании // Науч. докл. высш. шк., Филол. науки. М., 2000. № 3. С. 28–36.
10. Горошко Е. И., Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. Харьков, 1999. № 2. С. 234–241.
11. McGlone J. Sex differences in human brain asymmetry: A critical survey // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3. P. 215–263.
12. Кирилина А. В. Дискуссионные вопросы лингвистической гендерологии: био- и социодетерминизм // Женщина в российском обществе. 2000. № 3. URL: <http://ivanovo.ac.ru/win1251/jornal/jornal13/kir.html> (Дата обращения 21.04.2015)
13. Божанова Н. Г. Гендерные исследования в лингвистике: история, современность, перспективы // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. № 5 (109). С. 69–74.
14. Потапов В. В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 103–130.
15. Кирилина А. В. Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады второй междунар. конф. М., 2002. С. 32–47.
16. Полубиченко Л. В. Мужской и женский язык рекламы // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2000. № 2. С. 46–51.
17. Yokoyma O. Disbelief, lies and manipulations in Transactional Discourse Model // Argumentation. 1988. № 2. P. 133–151.
18. Boullis C., Ostendorf M. A quantitative analysis of lexical differences between genders in telephone conversations. URL: <http://www.us.oup.com/us/catalog/general/subject/> (Дата обращения 21.04.2015)
19. Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2 (22). С. 112–132.
20. Горошко Е. И. Особенности мужских и женских вербальных ассоциаций (Опыт качественной интерпретации) // Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады 2-й Междунар. конф. М., 2002. С. 77–86.
21. Горошко Е. И. Функциональная асимметрия мозга, язык, пол: Аналитический обзор. М., 2005. С. 45.
22. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: учеб. пособие. М., 2004. С. 86.

23. Попова Т. Г. Языковое сознание как основополагающий фактор общения / Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации, посвященный памяти А. А. Леонтьева и 40-летию первого, организованного им, семинара по психолингвистике. М., 2006. С. 229.

Notes

1. Zyкова I. V. Sposoby konstruirovaniya gendera v anglijskoj frazeologii [Methods of construction of gender in English phraseology]. М. 2003. Pp. 7–9.

2. Ibid. P.9.

3. Kirilina A.V. Osobennosti i tendencii razvitiya gendernyh issledovanij v rossijskoj lingvistike. Gender: yazyk, kul'tura, kommunikaciya: doklady pervoj mezhdunar. konf. [Peculiarities and tendencies of development of gender studies in Russian linguistics. Gender: language, culture, communication: reports of the first intern. conf.] М. 2001. Pp. 5–14.

4. Lebedev S. A. Istoriko-filosofskoe i metodologicheskoe vvedenie v teoriyu yazyka [Historical-philosophical and methodological introduction to the theory of language] // *Filosofiya social'nyh i gumanitarnyh nauk: ucheb. posobie dlya vuzov – Philosophy of social sciences and Humanities: tutorial for high schools / under the editorship of S. A. Lebedev. Ed. 2nd, rev. and add. М. 2008. Pp. 653–686.*

5. Belaya N. V. O proyavlenii gendernyh razlichij v yazyke [On the manifestation of gender differences in language] // *Vestnik Filologicheskie nauki – Herald Philology Sciences. 2009, No. 3, p. 100.*

6. Eckert P. Think practically and look locally: language and gender as community-based practice // *Annual review of anthropology. 1992. No. 21. Pp. 461–490.*

7. D. O. Dobrovolsky, Kirilina A.V. Feministskaya ideologiya v gendernyh issledovaniyah i kriterii nauchnosti [Feminist ideology in gender studies and scientific criteria] // *Gender kak intriga poznaniya – Gender as intrigue of cognition. М. 2000. Pp. 19–35.*

8. Nikolaeva T. M. Ot zvuka k tekstu [From sound to text]. М., 2000. S. 15.

9. Kirilina A. V. O primenenii ponyatiya «gender» v russkoyazychnom lingvisticheskom opisani [On the application of the concept of "gender" in the Russian-speaking linguistic description] // *Nauch. dokl. vyssh. shk., Filol. nauki.- Scientific report of the high. sch. Philology science. М. 2000, No. 3, pp. 28–36.*

10. Goroshko E. I., Kirilina A. V. Gendernye issledovaniya v lingvistike segodnya [Gender studies in linguistics today] // *Gendernye issledovaniya – Gender studies. Kharkov. 1999. No. 2. Pp. 234–241.*

11. McGlone J. Sex differences in human brain asymmetry: A critical survey // *Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3. Pp. 215–263.*

12. Kirilina A. V. Diskussionnye voprosy lingvisticheskoy genderologii: bio- i sociodeterminizm [Controversial issues of linguistic genderology: bio – and socialdeterminants] // *ZHenshchina v rossijskom obshchestve – Woman in Russian society. 2000, No. 3. Available at: <http://ivanovo.ac.ru/win1251/journal/journal13/kir.html> (Access date: 21.04.2015)*

13. Bozhanova N. G. Gendernye issledovaniya v lingvistike: istoriya, sovremennost', perspektivy [Gender studies in linguistics: history, present and prospects] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. «Gumanitarnye nauki» – Herald of Tambov University. Ser. "Humanities". 2012, № 5 (109), pp. 69–74.*

14. Potapov V. V. Mnogourovnevaya strategiya v lingvisticheskoy genderologii [Multilevel strategy in linguistic genderology] // *Voprosy yazykoznaniya – Questions of linguistics. 2002, No. 1, pp. 103–130.*

15. Kirilina A.V. Gender: yazyk, kul'tura, kommunikaciya: doklady vtoroj mezhdunar. konf. [Gender: language, culture and communication: papers of the second international. conf.] М. 2002. Pp. 32–47.

16. Polubchenko L. V. Muzhskoj i zhenskij yazyk reklamy [Male and female language of advertising] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya – Herald of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication. М. 2000, No. 2, pp. 46–51.*

17. Yokoyama O. Disbelief, lies and manipulations in a Transactional Discourse Model // *Argumentation. 1988. No. 2. Pp. 133–151.*

18. C. Boulis, M. Ostendorf A quantitative analysis of lexical differences between genders in telephone conversations. Available at: <http://www.us.oup.com/us/catalog/general/subject/> (accessed on 21.04.2015)

19. Kirilina A. V., M. V. Tomskaya Lingvisticheskie gendernye issledovaniya [Linguistic gender studies] // *Otechestvennye zapiski – Domestic notes. 2005, No. 2 (22), pp. 112–132.*

20. Goroshko E. I. Osobennosti muzhskih i zhenskikh verbal'nyh asociacij (Opyt kachestvennoj interpretacii) [Features of male and female verbal associations (Experience of qualitative interpretation)] // *Gender: yazyk, kul'tura, kommunikaciya: doklady 2-j Mezhdunar. konf. – Gender: language, culture, communication: reports of 2nd int. conf. М. 2002. Pp. 77–86.*

21. Goroshko E. I. Funkcional'naya asimmetriya mozga, yazyk, pol: Analiticheskij obzor [Functional asymmetry of the brain, language and gender: Analytical review]. М. 2005. P. 45.

22. Kirilina A. V. Gendernye issledovaniya v lingvistike i teorii kommunikacii: ucheb. posobie [Gender studies in linguistics and theory of communication: textbook]. М. 2004. P. 86.

23. Popova T. G. YAzykovoe soznanie kak osnovopolagayushchij faktor obshcheniya / [Linguistic consciousness as a fundamental factor of communication] / *Recheyaya deyatel'nost'. YAzykovoe soznanie. Obshchayushchiesya lichnosti: XV Mezhdunarodnyj simpozium po psiholingvistike i teorii kommunikacii, posvyashchennyj pamyati A. A. Leont'eva i 40-letiyu pervogo, organizovannogo im, seminaru po psiholingvistike – Speech activity. Linguistic consciousness. Communicating identity: the XV international Symposium on psycholinguistics and theory of communication, dedicated to the memory of A. A. Leontiev and 40th anniversary of the first workshop on psycholinguistics organized by him. М. 2006. P. 229.*

Репрезентация частных значений многократности формой претерита французского языка

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей реализации частных значений многократности формой претерита во французском языке. Качественно-темпоральное значение определяет временную расположенность многократного процесса в ограниченном временном интервале в плане прошлого. Количественное темпорально-аспектуальное значение предполагает строгую представленность временных рамок совершения процесса, ограниченную длительность, благоприятную для выражения определенной многократности. Определенная многократность предполагает ограниченное количество повторов действия, а неопределенная – неограниченное. Финально и начально лимитированная многократность предполагают ограниченность серии действий с конца или с начала. В соответствующих контекстуальных условиях претерит оказывается способен актуализировать все значения определенной и неопределенной многократности, при общей склонности к определенной многократности. *Passé Simple* исключает выражение фреквентативности.

This article deals with expressing iterative actions in French language. Qualitatively-temporal value defines temporary location process in the past. The quantitative temporal-aspectual value implies a strict representation of the time interval of the process, a limited duration favorable for the expression of iterative actions. Limited iterative actions involves a limited number of repetitions of action and unlimited – without limitations. The final and initial limited iterative actions mean that series of actions are limited from the end or the beginning. The relevant contextual conditions preterit is able to express limited or unlimited iterative actions, with the total tendency to express limited iterative actions. Preterit excludes expressing habitual actions.

Ключевые слова: аспектуальность, темпоральный контекст, многократность, претерит.

Keywords: aspect, temporal context multiplicity preterit.

Во французском языке форма *Passé simple* (PS) является литературной формой, формой письменного стиля, характеризуемой как «чистое прошедшее» – *le passé pur*. На современном этапе анализ данной формы сосредоточен на многообразии ее функционирования в разных контекстуальных условиях. Мишель Олсен и Хеннин Нолке пишут, что форма претерита отличается своим аспектуальным значением. «Любая глагольная синтагма отсылает нас к тому, что называется событием: это может быть и действие, и деятельность, и ситуация. Событие разворачивается во времени (на оси времени). Видовое или аспектуальное значение указывает на то, как событие должно быть воспринято. Используя претерит, говорящий представляет событие как имеющее одну или две границы. Речь идет о точке, о начале, о конце, о закрытом интервале или об ограниченном повторении (*répétition limitée*)» [1]. Жак Бре, поддерживая аспектуальную интерпретацию претерита, указывает, что с точки зрения выражения прогрессивности/непрогрессивности события «претерит более приспособлен для выражения прогресса внешнего – чередования событий, а не внутренней прогрессивности действия. Претерит представляет имплицитное время завершеного процесса» [2]. Даниэль Леман отмечает, что претерит выражает «определенный тип внутреннего развертывания процесса, не имеющего ничего общего с завершенностью длительности или интервалом, который занимает тот или иной процесс, т. е. ни о какой «точности» не может быть и речи». «Речь идет о синтетическом представлении события, абстрагировании от этапов его развертывания, представлении его как компактного блока» [3]. Л. Ю-Чанг и Ф. Карон пишут, что «претерит выражает действие, происходившее, разворачивавшееся в указанной зоне прошлого» [4]. В. Г. Гак основным парадигматическим значением данной формы считает способность представлять действие в его неделимости: «PS охватывает весь отрезок времени и носит глобальный (“непресекающий”) характер» [5]. «Целостность действия, изображаемая французскими точечными временами, касается не столько внутренней завершенности процесса, достижения им внутреннего предела, сколько внешних условий его протекания, его ограниченности во времени» [6]. «Значение временных рамок действия представлено всегда, значение завершенности действия – не во всех случаях», – утверждает В. Г. Гак [7]. Свободная сочетаемость претерита с наречиями, указывающими на ограниченный период времени, свидетельствует в пользу этого утверждения.

Качественно-темпоральное значение определяет временную расположенность многократного процесса в ограниченном временном интервале в плане прошлого. Количественное темпорально-аспектуальное значение предполагает строгую представленность временных рамок совершения процесса, ограниченную длительность, благоприятную для выражения определенной многократности [8].

В репрезентации общего и единичных временных интервалов серии диахронных ситуаций иерархия средств может быть представлена следующим образом: 1) предельная/непредельная семантика глагола; 2) количественное темпорально-аспектуальное значением ограниченной/неограниченной длительности временной формы; 3) неглагольные средства.

Неопределенная многократность. *Passé Simple*, обозначая определенную и неопределенную многократность через частотность, всегда имеет свое парадигматическое значение перфективности действия: прекращение серии ситуаций. Количественное темпорально-аспектуальное значение ограниченной длительности имплицитно подразумевает наличие общего интервала серии, ограничивая количество ситуаций темпорально. В некоторых случаях ограниченность серии диахронных ситуаций во времени выражается эксплицитно. Дуративность непредельных глаголов [*avoir carence / иметь приступ печали* (1), *penser / думать* (2), *entendre / слышать* (3)] изменяется не только под влиянием системного значения временной формы *Passé Simple*, но и наречий частотности [*souvent / часто* (1), *une fois de plus / еще раз* (4)] и хабитуальности. Предельными глаголами [глагол с заполненной объектной валентностью *rallumer / снова зажечь* (4)] выражается дополнительное аспектуальное значение завершенности. Значение неопределенной темпоральной полиситуативности является нетипичным, что объясняет редкость его реализации в *Passé Simple*. Маркеры неограниченного количества ситуаций и интервальности/частотности не могут преодолеть значение ограниченной длительности *Passé Simple* и изменяют свое значение.

(1) *Il y eut souvent carence véritable mais...* / У него часто были приступы настоящей печали [9]. (2) *...pensa-t-il toujours sans se retourner et elle se sourit un instant / ...он всегда думал о ней не поворачиваясь к ней, а она вдруг улыбалась* [10]. (3) *Françoise entendit peut-être parfois...* / Франсуа, возможно, слышал иногда... [11] (4) *Il... ralluma la lampe de chevet une fois de plus...* / Он... еще раз зажег лампу у изголовья [12].

Е. Е. Корди, И. С. Никольская и М. К. Сабанеева считают, что не встречаются сочетания *Passé Simple* с наречиями хабитуальности, например *d'habitude / обычно, d'ordinaire*, хотя возможны комбинации с маркерами тотальности *toujours/ всегда* (9) и частотности [*parfois/ иногда* (10)] [13].

В примере 1 *souvent / часто +PS* обозначает '*plusieurs fois / несколько раз*', т. е. повтор ситуаций несколько раз за интервал времени и их прекращение. В примере 2 *toujours/ всегда +PS* обозначает '*une nouvelle fois/ другой раз*', выражая связь с определенной референциальной точкой, причем эта связь подчеркивается данным наречием. В случае сочетания с наречиями частотности *Passé Simple* обозначает ограниченную серию ситуаций. П. Имбс считает, что претерит не исключает возможности обозначения ситуации, неограниченно повторяющейся во времени, но при наличии лексических средств [14]. Неопределенная многократность часто представлена значением повторного воспроизведения (4). Значение целостности противится сочетанию с наречиями, характеризующими хабитуальность, обозначающими постоянство действия на весь временной план прошлого. Претерит, обозначая частотность, определенную и неопределенную многократность ситуаций, всегда репрезентирует парадигматическое значение завершенности действия: прекращение серии ситуаций. В некоторых случаях ограниченность ситуаций во времени выражается эксплицитно. Значения неопределенной многократности являются нетипичными, что объясняет редкость их репрезентации в *Passé Simple*.

Однократность. Являясь главным членом оппозиции точечность/линейность, *Passé Simple* семантически согласуется с репрезентацией однократности. Полное согласование происходит на семантическом уровне при выражении однократности в *Passé Simple* (5, 6) с реализацией завершенности у предельных глаголов [*retentir/ удерживать* (1), *regarder quelqu'un / взглянуть на кого-либо* (заполненная объектная валентность) (6)] и нейтрализацией семантики непредельных глаголов. Неглагольными конкретизаторами однократности глагола в *Passé Simple* являются обстоятельства точечной семантики [*à cet instant / в этот момент* (5)], которые усиливают значение ограниченной длительности данной формы, сводя ее к точке.

(5) *A cet instant retentit un cri que Maigret avait déjà entendu / В этот момент раздался крик, который Мегре уже слышал* [15]. (6) *...Simon le regarda un instant...* / Симон на мгновение взглянул на него [16].

Определенная многократность. *Passé Simple* идеально подходит для выражения определенной многократности, так как значение временной формы уже предполагает ограниченную длительность серии и достаточно лишь указать лимитированное количество ситуаций. «Сочета-

нием временной формы предельного глагола с обстоятельством реализовано качественно-количественное значение исчисления действия. Значения многократности являются вторичными темпорально-аспектуальными относительно ядерного временного значения нонкального предшествования, поскольку в актуализации их принимают участие временные сирконстанты» [17]. «При употреблении неопределенного глагола в выраженном интервале времени, когда действие представлено как ограниченное во времени, причем ограничение может касаться начала действия, его конца либо охватывать отрезок действия с обеих сторон. Неопределенный глагол наряду с другими значениями и итеративное значение приобретает. Глагол соответственно приобретает начинательное ($[\rightarrow | il \text{ chanta} / \text{спел}]$), терминативное ($[\rightarrow | il \text{ chanta une chanson} / \text{спел песню}]$), ограничительное ($[\vdash \dashv | il \text{ chanta une heure} / \text{он пел один час}]$) или итеративное ($[\vdash \dashv | il \text{ chanta la tête chanson trois fois} / \text{он пел ту же песню три раза}]$) значение» [18]. Ограниченная длительность формы *Passé Simple*, обстоятельства начально-лимитированной (7, 8) и финально-лимитированной (9) многократности, имплицитные интервал единичной ситуации, предельная семантика глагола [*refermer* / *снова закрыть* (7)], реализующая видовую целостность, позволяют говорить о семантическом согласовании на всех уровнях высказывания. Неопределенная семантика глагола *regarder* / *смотреть* (8) нейтрализуется, реализуя временное предшествование относительно определенной референциальной точки. *Passé Simple* идеально подходит для выражения определенно-лимитированной многократности (9, 10), так как семантическое содержание претерита уже предполагает ограниченную длительность, и достаточно лишь указать конкретное количество совершенных повторов. Предельные глаголы указывают на повторение ситуаций с реализацией видовой целостности [*téléphoner* / *позвонить* (10)], глагол с заполненной объектной валентностью: *esquisser le geste* / *прожестукивать* (10)]. Маркеры определенного количества ситуаций делят ограниченную значением *Passé Simple* длительность на интервалы единичных ситуаций.

(7) ...et pour la première fois elle *referma* vraiment la porte / ...в первый раз она по-настоящему закрыла дверь [19]. (8) ...elle *regarda* attentivement pour la première fois / ...она внимательно смотрела в первый раз [20]. (9) Le dernier jour, il lui *annonça* son retour / В последний день, он ему объявил о своем возвращении [21]. (10) ...il... consulta quelques dossiers, *téléphona* six fois à Paule.../ ...он... просмотрел несколько досье, позвонил шесть раз Полю [22]. (11) Deux fois sa main *esquissa* le geste de repousser quelque chose de son visage / Два раза его рука изогнулась в жесте, выражающем желание оттолкнуть что-то от лица [23].

Таким образом, при поддержке неглагольных средств претерит во французском языке способен выражать все значения определенной и неопределенной многократности, при общей склонности к определенной многократности. *Passé Simple* исключает репрезентацию фреквентивности.

Примечания

1. Nolke H., Olsen M. Le passé simple subjectivisé // Langue française. 2003. Volume 138. Numéro 1. P. 76.
2. Bres J. Habiter le temps: le couple imparfait/passé simple en français // Langages. 1997. Vol. 31. Numéro 127. P. 78.
3. Leeman D. Le passé simple et son co-texte: examen de quelques distributions // Langue française. 2003. Vol. 138. Numéro 1.3. 23.
4. Caron Ph., Yu-Chang Liu. Nouvelles données sur la concurrence du passé simple et du passé composé dans la littérature épistolaire // L'Information Grammaticale. 1999. Vol. 82. Numéro 1.3. 40.
5. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000. С. 134.
6. Там же.
7. Там же.
8. Лутфуллина Г. Ф. Квантификация как средство презентации полиситуативности (на материале французского и татарского языков). Казань, 2010. С. 78.
9. Saint-Exupéry A. Le pilote de guerre. М., 2001. С. 89.
10. Proust M. A la recherche du temps perdu. T. 1. М., 1976. С. 311.
11. Ibid. С. 23.
12. Ibid. С. 43.
13. Корди Е. Е., Никольская И. С., Сабанеева М. К. Выражение множественности ситуаций во французском языке // Типология итеративных конструкций. СПб., 1992. С. 221.
14. Imbs P. L'emploi des temps verbaux en français moderne: Essai de grammaire descriptive. P.: Klincksieck, 1960. С. 45.
15. Simenon G. L'ombre chinoise. М., 2001. С. 76.
16. Sagan Fr. Aimez-vous Brahms? М., 2000. С. 45.
17. Закамулина М. Н. Темпоральность во французском и татарском языках: слово, высказывание, текст (сопоставительное исследование). Казань, 2000. С. 145.

18. Ibid. C. 129.
19. Ibid. C. 139.
20. Ibid. C. 34.
21. Ibid. C. 78.
22. Ibid. C. 51.
23. Ibid. C. 19.

Notes

1. Nolke H., Olsen M. Le passé simple subjectivisé // Langue française. 2003. Volume 138. Numéro 1. P. 76.
2. Bres J. Habiter le temps: le couple imparfait/passé simple français en // Languages. 1997. Vol. 31. Numéro 127. P. 78.
3. Leeman D. Le passé simple et son co-texte: examen de quelques distributions // Langue française. 2003. Vol. 138. Numéro 1.3. 23.
4. Caron Ph., Yu-Chang Liu. Nouvelles données sur la concurrence du passé simple et du passé composé dans la littérature épistolaire // L'Information Grammaticale. 1999. Vol. 82. Numéro 1.3. 40.
5. Gak V. G. Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazyka [Theoretical grammar of French language]. M. 2000. P. 134.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Lutfullina G. F. Kvantifikaciya kak sredstvo prezentacii polisituativnosti (na materiale francuzskogo i tatarskogo yazykov) [Quantification as a means of presentation of polisituationality (in the French and Tatar languages)]. Kazan. 2010. P. 78.
9. Saint-Exupery A. Le pilote de guerre. M. 2001. P. 89.
10. M. Proust. A la recherche du temps perdu. Vol. 1. M. 1976. P. 311.
11. Ibid. P. 23.
12. Ibid. P. 43.
13. Cordy E. E., Nikolskaya I. S., M. K. Sabaneeva Vyrashenie mnozhestvennosti situacij vo francuzskom yazyke [Expression of plurality of situations in the French language // Tipologiya iterativnyh konstrukcij – Typology of iterative constructions. SPb. 1992. P. 221.
14. Imbs P. L emplois des temps verbaux en français moderne: Essai de grammaire descriptive. P.: Klincksieck, 1960. P. 45.
15. Simenon G. L'ombre chinoise. M. 2001. P. 76.
16. Sagan Fr. Aimez-vous Brahms? M. 2000. P. 45.
17. Sakamulina M. N. Temporal'nost' vo francuzskom i tatarskom yazykah: slovo, vyskazyvanie, tekst (sopostavitel'noe issledovanie) [Temporality in the French and Tatar languages: the word, the sentence, text (a comparative study)]. Kazan. 2000. P. 145.
18. Ibid. P. 129.
19. Ibid. P. 139.
20. Ibid. P. 34.
21. Ibid. P. 78.
22. Ibid. P. 51.
23. Ibid. P. 19.

УДК 81'373

В. М. Волова

Прецедентные имена собственные и их специфика в газетно-публицистическом тексте как составной части масс-медиального дискурса

В статье раскрывается содержание понятия «прецедентное имя», а также особенности функционирования данного явления в рамках публицистического текста, как составной части масс-медиального дискурса. Целью статьи является показать, что прецедентные имена собственные являются социально-говорящими именами. Прецедентное имя связано с широко известной личностью или местом, прецедентной ситуацией, которая обладает набором определенных коннотаций, и дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу читателей.

The author reveals the content of the notion “precedent noun”, describes the peculiarities of this phenomenon functioning within the framework of newspaper text, as a component of mass-medial discourse. The aim of the

article is to show that proper names are socially well-known names. The proper name is connected with well-known person or place, proper situation which possesses a set of certain connotations and differential signs which reader have in their cognitive base.

Ключевые слова: прецедентное имя, публицистический текст, масс-медиаальный дискурс, коннотация.

Keywords: precedent noun, newspaper text, mass-medial discourse, connotation.

В современной лингвокультурологии единичные антропонимы принято называть прецедентными. Термин «прецедентность» и образованные от него производные широко применяются в современной лингвистической литературе, а появление его связано с работами Ю. Н. Караулова, который впервые упомянул понятие «прецедентный текст», подразумевая под ним текст, значимый в познавательном и эмоциональном отношении, имеющий «сверхличностный характер», т. е. хорошо известный широкому кругу лиц, обращение к которому неоднократно повторяется. К этому понятию ученый относил цитаты, имена персонажей, авторов, а также тексты невербальной природы. В дальнейшем произошло уточнение и развитие терминологии [1].

Говоря об источниках прецедентности в англоязычной лингвокультуре, исследователи выделяют четыре основные группы [2]:

1. Античная мифология.
2. Библия.
3. Произведения У. Шекспира.
4. Тексты массовой культуры.

В современной науке вслед за прецедентным текстом вводится целый ряд терминов: прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентное имя, феномен и т. д. Нужно отметить, что термин «прецедентное имя», хотя и широко используется в современной лингвистике, не является универсальным. В качестве синонимичного термина некоторые исследователи предлагают нарицательные имена, имена-тотемы, ономастические мифологемы, мифознак, коннотоним и т. д., однако именно прецедентное имя, на наш взгляд, наиболее емко и точно выражает содержание данного понятия. Само значение слова «прецедентный» (англ. *precedent* – предыдущий, предшествующий) указывает на один из ключевых признаков подобного имени – его повторное воспроизведение или связанное с ним явление в данной культуре, соотносённость с исходной, изначальной ситуацией употребления.

К прецедентным именам относятся все «социально-говорящие» имена любых ономастических родов, восприятие которых схоже в языковом коллективе. То есть прецедентное имя – это «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией», где «прецедентная ситуация – некая “эталонная”, “идеальная” ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу», а прецедентный текст – «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [3].

Изучению прецедентного имени в лингвокультурологии отводится важное место. М. А. Захарова связывает понятие «прецедентности» с таким явлением, как «социализация». Вышеупомянутый автор считает, что в процессе социализации имена собственные (далее везде ИС) и становятся прецедентным (прецедентные ИС исследователь в своей работе называет «аллюзивными ИС» или «АИС»). Под социализацией М. А. Захарова понимает «усвоение лингвокультурным сообществом его [ИС] концептуальной структуры, что отражается в активном привлечении данного ИС для построения высказываний в различных актах коммуникации, преимущественно во вторичной номинации. Социализация ИС, в нашем понимании, имеет как лингвистические, так и экстралингвистические предпосылки. Мы полагаем, что в процессе социализации ИС экстралингвистическим факторам отводится главенствующая роль. В этом проявляется социальная сущность ИС» [4].

Материалом для изучения и анализа послужили тексты популярных периодических американских изданий: “The New York Times” (www.nytimes.com), “The Wall Street Journal” (www.wsj.com), “The Washington Post” (www.washingtonpost.com), “The USA Today” (www.usatoday.com), “The Daily News” (www.dailynews.com).

Таким образом, множественные (или не прецедентные) ИС характеризуются тем, что коммуникативная сфера, в которой они однозначно определяют одного референта, ограничена. Например, антропоним *Amarria Johnson* (Амаррия Джонсон) ничего не говорит широкому кругу читателей. Поэтому при введении его в более широкую сферу общения ему обязательно должен сопутствовать уточняющий контекст:

AMARRIA JOHNSON, who attended first grade at Hopkins Elementary School in Richmond, Va., was an outgoing and energetic girl who loved animals, singing and telling jokes. She won reading and citizenship awards and planned to become a teacher. She also was allergic to peanuts. On Jan. 2, 2012, a classmate gave Amarria a peanut on the playground. Despite her allergy, Amarria ate the nut and soon had trouble breathing. She sought out a teacher, but at the school health clinic, there was no epinephrine auto-injector prescribed for Amarria. Epinephrine auto-injectors, the most well known of which are EpiPens, contain adrenaline and are the first line of emergency treatment for anaphylaxis, an extremely severe allergic reaction that can become fatal within minutes [5].

Прецедентные же антропонимы, напротив, не требуют такого уточняющего контекста, поскольку их коммуникативная сфера – весь языковой коллектив. Это демонстрируют, в частности, те случаи, когда антропоним вводится в текст без каких бы то ни было пояснений и когда на основании самого текста невозможно установить, кому принадлежит данное имя: *Kelly Ripa finally finds Regis Philbin replacement. It was beginning to seem as though Kelly Ripa would never commit to a new permanent co-host [6].*

В приведенном выше фрагменте статьи нигде не уточняется, что ИС *Kelly Ripa* и *Regis Philbin* – относятся к известной американской актрисе и телеведущему. Предполагается, что они достаточно хорошо известны читателям. Фактор экстралингвистический – широкая известность человека в обществе – находит лингвистическое выражение в том, что единичные антропонимы не нуждаются в сопровождающем контексте уточняющего характера, а их референты не зависят от узкой коммуникативной сферы. Тем не менее заметим, что приведенные выше антропонимы не нуждаются в сопровождающем контексте только для представителей американской лингвокультуры, для представителей других лингвокультур понадобится пояснение, кто они такие.

Приведем примеры прецедентных хрематонимов: *Chicago tourists can go underneath Marilyn Monroe's skirt. A giant statue of the legendary sex bomb in that famous Seven Year Itch skirt-blown-up moment was unveiled along Chicago's Magnificent Mile today, and tourists already are hot and bothered, and bewitched [7].*

В этом примере упоминается известный американский фильм *The Seven Year Itch* (в российском прокате – «Зуд седьмого года» или «Семь лет желания»), этот фильм известен в основном благодаря сцене, когда поток воздуха из вентиляционной шахты метро поднимает юбку героини, которую играет легендарная голливудская актриса *Marilyn Monroe* (Мерилин Монро), и юбка порхает в воздухе. Эта сцена часто копируется, а апофеозом такой популярности стало создание гигантской статуи Мерилин Монро с развевающейся юбкой (рис. 1).

Нами было обнаружено еще одно упоминание фильма *The Seven Year Itch*, но уже в другой ситуации, когда герцогиня Кембриджская *Kate Middleton* (Кейт Мидлтон) нечаянно очутилась в положении Мерилин Монро в знаменитой сцене из фильма (рис. 2).

Рис. 1

Рис. 2

Oops. The wind was not Duchess Kate's friend during Day 8 of her royal tour. As Prince William and his wife met with Canadian soldiers at Calgary Airport on Thursday, Catherine's flowing yellow Jenny Packham dress caught the breeze. It's now being called Kate's «Marilyn Monroe moment» – or mishap – reminiscent of the famous Seven Year Itch scene featuring Monroe in a white dress over a subway grate [8].

Можно сказать, что прецедентный хремотоним *The Seven Year Itch* создал прецедентную ситуацию, когда любой девушке или женщине дуновение ветерка поднимает юбку платья наверх, сравнивают с похожим моментом из фильма, где Мэрилин Монро сыграла главную и запоминающуюся роль.

Следующий пример содержит два прецедентных хремотонима: *Paulo Coelho Calls 'Ulysses' a 'Tweet,' Much Twittering Ensues*

Since its publication in 1922, James Joyce's "Ulysses" has been put on trial for obscenity and subjected to reckless overcorrection of its punctuation. But now the novel, widely considered one of the greatest works of the 20th century, has suffered perhaps its gravest indignity yet: being insulted by Paulo Coelho [9].

Данное предложение является заголовком статьи, в которой говорится, что книга *James Joyce "Ulysses"* (Джеймса Джойса «Улисс»), которая считается одним из величайших произведений XX в., была «оскорблена» современным писателем *Paulo Coelho* (Паоло Коэльо), который назвал ее словом “*tweet*” – чирканье.

Второй прецедентный хремотоним *Twittering* является производным словом от ИС *Twitter* – названия самой популярной в Интернете социальной сети, – который в данном контексте обозначает «обсуждение в сети Twitter». Это оживленное обсуждение было вызвано тем, что резкое высказывание *Paulo Coelho* (Паоло Коэльо) имело как положительный, так и резко отрицательный отклик.

Рассмотрим еще один пример прецедентного хремотонима. В приведенной ниже цитате из статьи *From Bismarck to Obama*, взятой из электронной версии журнала *The Wall Street Journal*, упоминается картина *Andy Warhol* (Энди Уорхолла) *Campbell's Soup Cans*, на которой изображены 32 практически одинаковые консервные банки с супом, производимым фирмой *Campbell*:

Delivering ObamaCare unto the world wasn't supposed to be this hard. Just how hard is obvious when the president of the United States does five Sunday talk shows of sequential shilling. The New York Times memorialized this low point for the office of the presidency by arranging on its front page five identical photographs of Mr. Obama with each anchorman sitting across from him like a can of Campbell's soup [10].

Автор данной статьи ссылается на известную картину Уорхола на основании ее внешнего сходства с первой страницей газеты *The New York Times*, где изображены пять идентичных фотографий Барака Обамы с разными ведущими воскресных ток-шоу.

Принимая во внимание классификацию ИС, на которую мы будем опираться в нашем исследовании, рассмотрим также примеры прецедентных топонимов и хрононимов.

Топонимы представляют собой не только географические термины, названия мест, значимых для культуры той или иной страны, но и содержат в своей семантике яркую культурно-историческую информацию, связанную с событием, там произошедшим, таким образом, эти имена собственные могут относиться и к группе хрононимов. По нашему мнению, здесь можно говорить о тесной связи хроноса и топоса, со своей стороны считаем целесообразным назвать имя собственное в приведенном ниже примере хронотопонимом. Термин хронотоп впервые был введен в обиход М. М. Бахтиным применительно к художественному тексту.

В данном примере речь идет о французском городе *Rouen* (Руане), который превратился в прецедентное место для французов, а также образованных людей из других стран, поскольку он является родиной французского писателя *Flaubert* Гюстава Флобера, автора знаменитого во всем мире произведения «Госпожа Бовари», часть действия которого происходит в Руане. *Rouen* (Руан) является родиной и Жанны Д'Арк, французской национальной героини, причисленной позднее к лику святых (не случайно автор называет свою статью “*Near Paris, a City of Flaubert and Joan of Arc*”). В этом примере нетрудно проследить тесную связь хроноса и топоса, о чем было сказано выше, поскольку Вторая мировая война (без сомнения, прецедентное событие для всего мирового сообщества) сильно затронула многие города в Европе, которые были сильно разрушены и потребовали серьезной реставрации после войны. Например, церковь Св. Жанны Д'Арк была после войны отстроена в современном стиле и выглядит посреди средневековых зданий «как космический корабль, приземлившийся в Руане»:

Because Rouen was heavily damaged in World War II and then rebuilt, the town offers an odd yet compelling juxtaposition of sacred history and modern architecture. For example, the St. Joan of Arc Church, the building behind the cross, was designed in the '70s by Louis Arretche so that it would, in part, resemble the flames that overtook the saint. This bold structure, completed in 1979, has a roof that twists up in the center as if it were being drawn toward the sky by an invisible centrifugal force. Surrounded as it is by medieval buildings, it looks a bit like a spaceship that has landed in Rouen [11].

Приведем еще один иллюстративный пример, содержащий известный прецедентный топоним – *Rome* (Рим): *The city featured in "Eat Pray Love" is the Rome of every American's fondest holiday memories. The city is drenched in color: the golden wash of the sunlight, the ochres and pinks of the medieval buildings. The camera caresses the curves of the fountains in the Piazza Navona, conveys the intimacy of the alley like streets, the ancient majesty of the Coliseum [12].*

Известно, что данный топоним занимает особое место в мировой культуре. Доказательством тому служит тот факт, что *Rome* (Рим) имеет второе имя, прозвище *The Eternal City* (Вечный город). Для многих людей Рим является центром классической архитектуры и древней истории. Автор статьи '*Eat Pray Love*': *Julia Roberts's journey to Rome is cliched but delicious* считает, что создатели фильма '*Eat Pray Love*' (в российском прокате «Ешь, молись, люби») с *Julia Roberts* (Джулией Робертс) в главной роли показывают свой *Rome* (Рим) так, как его представляют себе американцы, приехавшие на каникулы в Италию, об этом помимо контекста говорит и определенный артикль перед *IS Rome*, и упоминание *Piazza Navona* (Пьяцца Навона) и *Coliseum* (Колизей) – основных достопримечательностей Рима, которые в первую очередь посещают туристы.

По мнению автора статьи, *Rome* (Рим) глазами создателей фильма – это такой Рим, каким он представляется американцам по почтовым открыткам: средоточие яркой жизни и красок по контрасту с унылой нью-йоркской жизнью героини:

Still, this is a lush, postcard Rome, the antidote to Gilbert's flavorless life in New York. In the real Rome, it does occasionally rain [13].

Принимая во внимание существующую классификацию имен собственных, специфику их функционирования в газетно-публицистическом тексте, можно отметить, что преобладающим ономастическим пластом в языке газет выступают антропонимы и топонимы, гораздо реже хремотонимы. Приведенные в данной статье примеры показывают, что те прецедентные имена собственные, коммуникативная сфера которых определяет одного референта, ограничена и требует сопутствующего уточняющего контекста, так как читатель другой лингвокультуры не сможет понять, о ком именно идет речь.

Прецедентные имена собственные являются социально-говорящими именами. Индивидуальное имя связано с широко известной личностью или местом (в зависимости от того, к какому классу относится тот или иной оним), прецедентной ситуацией, которая обладает набором определенных коннотаций, и дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу читателей.

Обилие имен собственных является одной из основных особенностей словарного состава современных публицистических текстов американской прессы.

Примечания

1. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномена в системе других единиц в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. М., 1997. № 3. С. 62–75.
2. Петрова М. Г. Знаки прецедентных текстов в англоязычном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008. С. 165.
3. Дюжева М. Б. Прецедентность как ключевое понятие лингвокультурологии. URL: <http://www.abvproject.ru/412> (дата обращения: 1.06.2015).
4. Захарова М. А. Семантика и функционирование аллюзивных имен собственных (на материале англоязычных художественных и публицистических текстов): дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. С. 64.
5. URL: <http://www.nytimes.com/2013/09/08/opinion/sunday/epipens-for-all.html> (дата обращения 01.06.2015).
6. URL: <http://content.usatoday.com/communities/entertainment/post/2012/08/kelly-ripa-finally-finds-regis-philbin-replacement>. (дата обращения 01.06.2015).
7. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2014963/Marilyn-Monroe-statue-unveiled-Chicago-Work-art-perverts-paradise.html>. (дата обращения 01.06.2015).
8. URL: <http://content.usatoday.com/communities/entertainment/post/2011/07/kate-middleton-has-marilyn-monroe-moment>. (дата обращения 01.06.2015).
9. URL: <http://www.theguardian.com/books/2012/aug/06/paulo-coelho-james-joyce-ulysses>. (дата обращения 01.06.2015).
10. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB40001424052970204488304574430832455371844>. (дата обращения 01.06.2015).
11. URL: <http://www.nytimes.com/2013/08/11/travel/near-paris-a-city-of-flaubert-and-joan-of-arc.html>. (дата обращения 01.06.2015).
12. URL: <http://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2010/08/12/AR2010081203686.html>. (дата обращения 01.06.2015).
13. Там же.

Notes

1. Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Zakharenko I. V., Bagayeva D. V. Kognitivnaya baza i precedentnyye fenomena v sisteme drugih edinic v kommunikacii [Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units in communication] // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya – Herald of MSU. Ser. 9. Philology. M. 1997, No. 3, pp. 62–75.
2. Petrova M. G. Znaki precedentnyh tekstov v angloyazychnom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk [Signs of precedent texts in the discourse of English language: dis. ... Cand. of Philology]. Samara. 2008. P. 165.
3. M. B. Dyuzheva Precedentnost' kak klyuchevoe ponyatie lingvokul'-turologii [Precedentiality as a key concept of lingua-cultural studies. Available at: <http://www.abvproject.ru/412> (accessed: 1.06.2015).

4. Zakharova M. A. Semantika i funkcionirovanie allyuzivnyh imen sobstvennyh (na materiale angloyazychnyh hudozhestvennyh i publicistichekikh tekstov): dis. ... kand. filol. nauk [Semantics and functioning of allusive proper names (in English artistic texts and publications): dis. ... Cand. of Philology]. Samara. 2004. P. 64.
5. Available at: <http://www.nytimes.com/2013/09/08/opinion/sunday/epipens-for-all.html> (accessed: 01.06.2015).
6. Available at: <http://content.usatoday.com/communities/entertainment/post/2012/08/kelly-ripa-finally-finds-regis-philbin-replacement>. (accessed: 01.06.2015).
7. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2014963/Marilyn-Monroe-statue-unveiled-Chicago-Work-art-perverts-paradise.html>. (accessed: 01.06.2015).
8. Available at: <http://content.usatoday.com/communities/entertainment/post/2011/07/kate-middleton-has-marilyn-monroe-moment>. (accessed: 01.06.2015).
9. Available at: <http://www.theguardian.com/books/2012/aug/06/paulo-coelho-james-joyce-ulysses>. (accessed: 01.06.2015).
10. Available at: <http://www.wsj.com/articles/SB4000142405297020448830457443083245371844>. (accessed: 01.06.2015).
11. Available at: <http://www.nytimes.com/2013/08/11/travel/near-paris-a-city-of-flaubert-and-joan-of-arc.html>. (accessed: 01.06.2015).
12. Available at: <http://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2010/08/12/AR2010081203686.html>. (accessed: 01.06.2015).
13. Ibid.

УДК 81'373.2

И. А. Кондакова

О традиции понимания метафоры как феномена мышления

Теория концептуальной метафоры (ТКМ) базируется на положении о том, что человеческое мышление в основе своей метафорично. Это один из постулатов когнитивной лингвистики, который нашел выражение в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (1980). Идея связи метафоры и мышления, хотя и была облачена в другую, «некогнитивную», терминологию, имеет длительную историю и восходит к Античности, к европейской философии XVIII–XIX вв., а также к работам философов, лингвистов, психологов первых двух третей XX в. Модели поэтического языка, аналогичные концептуальным метафорам, рассматривались в работах советских ученых как в начале, так и в 70-х гг. прошлого века. Таким образом, идея метафорического мышления, обобщенная и сформулированная Дж. Лауоффом и М. Джонсоном как теория концептуальной метафоры, имеет очень длительную историю.

Conceptual metaphor theory (CMT) is based on the idea that human mind has a metaphorical nature, the idea is expressed in the book "Metaphors We Live By" by G. Lakoff and M. Johnson (1980). It is one of the fundamental ideas of Cognitive Linguistics. This idea goes back to Classical Antiquity as well as to European Philosophy of the 18th and 19th century and to the works of philosophers, linguists, and psychologists of the first half of the 20th century. Mind-based grounds of metaphoricity had been described in works of German, French, Italian, British, and even American scholars before the end of the XX century. Poetic metaphorical models analogous to conceptual metaphors were described by Soviet and Russian scholars both in the beginning and in the 70s of the 20th century. Thus the idea of metaphoricity of human mind generalized by G. Lakoff and M. Johnson as CMT has a long history.

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, теория концептуальной метафоры, когнитивная лингвистика.

Keywords: metaphor, conceptual metaphor, conceptual metaphor theory, cognitive linguistics.

Метафора – сложное многоаспектное явление. Метафорический перенос относят к универсалиям исторической семантики, к явлениям, которые являются общими для всех языков на всех этапах развития. Изучение метафоры имеет длительную историю, в ходе которой выработано множество подходов с античности и до наших дней.

Когнитивная лингвистика, в рамках которой возникла теория концептуальной метафоры (ТКМ), понимается как новый этап развития науки о языке, и этот этап базируется на предыдущих достижениях. Возникновение ТКМ связано с работой Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» ('Metaphors We Live By'), впервые опубликованной в 1980 г., в ней ме-

тафора представлена не просто как явление языка, а как мыслительный феномен, как средство постижения мира человеком, при этом язык является не единственным, а лишь одним из способов существования метафоры [1].

Следует отметить, что трактовка метафоры как феномена мышления имела место и ранее.

Когнитивный подход к изучению метафоры принято противопоставлять традиционному подходу, который берет начало в работах Аристотеля. При этом, как отмечает Дж. Мейон, на Западе сложилась негласная традиция критиковать Аристотеля и риторическую концепцию метафоры, обвиняя философа в недооценке роли метафоры. Дж. Мейон видит причину этого в том, что, как правило, критикуя «Поэтику», ученые игнорируют тот факт, что «Поэтика» является литературоведческим трактатом, в котором речь идет не о метафоре вообще, а лишь о метафоре в поэзии. «Риторика» же касается повседневной речи, ораторского искусства и прозы, а также применения метафоры во всех перечисленных сферах. Как выявил Дж. Мейон, критика относится, главным образом, к «Поэтике», «Риторике» же не уделяется должного внимания. Дж. Мейон [2] предпринимает попытку ответить на три главные критические замечания к концепции Аристотеля, выдвинутые А. Ричардсом, который не согласен с Аристотелем в том, что 1) способность видеть сходство есть не у всех; 2) нельзя научиться быть мастером в метафорах, это дар поэта; 3) метафора – это исключение, отклонение от нормы. Дж. Мейон убежден, что по вышеперечисленным пунктам с Аристотелем спорить не нужно, ибо ему вовсе не были свойственны упомянутые «заблуждения»: во-первых, Аристотель не отрицал, что способность видеть сходство присуща всем людям, он лишь признавал, что у некоторых людей эта способность развита лучше; во-вторых, если бы Аристотель не верил в то, что метафоре нельзя научить, он бы не написал нечто вроде руководства к тому, как подметить сходство и создать метафору; в-третьих, говоря о метафоре как об исключении, Аристотель имел в виду новые яркие поэтические метафоры, а не метафору в целом.

Немецкий лингвист О. Екель провел тщательный анализ идей, высказанных философами, языковедами, психологами относительно метафоры на Западе, в особенности на немецкоязычной почве, и пришел к выводу о том, что идеи, сходные с теми, что изложены в ТКМ, высказывались более 300 лет назад и ранее, отличия лишь в формулировках и терминологии. Как итог своего исследования он приводит сводную таблицу основных понятий, на которых базируется понимание метафоры И. Канта, Х. Блюменберга, Г. Вайнриха, и сопоставил эти понятия с базовыми понятиями ТКМ, представленными в работе Дж. Лакоффа с М. Джонсона [3]: '*conceptual metaphor*', '*metaphoric expression*', '*cognitive model (ICM)*', '*source domain*', '*target domain*'. Позволим себе привести сводную таблицу О. Екеля «Основные терминологические совпадения когнитивной теории метафоры с предшествующими ей теориями метафоры» в переводе на русский язык, дополнив ее указанием терминов на языке оригинала.

Кант	Аналогия <i>Analogie</i>	Символ <i>Symbol</i>			
Блюменберг	Фоновая метафора <i>Hintergrund-metaphorik</i>	Метафора <i>Metapher</i>	Когнитивная модель <i>Modelvorstellung</i>		
Вайнрих	Образное поле <i>Bildfeld</i>	Метафора <i>Metapher</i>	(Гипотетическая) когнитивная/мыслительная модель <i>Denkmodel</i>	Область донора образа <i>Bildspender</i>	Область реципиента образа <i>Bildempfänger</i>
Лакофф и Джонсон	Концептуальная метафора <i>conceptual metaphor</i>	Метафорическое выражение <i>metaphoric expression</i>	Когнитивная модель (ИКМ) <i>Idealized Cognitive Model</i>	Область/домен источника <i>source domain</i>	Область/домен цели <i>target domain</i>

Приведенная таблица демонстрирует моменты сходства понятий ТКМ с понятиями, представленными у И. Канта и Х. Блюменберга, и полное (!) совпадение с понятийным аппаратом,

представленным у Г. Вайнриха, который в 1958 г. представил теорию метафоры, основанную на наблюдениях за повседневной речью. Примерно в это же время немецкий философ Х. Блюменберг в двух эссе, посвященных метафоре: «Свет как метафора правды» (1957) и «Парадигмы метафорологии» (1960) приводит результаты проведенной им реконструкции центральных философских понятий, в результате которой ему открывались важнейшие метафоры экзистенциального плана, например: ЖИЗНЬ – ЭТО КНИГА. Х. Блюменберг отмечает, что изучение метафоры может пролить свет на важнейшие аспекты жизни культуры, общества и человека.

Французский ученый П. Рикер в работе «Правило метафоры», которая впервые вышла в 1975 г. (на французском языке), и в 1977 г. – в переводе на английский, приводит обзор значимых с точки зрения автора работы идей, касающихся метафоры, начиная с Античности и заканчивая 70-ми гг. прошлого века. Анализируя концепцию французского философа XIX в. П. Фонтанье ("Le Figures du discours" 1830), П. Рикер указывает, что, по мнению П. Фонтанье, тропы, будь то метафора, метонимия или синекдоха, основаны на взаимодействии двух идей: изначально к слову прикреплен определенная идея, а затем (посредством метафоры) к этому же слову прикрепляется еще одна идея. Мысль о корреляции в метафоре двух идей и, что не менее важно, высказываемое им положение о том, что эти идеи понимаются с точки зрения мыслящего, воспринимающего индивида [4], сближают концепцию П. Фонтанье с ТКМ с антропоцентрической концепцией в языке. Мысль о взаимодействии двух идей в метафоре высказывает и развивает на страницах своей работы 1936 г. и английский исследователь А. А. Ричардс.

«Когнитивно-ориентированные» идеи высказывались и отечественными учеными. По данным Е. В. Шустровой, трактовка метафор, аналогичная ТКМ, в 20-х гг. прошлого века, отмечена в работе М. О. Гершельзона «Гольфстрем» в описании образных моделей русского поэтического языка: в исследовании описана попытка провести параллели между образами, свойственными языку Гераклита, А. С. Пушкина и Библии, и устойчивыми выражениями и моделями обиходного русского языка [5]. Как отмечает Т. Г. Скребцова, в статье «О вещных коннотациях абстрактных существительных» (1979 г.) В. А. Успенский на основе изучения абстрактных существительных *авторитет, страх, горе, радость* сделал вывод о том, что «отвлеченное существительное может иметь такую лексическую сочетаемость, как если бы оно обозначало некоторый материальный предмет» [6], что по сути обозначает метафорический перенос из сферы конкретного в сферу абстрактного.

Отдельного внимания заслуживает концепция парадигмы образа, выдвинутая Н. В. Павлович, согласно которой образы (метафоры) встраиваются в парадигмы, при этом парадигма образа понимается как инвариант, состоящий из двух устойчивых смыслов, связанных отношениями отождествления [7]. Эта мысль созвучна идее когнитивистов о взаимодействии в метафоре двух доменов знания, а также идее репрезентации абстрактного через конкретное.

Как отмечает Т. В. Черниговская, еще в середине прошлого века ряд исследователей в области психологии и психиатрии опытным путем доказали роль метафоры как «орудия» мышления. Эти выводы также, несомненно, созвучны ТКМ. Например, психолог Б. Скиннер в работе 1957 г. «Вербальное поведение» отметил, что если новую ситуацию нельзя вывести и назвать исходя из имеющегося опыта, метафорическое осмысление является единственным выходом. Он подчеркивал, что «эмпирической основой метафорики является постоянный и непрменный контроль языка над вновь открытыми свойствами и явлениями мира» [8].

Упомянутые выше работы отнюдь не исчерпывают как всего списка исследований, которые по своей сути созвучны основным постулатам ТКМ, базирующейся на идее метафоричности мысли, так и всего списка обзорных работ, посвященных предтечам теории концептуальной метафоры.

Интересно отметить, что термин «когнитивная метафора» встречается в работах отечественных исследователей, датированных преимущественно 80-ми гг. XX в., вне концептуальной сферы когнитивной лингвистики, и в несколько отличном понимании, которое, однако, отчасти сходно с когнитивным подходом. Так, В. Н. Телия выделяет класс когнитивных метафор (наряду с идентифицирующими, образными, оценочными). Когнитивная метафора [9] служит для обозначения абстрактных понятий, уподобляя гетерогенное, она синтезирует новое понятие (*поле деятельности, путь добра* и др.). Со временем когнитивная метафора начинает функционировать как нейтральное наименование [10]. А. Н. Мороховский также выделяет когнитивную метафору (наряду с номинативной, генерализующей и образной) и понимает данный вид метафоры как результат метафоризации «в предикативной, или признаковой, лексике», состоящей «в присвоении объектам 'чужих' признаков» (например: *ветер воет* (как волк); *an unusually mild day that had died; his mind wrestled heavily with the problem* и др.). Такая метафора «возникает в результате сдвига сочетаемости признаковых слов при изменении их значения от более конкретного к более абстрактному. Стилистический эффект когнитивной метафоры невелик. Эта метафора служит

источником полисемии» [11]. Примечательно, что и в таком контексте когнитивную метафору также связывают с переносом с конкретного на абстрактное.

Таким образом, понимание метафоры как мыслительного феномена возникло давно: оно либо транслировалось «по умолчанию», в имплицитной форме, как нечто само собой разумеющееся и поэтому не требующее дополнительной вербализации, либо же, попросту, не было «услышано».

По признанию З. Кёвечеша, Дж. Лакофф и М. Джонсон эксплицировали и дали теоретическое обобщение идее метафоричности мысли [12]. Дальнейшее развитие ТКМ осуществляется как в традиционных рамках, так и с внесением в ТКМ изменений и корректив; ТКМ применяется к разнообразному в модальном, языковом, дискурсивном и прочем отношении материалу. На ее основе возникли и развились новые идеи, давшие начало новым теориям. Практический, прикладной потенциал ТКМ до сих пор не исчерпан.

Примечания

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Едиториал, 2004.
2. Mahon J. E. Getting your sources right. What Aristotle did not say // L. Cameron and G. Low (eds) / Researching and Applying Metaphor. Cambridge: Cambridge University Press. P. 69–80.
3. Jäkel O. Kant, Blumenberg, Weinrich: Some forgotten contributions to the cognitive theory of metaphor // Gibbs R.W. Jr., Steen G. (eds.) / Metaphor in Cognitive Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 1999. P. 22.
4. Ricoeur P. The Rule of Metaphor. The creation of meaning in language. Routledge Classics. L.; N. Y., 2003.
5. Шустрова Е. В. Методика когнитивно-дискурсивного анализа художественного текста // Педагогическое образование в России. 2013. № 6. С. 166.
6. Кребецова Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. С. 48.
7. Павлович Н. В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: РАН, Ин-т рус. яз., 1995. С. 7.
8. Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М.: Языки славян. культуры, 2013. С. 236.
9. Следует учитывать, что значение терминов «когнитивная метафора» и «концептуальная метафора», применяемых в работах В. Н. Телия и других отечественных лингвистов, датированных восьмидесятыми годами XX в., понимается в более узком, специальном смысле и не совпадает в полной мере по значению с термином «когнитивная/концептуальная метафора», применяемым когнитивными лингвистами.
10. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова и др. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
11. Мороховский А. Н., Воробьева О. П., Лихошерст Н. И., Тимошенко З. В. Стилистика английского языка. Киев: Вища шк., 1984. С. 173–174.
12. Kövecses Z. Metaphor. A Practical Introduction. Second Edition. Oxford University Press, 2010. P. x.

Notes

1. Lakoff J., Johnson M. Metaphory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. M. URSS Editorial. 2004.
2. Mahon J. E. Getting your sources right. What Aristotle did not say // L. Cameron and G. Low (eds) / Researching and Applying Metaphor. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 69–80.
3. Jäkel O. Kant, Blumenberg, Weinrich: Some forgotten contributions to the cognitive theory of metaphor // Gibbs R. W. Jr., Steen G. (eds.) / Metaphor in Cognitive Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 1999. P. 22.
4. Ricoeur P. The Rule of Metaphor. The creation of meaning in language. Routledge Classics. L.; N.Y. 2003.
5. Shustrova E. V. Metodika kognitivno-diskursivnogo analiza hudozhestvennogo teksta [Methods of cognitive-discursive analysis of literary text] // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical education in Russia. 2013, No. 6, p. 166.
6. Krebtsova T. G. Kognitivnaya lingvistika: kurs lekciy [Cognitive linguistics: course of lectures]. SPb. Philological faculty of St. Petersburg State University. 2011. P. 48.
7. Pavlovich N. V. YAzyk obrazov: paradigmny obrazov v russkom poehticheskom yazyke [Language of images: the paradigm of images in Russian poetry of the language]. M. RAS, In-t of Rus. lang. 1995. P. 7.
8. Chernigovskaya T. V. Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: yazyk i soznanie [Cheshire smile of Schrödinger's cat: language and mind]. M. Languages of Slavs.culture. 2013. P. 236.
9. Note that the meaning of the terms "cognitive metaphor" and "conceptual metaphor" used in works by V. N. Teliya and other Russian linguists, dated eighties years of the XX century, is understood in the narrower, special sense and does not coincide fully with the value of the term "cognitive/conceptual metaphor" applied by cognitive linguists.
10. Teliya V. N. Metaforizaciya i eyo rol' v sozdanii yazykovoj kartiny mira [The metaphorization and its role in the creation of a language picture of the world] // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: YAzyk i kartina mira – Role of human factor in language: Language and picture of the world / B. A. Serebrennikov, E. S. Kubryakova, V. I. Postovalova etc., M. Nauka. 1988. Pp. 173–204.
11. Morokhovskiy A. N., Vorobyeva O. P., Likhosherst N. I. and Z. V. Timoshenko Stilistika anglijskogo yazyka [Stylistics of the English language]. Kiev. Vysha Sch. 1984. Pp. 173–174.
12. Kövecses Z. Metaphor. A Practical Introduction. Second Edition. Oxford University Press, 2010. P. x.

Категориальный подход к изучению книги

В статье рассматривается проблема методологии электронной книги в глубокой взаимосвязи с вопросом о методах научного познания книги как предмета книговедческого знания. Учитывая современные тенденции развития книги как объекта коммуникации, а также особенности изучения книги в современном книговедении, автор делает вывод о необходимости расширить понимание предмета книговедческого знания и обосновывает возможность применения категориального подхода с целью исследования современной книги. В статье содержится анализ положений книговедения, которые можно считать предпосылками этого метода, определяется дальнейшее направление его развития в современном книговедении.

The problem of the methodology of e-books in a deep relationship with the question of the methods of scientific knowledge of the book as an object-of bibliographic knowledge. Given the current trends in the development of the book as an object of communication, and particularly the study of books in modern bibliography, the author makes a conclusion about the need to expand the understanding of the subject bibliographic knowledge and justifies the possibility of applying the categorical approach to study the modern book. The article contains an analysis of the provisions of Book Science, which can be considered prerequisites for this method is determined by the direction of its further development in modern bibliography.

Ключевые слова: информационная среда, информационные технологии, электронная книга, книга как предмет книговедческого знания, категориальный подход, типология книги.

Keywords: information environment, information technology, e-book, book as the subject of bibliography knowledge, categorical approach, the typology of the book.

Современный этап развития цивилизации характеризуется качественными трансформациями информационно-коммуникационной системы, кардинально изменившими её базовые параметры. В результате этих преобразований сформировался новый информационный режим, нивелируются барьеры между различными каналами трансляции информации и формами её существования, происходит глобальный охват аудитории единым информационным контентом [1].

Стремительное развитие информационных технологий стало причиной появления и распространения электронной книги, которая продолжает набирать популярность среди читательской аудитории. Статистические данные свидетельствуют о том, что доля электронного контента в современном книгоиздании имеет устойчивую тенденцию к увеличению. В настоящее время в книжном репертуаре издательств США она составляет 25,6%, Великобритании – 16,2%, такая ситуация характерна и для российского книжного рынка [2].

Внедрение новейших компьютерных технологий в издательский процесс позволяет создать качественно новый электронный продукт, в котором наилучшим образом могут быть учтены трансформации, происходящие в восприятии и порождении книжного текста. Медиатекст, отличающийся многомерностью, уровневой организацией информационной среды, соответствует модели информационного сознания современного пользователя. Его структура позволяет реализовать качественно иной уровень взаимодействия читателя с книгой, что обуславливает кардинальные изменения в распределении ролей автора и читателя. Электронная коммуникация расширяет возможности выбора знакового разнообразия, структурного представления текста, его шрифтового и иллюстративного оформления, способов взаимодействия читателя с текстом и т. д. Но, характеризуя новые книжные форматы, следует говорить об эволюции книги, а не о смене её парадигмы. Из этого закономерно сделать вывод: с целью сохранения и развития коммуникативной культуры необходима трансляция традиций книжной культуры, наработанных в течение длительного периода существования печатной книги, в новую электронную среду.

Всё это свидетельствует о том, что электронная книга требует осмысления теоретических аспектов, связанных с выявлением её сущностных свойств. Ответ на вопросы «Что есть электронная книга?», «Можно ли отнести её к книжной коммуникации?» позволил бы определить место электронной книги в информационной среде, ограничить круг объектов, которые могут быть причислены к этому понятию, типологизировать и классифицировать их, эффективно осуществлять процессы их хранения и распространения, стандартизировать основные термины и понятия

в области электронной книжной коммуникации, а также эффективно использовать преимущества компьютерной среды в процессе создания электронного книжного продукта.

Однако в современном книговедении термин «электронная книга» до сих пор используется как метафора. Несмотря на то что в настоящее время в научном сообществе созрело понимание длительной перспективы существования электронной книги, а содержание научных дискуссий смещается в сторону анализа различных её аспектов [3], исследований, имеющих отношение к проблеме сущностных (типологических) свойств электронной книги, пока недостаточно. Кроме того, на сегодняшний день в книговедении остается нерешённой главная проблема, связанная с предметом его изучения, – проблема сущности книги.

Такое положение дел отмечают и сами книговеды. Так, В. Н. Ляхов пишет: «Решительно изменяющаяся картина бытия книги в современном обществе заставляет очень серьёзно задуматься над тем, насколько соответствуют новым задачам основные понятия книговедения, сложившиеся в “докризисную” пору существования книги... В ряду явлений, нуждающихся в скорейшем уточнении, оказывается центральный объект книговедения – сама книга, о судьбах которой идёт сейчас такой сложный и важный разговор» [4].

О. В. Андреева и М. Е. Порядина отмечают, что понимание содержания категории «книга» в современном книговедении строится на уровне специально-книговедческого и частно-дисциплинарного книговедческого знания; такое «узкое» понимание предмета книговедения объясняет тот факт, что ни одна из её дефиниций, представленная в научных трудах, не отвечает условиям современной информационной среды [5].

В то же время в книговедческих научных трудах содержатся теоретические положения, которые дают возможность идти по пути расширения предмета исследования и позволяют уточнить статус книги в системе современной коммуникации. Эти положения можно выделить в отдельный категориальный подход к исследованию предмета книговедческого знания.

В трудах С. П. Омилянчука, А. А. Беловицкой, А. А. Гречихина по отношению к книге употребляется термин «научная категория», который характеризует книгу как явление, имеющее наивысшую степень абстракции, концентрирующее в себе свойства множества объектов коммуникации. Такую научную позицию можно рассматривать в качестве особого категориального подхода, позволяющего изучить книгу и как абстрактное явление, обладающее определёнными признаками, и как конкретный предмет, причисляемый к этому явлению.

В связи с распространением электронной коммуникации анализ книги как научной категории становится всё более актуальным. Это обусловлено не только трансформациями книжной формы, но и эволюцией взглядов на книгу как на явление социума, феномен культуры. Исследование книги в качестве некоего артефакта, соединяющего культуру прошлого и современности, уже невозможно в пределах понятий «издание» или «печать». В этом контексте категориальный подход к изучению книги не только позволяет исследовать книгу во всём многообразии её проявлений и взаимосвязей с другими объектами коммуникации, но и соотносится с научными подходами (например, с документологическим подходом), в которых книга характеризуется как частный случай документа, имеющий субстанциональное и функциональное значения [6].

Предпосылки категориального подхода к анализу книги присутствуют в работах М. Н. Куфаева. Определяя главные признаки книги, автор отмечал, что книга – «довольно растяжимое и условное понятие» [7], которое можно характеризовать как в узком, так и в предельно широком значениях. В этом смысле, согласно М. Н. Куфаеву, философия книги должна постичь предмет своего изучения и в эмпирическом, и в идеальном смыслах. Только тогда, пишет автор, можно получить тот комплекс понятий и ту сумму знаний, «которые, выражая действительность... во всём её охвате... создадут науку о книге или книговедение» [8]. Таким образом, М. Н. Куфаев понимал философию книги как дисциплину, с одной стороны, определяющую бытие и развитие книги, с другой – её познание.

Методологической основой категориального подхода к исследованию книги можно считать и положения философии познания, где термин «категория» соотносится с термином «понятие» и рассматривается как концепт, отражающий высокий уровень абстракции. В теории познания понятие осознаётся как одна из основных единиц мыслительной деятельности, логическая форма, с помощью которой строятся другие формы мышления. Его познавательная ценность заключается в том, что с помощью понятия выделяют существенное, общее в предмете (свойство, признак, функцию). Благодаря этому понятие обычно характеризует целый класс объектов, объединяемых тем или иным признаком. Выделение с помощью понятия общего в различных предметах обеспечивает возможность обозначать эти предметы одним именем, но вместе с тем фиксировать их различные свойства [9]. При включении понятия в научную систему, в процессе соотношения с другими понятиями происходит его категоризация. Поэтому самые общие, ключевые понятия выступают в нашем мышлении в форме категорий.

Определяя значение категорий в научном познании, И. Кант писал: «Мы не можем мыслить ни одного предмета иначе, как с помощью категорий; мы не можем познать ни одного мыслимого предмета иначе, как с помощью созерцаний, соответствующих категориям». Он определял категории как «формы мышления для того, чтобы из данных созерцаний порождать знание» [10]. В системе философского знания категории осознаются как наиболее общие и фундаментальные понятия, отражающие существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания. Их методологическая ценность заключается в том, что они представляют собой идеальный аналог материального мира, его общих свойств, связей и отношений. Отсюда вытекает необходимость применения категорий к исследованию явлений, природы, общества и мышления [11].

Каждая наука может оперировать присущими ей категориями, которые в этом случае составляют её научно-категориальный аппарат, имеющий свою специфику и не совпадающий с системой философских категорий, но неразрывно связанный с ней. Выявление основных элементов категориального аппарата конкретной науки позволяет раскрыть логику её развития, преобразования научного строя её понятий. Таким образом, исследование категорий в конкретной науке даёт возможность представить предмет её изучения в контексте самых широких его проявлений.

В работах А. А. Беловицкой и А. А. Гречихина категориальный подход к анализу книги взаимосвязан с проблемой её типологической характеристики, так как процессы категоризации и типологизации взаимообусловлены: при категоризации объекты сравниваются между собой по некоему признаку-атрибуту [12], а типологизация заключается в объединении множества предметов по такому признаку [13]. Взаимосвязь конструктов «категоризация» и «типология» реализуется и в положении о том, что категоризации легче поддаются нечёткие множества предметов, именно к ним в философии познания применяется термин «тип» [14].

В трудах А. А. Беловицкой основы (элементы) категориального подхода содержатся в разработанной автором книговедческой системно-типологической концепции, которая выстраивается с учётом системного подхода к анализу книги. Исходя из того что научное познание – это бесконечный, многоуровневый и многоступенчатый процесс, представляющий собой восхождение от теории одного уровня к теории более высокого уровня, А. А. Беловицкая формирует книговедческий системно-типологический метод, который призван отразить строение системы книги с помощью её идеальной модели, представляющей собой обобщённое выражение признаков, характеризующих её сущность, структурные уровни, системообразующие связи её составных частей, свойств и признаков [15].

В книге «Общее книговедение» автор определяет предпосылки формирования такого метода и отмечает, что в методологии книговедения на базе системно-типологической концепции, принятой за исходную, «разрабатывается обобщенная теоретическая модель общекниговедческого способа познания – исследования, объяснения сущности, способа существования, развития, смены форм книги как объективного явления социальной действительности и фундаментальной книговедческой категории» [16]. Однако приходится констатировать, что теоретические положения, сформулированные автором, не нашли конкретного воплощения ни в системе типологизации книги, ни в разработке её обобщённой модели.

С позиции категориального подхода исследует книгу А. А. Гречихин. Рассматривая её как научную книговедческую категорию, автор отмечает, что сущностные признаки книги находят своё проявление в типологической модели, «представляющей собой своеобразный идеализированный аналог, определённую знаковую схему, составленную из научных категорий и понятий, отражающих в своём единстве социальную сущность книги как способа информационного общения» [17].

Всё многообразие принципов, которые могут быть использованы в качестве основы создания такой модели, автор сводит к трём основным: перечислительному, иерархическому и интегральному – и отмечает их диалектическую взаимосвязь. Однако, говоря об иерархической типологической модели, А. А. Гречихин отмечает, что она должна соответствовать принципам классификации. В этом содержится явное противоречие: рассматривая книгу как тип, категорию, следует идти путём обобщения её сущностных признаков, а не путём классификации, то есть расчленения объекта на некоторые подмножества.

Противоречия в теории А. А. Гречихина усматриваются и в том, что далее в качестве основы такой модели он определяет ценностную обусловленность книги как способа информационного общения, так как ценностно-типологическая подсистема категорий, основанная на принципе деятельности, «динамически трансформирует все другие подсистемы, позволяя сформировать универсальную типологическую модель книги как открытую, развивающуюся систему» [18]. Здесь определяется другой принцип составления модели книги, но его соотношение с тремя предыдущими остаётся неясным. Эти противоречия сохраняются и на уровне теоретической (типологической) модели книги, разработанной в трудах А. А. Гречихина [19].

Все изложенные постулаты свидетельствуют о том, что: а) в книговедческих исследованиях содержатся основы применения категориального подхода с целью исследования книги; б) изучение книги с этой позиции взаимосвязано с её типологической характеристикой и сопряжено с разработкой теоретической модели книги, обладающей высокой степенью обобщения, содержащей главные сущностные свойства книги как объекта коммуникации. Однако категориальный подход в книговедении требует дальнейшей доработки. Исходя из того что конструкты «категоризация» и «типологизация» являются взаимосвязанными, дальнейшую разработку этого подхода следует осуществлять, учитывая степень разработанности проблемы типологизации в современном книговедении.

Примечания

1. Баева Л. В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 75–84; Сляднева Н. А. Россия в многополярном мире. URL: [http://: aselibrary.ru/datadocs/doc_1246qo.pdf](http://aselibrary.ru/datadocs/doc_1246qo.pdf). Дата обращения: 15.07.2015.
2. Книга в информационном обществе: материалы XIII междунар. науч. конф. по проблемам книговедения: в 3 ч. М., 2014. Ч. 3: Книга. Книгоиздание. Книговедение. Книжная культура (история и современность). С. 27–28.
3. Лютов С. Н. Традиционная книга и электронные издания: проблемы и перспективы сосуществования // Книжная культура: опыт прошлого и проблемы современности: к 90-летию Научно-исследовательского института книговедения в Петрограде: материалы междунар. конф. М., 2010. С. 208.
4. Ляхов В. Н. Структурная модель книги и перспективы её применения // Книга: исследования и материалы. М., 2002. Сб. 80. С. 74.
5. Андреева О. В., Порядина М. Е. Проблемы книговедения в современной профессиональной печати: терминология, типология, классификация, обязательный экземпляр: обзорная информация. М.: Бук Чембэр Интернэшнл, 2013. С. 65.
6. Столяров Ю. Н. Онтологический статус документа // Библиотековедение. 2009. № 4–6. С. 50–59.
7. Куфаев М. Н. Избранное. Труды по книговедению и библиографии. М.: Книга, 1981. С. 23.
8. Куфаев М. Н. Избранное. Труды по книговедению и библиографии. М.: Книга, 1981. С. 22.
9. Краткий словарь по философии / под общ. ред. И. В. Блауберга, И. К. Пантина. 3-е изд., дораб. и доп. М.: Политиздат, 1979. С. 241–242.
10. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т.; АН СССР, Ин-т философии, под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 214.
11. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1978. Т. 11. С. 527.
12. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / пер. с англ. К. И. Бабицкого; предисл. и общ. ред. А. Р. Лурия. М.: Прогресс, 1977. С. 27.
13. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев [и др.]. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 656–657.
14. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев [и др.]. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 656–657.
15. Беловицкая А. А. Общее книговедение. М.: Книга, 1987. С. 135.
16. Там же. С. 230–235.
17. Гречихин А. А. Современные проблемы типологии книги. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. С. 89.
18. Гречихин А. А. Там же. С. 113.
19. Саутина Е. В. Типология книги: анализ подходов и направление развития // Библиосфера. 2015. № 1. С. 41–47.

Notes

1. Baeva L. V. EHlektronnaya kul'tura: opyt filosofskogo analiza [E-culture: experience of the philosophical analysis] // Voprosy filosofii – Questions of philosophy. 2013, No. 5, pp. 75–84; N.A. Slyadneva. [Russia in a multipolar world. Available at: http://: aselibrary.ru/datadocs/doc_1246qo.pdf. Reference date: 15.07.2015.
2. Kniga v informacionnom obshchestve: materialy XIII mezhdunar. nauch. konf. po problemam knigovedeniya – The book in the information society: proceedings of the XIII Intern. scientific conf. on bibliology: in 3 pts. M. 2014. Part 3: Book. Book publishing. Bibliology. Book culture (history and modernity). Pp. 27–28.
3. Lutov S. N. Tradicionnaya kniga i ehlektronnye izdaniya: problemy i perspektivy sosushchestvovaniya [Traditional book and electronic publishing: problems and prospects of coexistence] // Knizhnaya kul'tura: opyt proshlogo i problemy sovremennosti: k 90-letiyu Nauchno-issledovatel'skogo instituta knigovedeniya v Petrograde: materialy mezhdunar. konf.- Book culture: past experience and problems of modernity: on the 90th anniversary of Scientific research Institute of book science at Petrograd: proceedings of the international conf. M. 2010. P. 208.
4. Lyakhov V. N. Strukturnaya model' knigi i perspektivy eyo primeneniya [Structural model of the book and prospects for its application] // Kniga: issledovaniya i materialy – Book: studies and materials. M. 2002. Coll. 80. P. 74.
5. Andreeva O. V., Poryadina M. E. Problemy knigovedeniya v sovremennoj professional'noj pechati: terminologiya, tipologiya, klassifikaciya, obyazatel'nyj ehkzempljar: obzornaya informaciya [Problems of book science in the modern professional printing: terminology, typology, classification, required copy: overview. M. Book Chamber International. 2013. P. 65.

6. Stolyarov Yu.N. Ontologicheskij status dokumenta [The ontological status of the document] // Bibliotekovedenie – Library study. 2009, No. 4–6, pp. 50–59.
7. Kufaev M. N. Izbrannoe. Trudy po knigovedeniyu i bibliografii [Favorites. Works on bibliology and bibliography]. M. Kniga. 1981. P. 23.
8. Kufaev M. N. Izbrannoe. Trudy po knigovedeniyu i bibliografii [Favorites. Works on bibliology and bibliography]. M. Kniga. 1981. P. 22.
9. Kratkij slovar' po filosofii – Concise dictionary of philosophy / gen. ed. by I. V. Blauberg, I. K. Pantin. 3d publ., mod. and add. M. Politizdat. 1979. Pp. 241–242.
10. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of pure mind] // Kant I. Works: in 6 volumes; AS SSSR, In-t of philosophy, ed. by V. F. Asmus, A. V. Gulyga, T. I. Oizerman. M. Mysl'. 1964. Vol. 3. P. 214.
11. Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya – The great Soviet encyclopedia / chief editor A. M. Prokhorov. 3d publ. M. Sov. Encyclopedia. 1978. Vol. 11. P. 527.
12. Bruner Dzh. Psihologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoj informacii [The psychology of cognition. Beyond the immediate information] / transl. from Eng. K. I. Babitsky; forew. and ed. by A. R. Luria. M. Progress. 1977. P. 27.
13. Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar' – Encyclopedic dictionary of philosophy / L. F. Ilichev, P. N. Fedoseev [and others]. M. Sov. Encyclopedia. 1983. Pp. 656–657.
14. Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar' – Encyclopedic dictionary of philosophy / L. F. Ilichev, P. N. Fedoseev [and others]. M.: Sov. Encyclopedia. 1983. Pp. 656–657.
15. Belovitskaya A. A. Obshchee knigovedenie [General bibliology]. M. Kniga. 1987. P. 135.
16. Ibid. Pp. 230–235.
17. Grechikhin A. A. Sovremennye problemy tipologii knigi [Modern problems of typology of book]. Voronezh. Publishing house of Voronezh University. 1989. P. 89.
18. Grechikhin A. A. Ibid. P. 113.
19. Sautina E. V. Tipologiya knigi: analiz podhodov i napravlenie razvitiya [Typology of the book: analysis of approaches and development direction] // Bibliosfera – Bibliosphere. 2015, No. 1, pp. 41–47.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЛЯЕВ Дмитрий Анатольевич – доцент кафедры философии Липецкого государственного педагогического университета. 398020, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42.

E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

БОРОДУЛИНА Светлана Федоровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры издательского дела и книговедения Удмуртского государственного университета. 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1 (корп. 4).

E-mail: luanasvet@yandex.ru

ВОЛОВА Виктория Михайловна – преподаватель английского языка кафедры иностранных и латинского языков Самарского государственного медицинского университета. 443079, г. Самара, ул. Гагарина, д. 16.

E-mail: vtory_700@list.ru

ГУРЬЯНОВ Павел Игоревич – соискатель на степень кандидата исторических наук кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14.

E-mail: countbathory@mail.ru

ДИНЕР Елена Васильевна – доцент кафедры издательского дела и редактирования Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: sautinalina@yandex.ru

ЗИНОВЬЕВА Елена Сергеевна – ассистент кафедры английского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, аспирант кафедры теории языка. 150014, г. Ярославль, Которосльская набережная, д. 66.

E-mail: due_south@rambler.ru

КНЯЗЕВ Виктор Николаевич – доктор философских наук, профессор, зам. зав. кафедры по науке, кафедра философии Московского педагогического государственного университета. 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 88.

E-mail: Victor_knyazev@rambler.ru

КОНДАКОВА Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: irinakondakova@mail.ru

КРАПИВКИНА Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 Иркутского национального исследовательского технического университета. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83.

E-mail: koa1504@mail.ru

ЛАТЫШЕВА Жанна Вячеславовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, ауд. 211-3.

E-mail: joan_lat@mail.ru

ЛУТФУЛЛИНА Гюльнара Фирдависовна – профессор кафедры иностранных языков Казанского государственного энергетического университета. 420066, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51.

E-mail: gflutfullina@mail.ru

МОТОРИНА Любовь Евстафьевна – кандидат философских наук, профессор кафедры философии «Московского авиационного института (национального исследовательского университета)» (МАИ). 125993, г. Москва, А-80, ГСП-3, Волоколамское шоссе, д. 4.
E-mail: Lubov-motorina@yandex.ru

ПЕЧАТНОВ Валентин Владимирович – доцент кафедры философии Московского государственного института международных отношений МИД России. 119454, г. Москва, просп. Вернадского, д. 76.
E-mail: vpechatnov@yandex.ru

ПИЛЮГИНА Елена Владимировна – докторант кафедры философии Московского педагогического государственного университета, директор Территориального центра Российского нового университета. 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 22.
E-mail: elenavpilugina@yandex.ru

ПОЛЯКОВ Олег Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ВятГГУ и кафедры иностранных языков Вятского государственного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: polyakoov@yandex.ru

ПОЛЯКОВА Маргарита Олеговна – студентка факультета лингвистики Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: polyakova-ro@yandex.ru

ПУШКИН Сергей Алексеевич – аспирант кафедры методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета имени Р. Е. Алексеева. 603950, ГСП-41, г. Н. Новгород, ул. Минина, д. 24.
E-mail: sp_87@inbox.ru

СИНИЦЫНА Ульяна Павловна – учитель истории МБОУ СОШ № 33 им. П. Н. Шубина г. Липецка. 398036, г. Липецк, бульвар Шубина, д. 15.
E-mail: Ulyana-sin@yandex.ru

ТИТЛЯНОВА-ЧАЙКИНА Наталья Викторовна – аспирант кафедры издательского дела и редактирования ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: Titlyanova@bk.ru

ТКАЧЕВ Александр Александрович – научный сотрудник Музея археологии и этнографии Тюменского государственного университета. 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10.
E-mail: al.al.tkachev@mail.ru

ФЕДОРИН Владимир Владимирович – аспирант кафедры философии Московского педагогического государственного университета. 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 88.
E-mail: aivind@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BELYAEV Dmitriy Anatolievich – Professor of the Department of Philosophy of Lipetsk State Pedagogical University. 42 Lenin str., 398020, Lipetsk.

E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

BORODULINA Svetlana Fedorovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of publishing and bibliography of the Udmurt State University. 1 (Bldg. 4) Universitetskaya str., 426034, Izhevsk.

E-mail: luanasvet@yandex.ru

VOLOVA Victoria Mikhailovna – teacher of English language at the Department of foreign and Latin languages of Samara State Medical University. 16 Gagarin str., 443079, Samara.

E-mail: vtory_700@list.ru

GURYANOV Pavel Igorevich – applicant for degree of Candidate of Historical Sciences on the Department of Russian history of Yaroslavl State University n.a. P. G. Demidov. 14 Sovetskaya str., 150003, Yaroslavl.

E-mail: countbathory@mail.ru

DINER Elena Vasilyevna – Associate Professor of the Department of publishing and editing of Vyatka State Humanitarian University. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: sautinalina@yandex.ru

ZINOVIEVA Elena Sergeevna – assistant of the Department of English of the Yaroslavl State Pedagogical University n.a. K. D. Ushynsky, post-graduate student of the Department of theory of language. 66 Kotorosl'naya emb., 150014, Yaroslavl.

E-mail: due_south@rambler.ru

KNYAZEV Victor Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Deputy head of the Department of science, Department of Philosophy of Moscow State Pedagogical University. 88 Vernadskiy Ave., 119571, Moscow.

E-mail: Victor_knyazev@rambler.ru

KONDAKOVA Irina Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of linguistics and translation of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: irinakondakova@mail.ru

KRAPIVKINA Olga Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department № 2 of Irkutsk National Research Technical University. 83 Lermontov str., 664074, Irkutsk.

E-mail: koa1504@mail.ru

LATYSHEVA Zhanna Vyacheslavovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy and religious studies of Vladimir State University n.a. A. G. and N. G. Stoletovs. Rm. 211-3, 87 Gorky str., 600000, Vladimir.

E-mail: joan_lat@mail.ru

LUTFULLINA Gulnara Firdavisovna – Professor of the Foreign Languages Department of Kazan State Energy University. 51 Krasnoselskaya str., 420066, Republic of Tatarstan, Kazan.

E-mail: gflutfullina@mail.ru

MOTORINA Lubov Evstafyevna – Candidate of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy of "Moscow Aviation Institute (national research university)" (MAI). 4 Volokolamsk Rd., A-80, GSP-3, 125993, Moscow.

E-mail: Lubov-motorina@yandex.ru

PECHATNOV Valentin Vladimirovich – Associate Professor of the Department of Philosophy of Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia. 76 Vernadskiy Ave., 119454, Moscow.
E-mail: vpechatnov@yandex.ru

PILYUGINA Elena Vladimirovna – doctoral student of the Department of Philosophy of Moscow State Pedagogical University, Director of the Territorial Center of the Russian New University. 22 Radio str., 105005, Moscow.
E-mail: elenavpilugina@yandex.ru

POLYAKOV Oleg Yurievich – Doctor of Philology, Professor of Russian and foreign literature at VyatSHU and the Department of foreign languages of Vyatka State University. 610002, Kirov, street Krasnoarmejsky, d. 26.
E-mail: polyakoov@yandex.ru

POLYAKOVA Margarita Olegovna – a student of the faculty of linguistics of Vyatka state Humanities University. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: polyakova-ro@yandex.ru

PUSHKIN Sergey Alekseevich – postgraduate student of the Department of methodology, history and Philosophy of science at Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev. 24 Minin str., 603950, GSP-41, GN. Novgorod, 24.
E-mail: sp_87@inbox.ru

SINITSYNA Ulyana Pavlovna – the teacher of history school № 33 n. a. P. N. Shubin of Lipetsk. 15 Shubin Boulevard, 398036, Lipetsk.
E-mail: Ulyana-sin@yandex.ru

TITLYANOVA-CHAIKINA Natalia Viktorovna – postgraduate student of the Department of publishing and editing of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: Titlyanova@bk.ru

TKACHEV Alexander Alexandrovich – researcher of the Museum of Archaeology and Ethnography of Tomsk State University. 10 Semakov str., 625003, Tyumen.
E-mail: al.al.tkachev@mail.ru

FEDORIN Vladimir Vladimirovich – postgraduate student of the Department of Philosophy of Moscow State Pedagogical University. 88 Vernadskiy Ave., 119571, Moscow.
E-mail: aivind@mail.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 1 (2016)

Подписано в печать 31.01.2016 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 1000. Заказ № 032.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 208-964

Отпечатано в полиграфическом цехе
издательства ООО «Радуга-ПРЕСС»
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48
(8332) 262-390